

кр. Р2

4-491

А. ЧЕРНЕЕВА

КОГДА

ПЛАМЕНЕЮТ

ЛИСТЬЯ

Льву Николаеву

Кубзеву

с наилучшими
желаниями

А все так прекрасно
спешит, когда мы
радеем не раз!

А. Зарубин. Сербия

20/III 1957

В. Зарубин

Краеведение

кр. Р2
4-491

А. ЧЕРНЕВА

КОГДА
ПЛАМЕНЕЮТ
ЛИСТЬЯ

ПОВЕСТЬ

«Приморская краевая публичная
библиотека им. А.М. Горького»

Р 2
Ч 49

«В древности один мудрец сравнивал людей с листьями могучего дерева. Чем сильнее пламенеют листья, тем крепче стоит дерево, тем глубже в землю уходят его корни. Сухой лист пламенеть не будет. Источать жар, взятый у солнца, могут только здоровые, сильные, сочные листья, которые откладывают почку для будущей смены.

Разве не то же происходит с сердцами человеческими?» — так автор определила основную мысль книги.

Повесть эта — о жодях одного из дальневосточных районов, чья сила духа и сердечная щедрость раскрылись в тяжелую годину Великой Отечественной войны.

Редактор И. Абоносимова

©

Дальневосточное
книжное
издательство
1975

Ч 752-17 18 75
М142(03) 75

14231000172716

Об этой книге и ее авторе

Эта книга вышла в свет в знаменательный год 30-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, и это не случайно: она — о войне.

Есть книги, «биография» которых трудна и сложна. Эта — принадлежит к их числу. Приморская журналистка Аглая Михайловна Чернеева (Суроедина) задумала ее еще в годы войны. И исходный жизненный, фактический материал тоже накапливала в годы войны. Первый вариант произведения был закончен вчерне в дни, когда страна готовилась к двадцатилетию Победы. Десять лет, десять долгих лет напряженной работы, переделок, переосмысливания, переписывания многих страниц и целых глав понадобились автору для того, чтобы сказать себе: кажется, наконец-то произведение сложилось таким, каким оно было задумано.

Строго говоря, это не первая встреча А. Чернеевой с читателями. В 1954 году в Приморском книжном издательстве вышел сборник очерков «Земля любимая», через два года — новый сборник «У озера Ханка». В 1960 году — очерк «Чабаны». Год спустя — биографическая книга о доярке зверосовхоза «Седанка» Марии Арефьевой. Еще через год — в небольшой книжечке «Живет в Приморье человек!» она рассказала о другой сельской труженице — Анне Васильевне Зайцевой. Очерки А. Чернеевой довольно часто появлялись в журналах и литературно-художественном альманахе «Советское Приморье», вошли в большой коллективный сборник «На Дальнем Востоке», выпущенный издательством «Советский писатель».

Почти всю жизнь, в том числе все годы Отечественной войны, А. Чернеева проработала радиожурналисткой, ее постоянная область творческих поисков — дальневосточное село. Пожалуй, трудно назвать в Приморье даже самую отдаленную, глухую таежную деревушку, где она за эти годы не побывала бы многократно, где ее поныне не знали бы и не помнили.

В военную пору да и многие годы после войны — не в пример нынешним дням — автомобиль был для приморского журналиста чаще всего несбыточной мечтой: от села к селу, за десятки километров пешком, в лучшем случае на какой-нибудь попутке. А когда природа не мелькает справа или слева от твоей стремительно мчащейся машины; когда она встречает путника то звонкой, веселой рощицей, то прохладой горной речушки, то синей стеною тайги, то полями багряной сараны или фиолетовых ирисов; когда ты посидишь над ручьем, послушаешь шелест молодой листвы, глотнешь родниковую воздуха горных вершин, — картины дальневосточной природы, шемяще прекрасные и томительно радостные, останутся в твоей памяти навсегда. Так происходило и с А. Чернеевой. И любовь к природе, умение написать ее — одна из сильных, впечатляющих сторон книги, которую вы начинаете читать.

Эта книга о войне. Точнее: о жизни приморской деревни в тяжелую, военную пору, когда почти всех мужчин, от юношей до стариков, война позвала на фронт, и заботы о хозяйстве, с помощи фронта, об урожае, о детишках, о том, чтобы работали школы и не гас-

ли бѣгоньки в деревенских клубах, — всё легло на хрупкие женские плечи. Вы встретите здесь главы, в особенности берущие за сердце своей безжалостной прямоотой, в них рассказано, чем и как жило «бабье» Приморье в военную страду. Вот где журналистская зоркость и знание жизни сослужили А. Чернеевой самую добрую службу!

Здесь не случайно были перечислены ее книги очерков, к ним можно было бы прибавить те сотни радиоочерков и газетных корреспонденций о людях приморской деревни, которые опубликовала А. Чернеева за годы журналистской работы: лучшими черточками их героев (а чаще героинь, потому что о женщинах она писала охотнее) она наделила персонажей этой книги.

Слов нет, взыскательный критик подметит в этой повести влияние журналистского навыка.

Сила книги «Когда пламенеют листья» — в правде. В неподкупной, суровой правде о великом народном подвиге трудовых и ратных свершений.

Это и делает издание повести А. Чернеевой «Когда пламенеют листья» заметным событием в культурной жизни советского Приморья в год 30-летия нашей Победы.

Г. Халилецкий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

По улице небольшого села Долинки катались на салазках ребята, они направляли с пригорка санки, ловко объезжали угол дома с высоким резным крылечком и мчались по переулку вниз к реке. Прodelать такой сложный путь удавалось не каждому. Мальчишки падали в снег, а пустые санки мчались дальше. Визг, смех и возня ребят при этом усиливались все больше.

Один паренек, не рассчитав, со всего размаха вкатил во двор в ту минуту, когда на крыльцо вышел хозяин Назар Петрович Науменко. Высокий, широкоплечий, Назар строго посмотрел на паренька. Темные глаза его сверкнули, а густые, кустистые брови на секунду сдвинулись, потом вдруг расправились, лицо подобрело, и широкая улыбка окончательно убедила парнишку в том, что дядя Назар ругаться не будет.

— Тебе чего, постреленок, проулка мало? — добродушно спросил Науменко, засовывая руки в карманы распахнутого дубленого полушубка.

— Я нечаянно! — крикнул мальчуган и, подхватив санки, убежал к ребятам, сгрудившимся на дороге.

Через минуту все они опять покатали к реке, а Назар Петрович еще долго стоял на крылечке, глядя им вслед. Теперь они убежали, и берег затих.

Странная это была тишина: зимнее безмолвие нарушалось лишь журчанием реки. Она текла среди берегов, засыпанных снегом. Мороз уже схватил сугробы твердой хрустящей корой наста, а пережат жил, не позволяя ледяной броне сомкнуться.

Назар Петрович родился и вырос в этом селе, раскинувшемся на высоком берегу в излучине реки Пережатной, но всегда поражался силе этой реки. Сейчас он смотрел на стрежень, на темные тяжелые струи, уносящиеся куда-то далеко к морю, и ему казалось, что его собственные мысли бегут вслед за ними. Вспомнились детство, юность, первые годы жизни колхоза и то, как он однажды, перегоняя через реку артельный скот, чуть не утопил корову, как сидел потом возле нее всю ночь, по-

ка животное не окрепло; как радовался вместе с парнями первому трактору, что привел в колхоз их товарищ и друг Григорий Смелик. Кажется, совсем недавно все это было... И так давно, что уже волосы засеребрились...

Вспомнилось и другое. Вот здесь, на этом самом месте, немало сживали они с Пашенькой лунными весенними ночами. Расстелет, бывало, Назар прямо на гальку свой старенький пиджачок, и Пашенька сядет, прижмется к нему, тонкими руками обнимет за шею — и затихнут оба, слушают реку. Много знает старая Перекатная. Если бы могла она открыть наперед, что ждет его...

«Хороши наши места! Скажи кому, кто тут не жил, — не поверит. Зимой — и такая красота!»

Он долго смотрел на реку, потом махнул рукой, будто что-то отрывал от себя, и быстро пошел в гору. С запада шла тяжелая, плотная туча. Она низко опустилась над тайгой, казалось вот-вот заденет своим рваным, мохнатым краем верхушки столетних деревьев.

Назар увидел: и соседу не сидится дома. Подошел к плетню, что разделял дворы.

— Здорово!

— Здравствуй.

Назар Петрович оглядел небо, закрытое тучей.

— Не иначе как снегу ночью подвалит.

Оба помолчали, хотя думали об одном и том же: погода что, не в погоде дело! Назар Петрович, глянув в глаза соседа, спросил:

— Ну, Митрич, собрался?

— Долго ли собираться?

— Ну все же... Не на день уходим...

Назар Петрович отошел от плетня, зашел в сарай. Когда входил, пригнул голову. Подумалось: так и не собрался дверь сделать повыше. Дал корове сена. Из широкой глиняной миски, что всегда стояла в сарае, набрал горсть соли и насыпал в ясли.

— Ешь, Зорька!

Потом, прислушиваясь, как Зорька хрустит подсолненным сеном, похлопал ее по шее, смахнул варежкой сенную труху с ее спины и вышел из сарая.

Туча разразилась снегом. Он пошел сплошной стеной, занося дороги, словно грозился не выпустить людей из родного села.

Назар Петрович остановился. Что ж это? Оплакиваешь нас, родная сторонка, или сулишь возвращение в ведро? Он стянул шапку, запрокинул голову и постоял так несколько минут, подставив лицо под мягкие, пушистые хлопья. Поднялся на крыльцо, шумно стряхнул валенки. Перед тем как открыть дверь в сени, поглядел на снежную карусель.

— Ишь разбушевалась! Ничего, не запугаешь! — сказал и вошел в избу.

Прасковья Ивановна ставила на стол горячие румяные лепешки — любимое блюдо Назара Петровича.

— Садись, поешь напоследок! — сказала она, вытирая фартуком заплаканные глаза.

А на широком дворе колхозной конюшни готовили подводы.

В этот сумрачный зимний день таежное село Долинки провожало на фронт односельчан.

Сперва родные места оставила молодежь, теперь уходили отцы — сила колхоза. Среди них был и Назар Петрович Науменко, колхозный конюх.

Как повелось, перед отъездом на станцию собрались в самой просторной избе — правлении колхоза.

Савелий Никитич Богдушенко — бригадир овощеводов — уходил на фронт, приколов на грудь старые, с германской войны, медали. Он взял со стола газету и стал читать сводку Совинформбюро, стоя, громким голосом, старательно выговаривая названия городов, за которые шли ожесточенные бои...

С минуту Савелий Никитич молчал, смотрел куда-то поверх стола, потом медленно стал складывать вчетверо газету.

— Да... силен враг, силен! — басил Назар. — Ну, все одно... одолеть надо. — В одной руке он держал шапку, а другой поглаживал волосы. — Вот и наша пора пришла подняться. Только на кого я коней покину? Одни женщины да подростки!

Словно кнутом эти слова стегнули тракториста Николая Власова.

— Кони что?! — резко сказал он. — С конями женщины управятся, а вот трактора?..

— А я о другом думаю, — вступил в разговор Савелий Никитич, — колхоз-то без председателя остается. Вера Петровна заместительство на себя берет. Человек

оная, конечно, надёжный, да трудно ей. Детишек куча... Опять же, кого она вместо себя на бригаду поставит? Бригаду без хозяйина никак оставлять нельзя.

Задумались. Людей в избе много, а тишина стоит такая, что каждый вздох слышен. Только дым от крепкого самосада тучами подплывает к раскрытой форточке и втягивается в нее, как в трубу.

Вера Петровна поднялась со стула, рывком отодвинула его от себя. Было этой женщине лет тридцать. Гладко зачесанные волосы на затылке заколоты в узел, легонькая косынка сползла с головы и лежит на плечах. Невысокого роста, но крепкая, стоит она у стола, оглядывая сельчан.

— Ну, что вы сидите, как на поминках? Что вы на самом деле! — сказала она. — Вдыхать да плакать теперь? А кому от этого польза? Назар за коней боится, Власов — за трактора, а Савелий Богдушенко прямо к гибели наш колхоз приговорил. Ничего себе!.. Только я вам скажу, дорогие товарищи, от себя и от всех нас, кто на хозяйстве остается, — неправильные это мысли. Мы, конечно, и повздыхаем, и поплачем, часом, а колхозу развалиться не дадим. И коней досмотрим, и трактора научимся водить... И не одни мы. Из района помогут. Пускай у вас об этом голова не болит. Вы там этих гадов бейте... — Вера Петровна замолчала, прислушиваясь к одобрительному гулу голосов, потом завязала платок на голове, заправила под него выбившуюся прядь волос и сказала тихо: — И еще есть у меня к вам просьба одна. Может, и бабья. Не забывайте нас, пишите чаще. Худо, ох как худо без ваших-то писем. Может, кто про моего чего узнает, так уж напишите; не бойтесь, если что...

— Правильно, — зашумели женщины, — пусть на письма не ленятся. Сами, может, живы-здоровы, а тут невесть что передумаешь.

— Да уж не забудем.

— Где там забыть, когда все думки тут остались.

— Вы, бабы, сами-то пишите, да побольше, как и что.

— Ты, старуха, не робей, — говорил дядя Назар Прасковье Ивановне, у которой в три ручья текли слезы.

Стали прощаться. Припала Прасковья Ивановна к мужу, словно хотела сказать в этот миг самое важное, самое главное, что осталось недосказанным, да вдруг не

выдержала, повисла на широких его плечах, заплакала, заголосила. Не сдержались и другие.

К отцам жалась ребятишки, и чей-то тоненький голосок надрывно тянул:

— Папаня, не уезжай, не уезжай, папаня!..

Эти минуты показались Вере Петровне вечностью. Она чувствовала, что еще немного — и не выдержит, заголосит так же, как и другие...

— Бабы, перестаньте! Ну что вы мужиковы сердца рвете. Жалости что ли у вас нет! О себе только думаете... Слышь, перестаньте, бабы, ну!..

Ее голос прозвучал властно. Женщины одна за другой перестали голосить. Только какая-нибудь пет-пет да и всхлипнет, шумно вздыхая.

Назар первым отошел от жены, быстро вышел в сени. За ним пошли и другие.

У крыльца стояли подводы. Лошади были накрыты попонами. В широких розвальнях лежало душистое сено.

«Петровна позаботилась», — с благодарностью подумал Назар и, подойдя к первой подводе, стал медленно отвязывать от коновязи вожжи.

Вместе с мужьями в сани садились и провожающие. На улице стало шумно.

— Ну, поехали, — привычно громко крикнул Назар, как кричал всегда, когда возили с поля хлеб, сено или большим обозом следовали на пункт Заготзерно.

Низко, в пояс поклонились им все, кто оставался дома. Зазвенели колокольцы, взметнулась из-под копыт снежная пыль. Минута — и опустела улица.

А снег все шел и шел...

Долго стояли женщины у крыльца. Молча разошлись по домам.

Глава 2

Главный врач Чернореченской районной больницы Сергей Михайлович Климов закончил прием. Проводив последнего больного, он вымыл руки, подошел к окну. Подвод не было.

— Всех приняли, Шура? — спросил он медицинскую сестру, входившую в кабинет.

— Всех, Сергей Михайлович. Никого не осталось.

— Ну, хорошо.

Доктор подошел к столу. Высокий, чуть ссутулившийся, он устало опустился в кресло. Длинные, тонкие пальцы еле слышно забарабанили по настольному стеклу. Шура взглянула на доктора. Серые добрые глаза его грустно смотрели вдаль. Глубокая складка залегла поперек высокого лба.

Шура хорошо понимала настроение доктора. Она не первый год работала с ним. Ничем не выдавая своего участия, думала: «Вот так всю жизнь: чужая боль — его боль...»

— Домой пора идти, Сергей Михайлович, — тихонько напомнила она.

— Домой?.. Сейчас, — отозвался доктор и стал медленно развязывать шнурки на рукавах халата.

В коридоре послышались торопливые шаги, а вслед за этим санитары внесли в кабинет носилки. На них лежала женщина. Она была без сознания.

— Вот, с поезда дальнего следования, — сказал пожилой санитар. — Пассажиров просила на Чернореченской ее высадить, а кто такая, зачем едет — не знаем.

Короткий рассказ санитаря никого не удивил. В эту осень 1941 года поезда с Запада шли переполненными. В них было много больных. Не удивило доктора и то, что у больной не было никаких вещей. В поездах, идущих оттуда, где шли бои, ехали люди, у которых не оставалось ни дома, ни родных. Многие вскакивали на подножки вагонов в том, в чем остались в страшную минуту.

Женщина была ранена в бедро. Открылась залеченная было рана. Кроме того, Сергей Михайлович определил воспаление легких.

С жалостью смотрела сестра на больную, еще молодую красивую женщину. На темных волосах ее выделялась белая прядь волос.

— Да, — задумчиво проговорил Климов, — такое бывает от сильного потрясения. Кто все-таки она?

В кофточке больной Шура нащупала зашитые документы.

— Корнева Надежда Григорьевна, — прочел Сергей Михайлович.

— А вот еще паспорт и справка о том, что она шлифовщица с какого-то завода из Орла, — проговорил сестра,

Больную поместили в теплую палату. Сознание возвращалось к ней на очень короткое время, а потом она снова впадала в забытие, бредила, тихо звала: «Валенька, доченька!» — или бессвязно бормотала что-то.

Прошло немало времени, пока Сергею Михайловичу удалось приостановить воспалительный процесс. Самое страшное осталось позади, состояние больной стало улучшаться, но врачу не удалось отвлечь ее от тяжелых дум. Она смотрела на него, на сестру, на соседок по палате безучастно, тускло или часами не открывала глаз.

В середине зимы Корнева, к которой медленно возвращались силы, в первый раз проявила интерес к окружающему, она попросила сестру положить повыше подушки, чтобы увидеть в окно снег. Когда сестра доложила об этом Сергею Михайловичу, он понял: с этой минуты Корнева начала выздоравливать...

Надежда Григорьевна Корнева, закутанная в теплый синий халат, стояла у окна в широком коридоре больницы.

За большими окнами белым-бело. Днем снег сверкал на солнце так, что на него было больно смотреть даже через стекло, а ночью, когда полная луна заливала синеватым светом старый больничный сад, снег казался голубым. Густые тени ложились на него от деревьев. Легкий ветер шевелил ветви, и тогда тени оживали, сплетались в причудливые узоры. Корнева не отрываясь смотрела на них. Слабо освещенный коридор был пуст, дежурной не было, и никто не мешал Надежде Григорьевне думать о своем.

В памяти живо возникло лицо Андрея. Черные, вьющиеся на висках волосы. Один завиток стускался к самому уху и постоянно раздражал Андрея. Он выстригал его ножницами, а завиток продолжал упрямо расти — и очень нравился Наде.

Когда они познакомились с Андреем, он показался ей суровым, неразговорчивым. Но это впечатление рассеялось сразу, едва он улыбнулся... Как они с Валюшей любили эту улыбку! Когда отец сердился, девочка лукаво просила: «Пап, улыбнись...»

Он хватал дочь на руки, ловил губами ее косички, щекотал и кружил по комнате.

Вечерами, в минуты отдыха, он любил посидеть с Надей в столовой не зажигая огня. Ее маленькая рука тонуда в его большой ладони.

На заводе про инженера Корнева говорили, что он только начал входить в силу... Ей легко было шагать с ним по жизни.

Андрей хотел, чтобы она училась и стала инженером, а пока одобрял ее решение после окончания техникума поработать в цехе.

Они жили дружно и счастливо, но пришел день — и все оборвалось. Андрей не вернулся с работы. «Инфаркт!» — коротко объяснили врачи.

А еще через год... Страшно вспомнить день, когда на город налетели вражеские самолеты.

Валя играла во дворе на детской площадке, катала своего любимого мишку. Она не успела добежать до протянутых к ней маминых рук, окровавленная упала на землю.

— Мамочка, а Мишук-то без лапки... — услышала Надя слабенький шепот. И Валя затихла, тяжелея на ее руках. Что было потом? Ее ранило тут же или где-то на улице... и дальше — туман... туман...

За широкими окнами больницы густые тени белых берез ложились на голубой снег. По другую сторону сада, куда не пробивался лунный свет, чернели могучие деревья. Там было темно и страшно, и именно оттуда слышалось ей:

— Мамочка! А Мишук-то без лапки...

Она не заметила, как подошел Сергей Михайлович. Вздрогнула при его появлении, подумала, что он будет недоволен, заставит немедленно лечь в опостылевшую постель, запретит ходить. А он подошел, кивнул головой на окно и сказал:

— Хорошо там. Снег и тени. И вечер, знаете, теплый такой... Скоро я вас выпишу, вот только... — Он хотел сказать: «Приоденем вас», но сдержался. Это по решению коллектива больницы должно было быть сюрпризом.

— Что только? — тихо переспросила Корнева.

— Да вот только соберетесь с силами.

Ей почему-то захотелось рассказать Сергею Михайловичу все, что помнила.

...Кто-то отнес ее в грузовую машину, собиравшую женщин и детей, привел в чувство. Потом новый удар — совсем близко. Пришла она в себя уже в поезде. Мерно стучали колеса. Вагон был забит людьми. Кто-то тихонь-

ко плакал, кто-то вздыхал. Надежда Григорьевна увидела Таню, свою подругу и соседку по квартире.

— Надя, ты меня узнаешь? Ну слава богу, а то ведь почти трое суток без сознания, — говорила она шепотом, склоняясь к самому уху Корневой. — Это мы уже от Москвы в тыл едем.

До Чернореченской, где жила ее тетка, Корнева в тот раз не добралась. Поезд направили по другому пути, через Самару, а в Сызрани ее сняли санитары. Очнулась она в больнице. Ее матрац лежал прямо на полу, рядом с другими. Коек не хватало, больница была переполнена. Сколько она пролежала здесь, Корнева не знала, но, едва начав ходить, решила ехать.

— Куда? — спросил Корневу врач.

— В Приморье, в Чернореченскую. Может, доберусь, — ответила она.

И снова переполненный вагон и бесконечная дорога, выматывающая силы. Ехали часами, стояли сутками. Вагон отцепляли от одного состава, прицепляли к другому. Уже через неделю пути она слегла. На лавке их было двое: она и участливая старушка, пробиравшаяся на Урал к сыну. Она занимала самый край полки — только-только чтобы не упасть, — отдавая большую часть Корневой. Кто-то хотел заявить санитарам, снять ее с поезда, но за женщину заступились другие пассажиры.

— Доведем вас, — сказали они Корневой, которая плохо понимала, куда и зачем ее опять хотят высаживать.

Дальнейший путь представлялся ей как в тумане. Люди кормили ее, поили. Ныло раненое бедро, иногда от острой боли она теряла сознание.

Так и доехала до Чернореченской, где сняли ее санитары.

— Тут где-то моя тетя Поля, — сказала, заканчивая свой рассказ, Корнева, — отыскать бы ее.

— А как ее фамилия? — спросил Климов.

— Бахтина.

— Бахтина?! Пелагея Матвеевна?

— Вы ее знаете?

— Кто же ее тут не знает! Славная женщина. Так ведь, Надежда Григорьевна, дорогая моя, ее нет в селе.

— Как нет? — упавшим голосом спросила Корнева.

— Да так и нет. С год как уехала на Сахалин к сыну.

Корнева грустно покачала головой:

— Ну, значит, мне идти некуда.

— Да подождите вы об уходе. Встаньте сначала на ноги... Как это идти некуда? Вот поправитесь, подберем вам и место и дело. Все устроится, голубушка... А теперь — в палату.

— Пойдемте, — покорно согласилась она и пошла, опираясь на его руку. Рядом с ним, высоким и сильным, она казалась особенно худой и жалкой.

Они шли очень медленно по длинному коридору. И странно, ему казалось, что он всегда знал эту беспомощную сейчас женщину, и только по странной случайности они очень долго не виделись.

Сергей Михайлович открыл дверь палаты, пропуская вперед Корневу. Она дошла до своей кровати, оглянулась и, кивнув головой, улыбнулась ему.

Сергей Михайлович тихо закрыл дверь и прошел к себе в кабинет. Не включая света, он опустился в глубокое кресло и задумался....

Тихая, сосредоточенная, по-прежнему замкнутая, Корнева тепло улыбалась только им двоим — ему и медицинской сестре Шуре, привязавшейся к ней, как к родной. Однажды, перед обходом, Сергей Михайлович вошел в палату в ту минуту, когда Корнева стояла и расчесывала волосы. Шуре помогала ей. Увидев Сергея Михайловича, Корнева смутилась. Он продолжал смотреть на нее.

— Шуре скажите спасибо, она вам косу спасла; я велел остричь, а она упростила оставить.

Доктор Климов задержался в палате дольше обычного. Уходя, сказал:

— Надежда Григорьевна! После обхода зайдите ко мне.

— Вот одежда, Надежда Григорьевна, — сказал Климов, когда Корнева вошла в его кабинет.

— Что вы, как можно!

— Да вот так и можно. Зима ведь.

Корнева продолжала стоять.

— Нет, — прошептала она, — не могу я так, не могу.

— Боже ж ты мой, — заворчал Сергей Михайлович, — какая вы несговорчивая. Да в чем же вы на работу пойдете?

Она улыбнулась и взяла чемоданчик.

— Спасибо вам, Сергей Михайлович. Никогда я вас не забуду!

Выписавшись из больницы, Корнева зашла к Климову проститься. Она выглядела помолодевшей. Толстая черная коса венком уложена вокруг головы. Чуть изогнутые брови почти срастаются над переносьем. Но самым выразительным на этом лице были глаза — темно-голубые, грустные.

— Вот, Сергей Михайлович, иду за путевкой в жизнь.

— Ну что ж, в добрый час! — Климов поднялся, подошел к ней. — Я звонил о вас Быстрову, так что не робейте... И не забывайте нас, Надежда Григорьевна.

Уходила Надежда Григорьевна из больницы словно от родных людей.

До здания райкома партии было недалеко. Корнева шла, с наслаждением прислушиваясь к хрусту снега.

Быстров сидел за большим столом. При ее появлении он отложил в сторону газету, на которой Корнева заметила много строчек, подчеркнутых красным карандашом.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветливо сказал он. — Садитесь. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, Николай Гаврилович, очень хорошо.

— Какие же у вас планы, дорогой товарищ?

— Хотела бы разыскать свой завод, и тогда — в цех, — ответила она.

Секретарь задумался.

— Разыскать ваш завод не так-то просто, — медленно сказал он. — Из Орла завод эвакуирован, а куда — этого сразу не узнаешь. Да и рановато вам в цех. Не много с вас там пользы будет. — Он замолчал на секунду. — Сейчас надо работать там, где требуют обстоятельства. Я тоже хочу на фронт. А не пускают. В тылу тоже кто-то должен работать.

Быстров умолк, вынул из портсигара папиросу, закурил. Корнева успела рассмотреть его: большой нос, широкие брови, чуть покатый лоб; густые волосы распались на две волны. Николай Гаврилович имел обыкновение в минуты раздумья ерошить их рукой, поэтому волосы его всегда были немного растрепаны.

— Оставайтесь у нас, Надежда Григорьевна, работы тут сколько угодно...

— Ехать-то мне некуда, — после паузы ответила Корнева.

«Эх, — подумал Быстров, глядя на ее нервные движения, — по-настоящему тебя, товарищ, надо было бы в санаторий определить или в дом отдыха, да не то сейчас время». И сказал:

— Вот и отлично, беритесь-ка за заведование районным клубом. Закрыт он у нас. Непростительно это для районного центра. Клуб ведь должен быть средоточием жизни: лекции, беседы, политзанятия, нужно наладить работу библиотеки. Там у нас есть девушка, но она прямо со школьной скамьи, и ей одной трудно. — Он замолчал, стяхнул пепел с папиросы...

— Районный клуб... — проговорила Корнева.

— Мне кажется, что эта работа вам подойдет.

— Я постараюсь...

Быстров поднялся, и они простились.

Глава 3

На другой день после проводов мужчин в Долинки приехал Быстров. В правлении колхоза Прасковья Ивановна Науменко мыла полы. Руки ее выполняли привычную работу, а мысли были далеко отсюда.

«Где-то теперь наши?» — думала женщина.

Хлопнула входная дверь. Быстров остановился у порога.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна! У вас тут, я вижу, уборка идет. Вера Петровна не знаете где?

— Вот уж и не знаю, — ответила Науменко, поправляя платок. — Может, на ферме? У нас ночью Марта с Красавкой отелились. Это ж самые лучшие коровы, Николай Гаврилович.

В эту минуту, широко раскрыв дверь, с улицы ворвался Юрка — старший сын Веры Петровны.

— Тетя Паша! — с ходу закричал он и вдруг, увидев Быстрова, остановился: — Здрасьте, Николай Гаврилович! А маманя велела сказать, если кто придет... Я побег! И он исчез было за дверью.

— Погоди ты, погоди! Куда? — Быстров поймал мальчишку за полушубок: — А ну, пионер, слушать меня!

Он сел на скамейку и притянул Юрку к себе:

— Ну, как дела, пионер?

— Нормально. По арифметике и по русскому нормально, а вот по географии... — Он вздохнул, покачал головой.

— Что, ненормально?

— Ненормально, — признался Юрка.

— А как это понять — нормально и ненормально?

— Нормально — это пять, а ненормально — двойка, — понизив голос, проговорил мальчишка.

— Да, это действительно ненормально. Но надо полагать, что ты свои школьные дела выправишь?

— Выправлю, Николай Гаврилович! Уже обещал.

— Матери?

Юрка потупился:

— Мамаия не знает.

— Трудно сейчас твоей мамане. Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— А сестре?

— Леньке столько же. Мы с ней близнецы. Марушке восемь, а Гаврику третий.

— Вот как вас много. Ну пошли на ферму, — проговорил Быстров, берясь за шапку.

— Может, позавтракаешь, Николай Гаврилович? Идем ко мне, — предложила Науменко.

— Я дома завтракал, спасибо!

Быстров вышел вместе с Юркой.

Первые долиньские жители выбрали хорошее место для села. С одной стороны тайга, защищавшая его от бурь и ветров, река; с другой — поля раскинулись по широким падам и распадкам. Земля здесь была щедрая.

По берегам реки Перекатной тянулись луга с душистым разнотравьем. Клевер и тимофеевка, луговая овсяница и мелколистник, пырей и листовенные травы — все росло здесь.

Быстрову нравились эти места. Нравилось и само название — Долинки. Ходило предание: первые переселенцы, прибывшие сюда из Черниговщины и Смоленщины, из Рязанщины и Орловщины, получили в Никольске-Уссурийском у переселенческого начальника каждый свою «долю».

— Ну, раз доля, пусть и наша деревня будет Долинки, — решили старики.

Так и пошло.

Быстрову вспомнились другие названия сел, которые переселенцы дали в память о родных местах: Спасск, Черниговка, Хороль, Крым, Ливадия, Дунай...

Широкая, прямая сельская улица уходила в тайгу. По обочинам стояли кедры, попадались раскидистые липы, дикие яблони.

Ночью выпал снег. Домики выглядели принаряженными. В некоторых домах хозяйки еще топили печи. В воздухе пахло горьковатым хвойным дымом. Быстрову встречались колхозницы. Здороваясь, они называли его по имени и отчеству. Он тоже многих знал, останавливался, расспрашивал о делах, о здоровье семьи.

До фермы оставалось уже немного, и, свернув, Быстров пошел переулком, сокращая путь. У выгона, где в огромных кучах годами лежал навоз, стояло несколько саней — глубокие плетенки на розвальнях. Женщины нагружали их. Работали споро, подбадривал морозец. Краснощекая девушка взяла под уздцы лошадь и отвела в сторону, а сама подошла и стала набрасывать навоз на другие сани.

— Ну, Марийка, наверняка о женихе думаешь! — смеялись женщины.

— Не, об вас же душа болит, — отшучивалась Марийка.

Среди женщин Быстров увидел Веру Петровну. Она тоже заметила его и пошла навстречу.

— Вот хорошо, что приехали, Николай Гаврилович. Очень нам ваш совет нужен. За удобрения принимаемся. Сегодня пятнадцать подвод на это поставила. Намечала двадцать, да пять сорвалось.

— Это почему же?

— Идем-ка в молочную, там и тепло, и чисто. Там и поговорим.

Через загоны они прошли в помещение молочной. В соседней комнате жужжал сепаратор. Вера Петровна разделась, показала Быстрову, куда повесить пальто, и под села к столу.

— Что делать, Николай Гаврилович? Вчера вечером двадцать нарядов выписала, сама всем в руки вручила, а нынче — пожалуйте, пять человек не явидось... Пять подвод простаивает. Вот и расчет мой псу под хвост пошел, извините за выражение.

— Кто же не вышел?

— Известно кто — заводилы из «торгуй-компании» да их подружки: Марья, Сидора Зубенко жена, и Степанида Заяц — Федорова жена.

— Постой, да ведь Сидор Зубенко и Федор Заяц — члены правления?

— Вот это и обидно! Сами-то в колхозе работают, сейчас оба на лесозаготовки уехали, а баб своих дома держат. Огороды повыгоняли гектара по три, где только не садили — и на усадьбе, и в поле. Осенью возят, возят, а потом с базара не вылазят. Что у Сидора, что у Федора, жены — первые торговки. И других смущают. Вчера Нюшу Пронину уговорили на базар за них поехать, семечки их продавать. И поехала, дура, стаканчиками там продавала, мерзла. Тьфу!

— Ты их вызывала?

— Нет еще. Сейчас времени мне нет грязь эту перетирать. Навоз вывозим.

— Но вызвать их все же надо. Поговори с ними и предупреди: срывать работу им никто не позволит. Не поможет, обсудите на правлении колхоза, а потом на общем собрании. Подскажут люди. И еще вот что: я в правлении был, нигде у вас не видно учета трудодней. Вывесь табель — большой, красочный — да помесечно и выводи трудодни. Лодырей тогда сразу будет видно. Народ им житья не даст.

— И теперь вот с семенами, Николай Гаврилович, — продолжала Смелик. — Сколько их, я не знаю, а видела, что первый и третий амбары полны, во втором можно считать два сусека и то не доверху, а потом еще в четвертом и в шестом. Все в разных местах, а зерно одно. Я говорила Андроньчу, кладовщику нашему, а он говорит: так Коробков распорядился. Чего делать-то, братья за семена или уже к весне поближе?..

— Обязательно братья, Вера Петровна. Только очень аккуратно это делать.

— На Андроньча я положиться могу. И на счетовода Ивана Филоненко тоже могу, но ведь он не бухгалтер, ему трудно. А вот Зубенко и Заяц... Кто их знает.

— А ты не бойся. Мы не за горами. Поможем... Ты, Петровна, девушек выдвигать не бойся. Будут они у нас и трактористами, и комбайнерами, и бухгалтерами. Разъяснить только им требуется: проводил на фронт товарища — работай за себя и за него. Проводил двоих —

работай за себя и за них. Вот какой клич ленинградцы бросили. А нам тут, в Приморье, нужно за десятерых работать для фронта.

— Это я хорошо понимаю... А только не совладаю ведь я с колхозом. Ну зиму-то как-нибудь перебежусь, а весной на бригаду некого ставить. Человек нам нужен. Порекомендуйте.

— Я подумаю об этом. Только что же это выходит? Неужели у вас нет подходящей кандидатуры? — Быстров сидел сдвинув брови, ероша свой густой чуб. — Ты думаешь, одна ты людей просишь. Нет, Вера Петровна. В МТС агронома обязательно надо. В райпромкомбинат — заместителя директора. Врачей у крайздрави надо отвоевать. В Абрамовке школа работает в три смены. Потому что два учителя заболели...

Быстров опять закурил, зашагал по комнате, поспохватившись, начал тушить папиросу.

Смелик улыбнулась:

— Кури, кури, Николай Гаврилович.

Быстров с наслаждением затянулся.

Было слышно, как за окном порывистый ветер силился оторвать планку с деревянной крыши молочной. От двери по ногам потянуло холодом.

«Молочной ремонт нужен, — подумал Быстров, продолжая ходить из угла в угол. — Зима, агрокружок должен работать, а не работает — нет руководителя».

Думы одолевали. Понимал состояние Веры Петровны: сам вырос в деревне. Знал почему фунт лиха, когда в колхозе людей не хватает.

В окно с улицы сильно постучали, и к стеклу прижалось краснощекое веснушчатое девичье лицо.

— Вера Петровна здесь?

— Здесь я, Нюша, чего тебе?

Нюша через секунду вошла в молочную. Девушка была очень взволнованна. Увидев Быстрова, она смутилась, поздоровалась, но потом, обращаясь к Вере Петровне, затараторила:

— На каком таком основании меня до работы не допускают и подводы не дают? Что я, лодырь или еще кто?

— Постой, Нюша, постой, — остановила ее Вера Петровна. — Кто тебе подводы не дает, кто до работы не допускает?

— Да женщины же. Спала, грят, до одиннадцати,

поди еще до трех храпани, а мы уж как нето одни управимся. Вот и не дают, вас искать заставили. Даст, гряд, Вера Петровна разрешение — встанешь на работу, нет — от ворот поворот.

— А ведь женщины-то правы, Нюша, — сказала Вера Петровна. — Что же ты до полдня прохлаждалась?

— Да не прохлаждалась я, Вера Петровна. Утресь собралась идти, а эта зануда прибежала до нас и скандал мне учинила. Хошь кто не стерпит!

— Кто прибежал?

— Зайчиха. Прибежала и давай корить. Ты, грит, мне не все деньги отдала, ты, грит, утаила. Это я-то утаила! Я ей, спекулянтке, говорю: идем к тебе, сейчас же идем. Притащила ее к ней же в хату, ведро схватила, стакан схватила — и в кладовую. Кричу — мерь сызнава стаканами, сколь их уйдет в ведро? Цельное ведро стаканами намерила, сколько продала, столько и вышло. Куда, говорю, твои бесстыжие глаза смотрят? Ох, распекло меня, Вера Петровна. Хошь кто не стерпит! — Нюша перевела дух. — Через это и опоздала.

Веснушчатое лицо ее пылало, а широко открытые глаза недоуменно смотрели то на секретаря райкома, то на Веру Петровну.

А те хохотали до слез.

— Так, так... Стало быть, с Зайчихой у тебя теперь дружба врозь? — спросила сквозь смех Вера Петровна.

— А у меня ее сроду не было. Это ж так, попутно, взялась я продавать ее семечки. А мне очень даже надо было съездить в Чернореченскую. Я Павлуньке телеграмму отбивала.

— То-то вот, отбивала. Он бы тебе отбил за эту торговлю. Ну ладно, раз ошибку признаешь — иди работай. Нынче тебе поболее других надо вывезти.

— Ой, Вера Петровна, да я до самого темна возить стану!

Девушка шагнула к дверям.

— Постой, Нюша, иди-ка сюда на минуточку.

Девушка подошла к столу.

— А как, Нюша, ты пошла бы учиться, скажем, на трактористку, а? Ты же все на шофера хотела.

Круглое, пухлое лицо Нюши преобразилось:

— На трактористку? Да с радостью! А вот маманя-то отпустит?..

— Да уж с матерью как-нибудь договорись. Ну ступай, ступай.

— Видал, Николай Гаврилович, с такими не пропадешь.

— Да, — вспомнил Быстров, — что же ты мне про прибавление-то ничего не говоришь.

— Есть прибавление, есть! — улыбнулась Вера Петровна. — Телочки, да только в скотных сараях у нас похвастать нечем, потому и не приглашаю.

— Ах вот как! Ну тогда я без приглашения, — пошутил он, снимая с вешалки пальто. — Идем, хозяйка, идем. Мне самому не терпится взглянуть на молодняк.

Из молочной они прошли в родильное отделение. Оно, как и все животноводческие постройки, было похоже на старый сарай, только здесь чуть теплее. К балкам были подвешены фонари «Летучая мышь». Коровы лежали на теплой подстилке из мягкой яровой соломы. В отдельных клетках помещались новорожденные телочки. В сарае стоял полумрак, было сыро.

— Нехорошо, сама знаю. Но не все сразу, Николай Гаврилович. Только недавно все тут оборудовали.

Быстров нагнулся над клетками с молодняком. Он полюбовался телочками, их тупыми мордочками и палевыми «рубашками». На шее обеих выделялись белые пятна — признак симментальской породы. Телочки тарасили на людей огромные выпуклые глаза и пытались сделать задними ногами какой-то замысловатый подскок.

— Красота молодняк, — не без гордости проговорила Вера Петровна.

Быстров про себя подумал: «А, пожалуй, выйдет из нее председатель, выйдет...»

Они вышли во двор. Быстров направился к двум стогам соломы, что были сметаны неподалеку от фермы.

— И это все? — спросил он Смелик, показывая рукой на стога.

— Тут все. Еще в лугах есть. Прикидывала — боюсь, не хватит. С кормами у нас плохо.

— Возьмите все корма на строгий учет. Вызовите из Чернореченской зоотехника, составьте твердый рацион. Смотрите, Вера Петровна, не загубите скот.

В правление колхоза возвращались мимо кузницы. Под навесом, прислоненные к стене, аккуратно стояли

бороны «Зигзаг», в ряд выстроились сеялки, жнейки и другие простые машины. Тут дело шло своим, давно установленным, порядком. Как полевой бригадир, она ежегодно сама отвечала за ремонт простых машин и инвентаря. С осени они свозились сюда и задолго до срока приводились в полный порядок. «Тут у нее все в руках. Совета не просит», — подумал Быстров.

— За ремонт не боюсь, — сказала она, не подозревая о том, что отвечает на его мысль. — Кузница у нас работает как часы.

Глава 4

Районный клуб помещался в большом приземистом здании, которое начали строить еще до войны и не достроили. Вместо двух этажей соорудили один, наскоро возвели крышу и сложили круглые голландские печи. Но печи никогда не топились, во всех комнатах было нестерпимо холодно, и, проработав там два часа, Надежда Григорьевна с библиотекарем Люсей Грач должны были выходить греться на предвесеннем солнышке.

Библиотеку разместили в большой светлой комнате. Работа здесь была запущена. Списков абонентов не было. Книги выдавались на руки без всяких записей. КATALOGИ — обтрепанные, разбухшие папки с выдранными листами.

— Ну что же, начнем с каталогов, — сказала Корнева Люсе. — Будем разбираться.

И вот уже несколько дней обе с утра до вечера копаются в книгах. Взобравшись на стремянку, согревая пальцы дыханием, Надежда Григорьевна перебирает книги, устанавливает их на полках в том порядке, в каком они должны находиться. Она работает сосредоточенно, но, встретив прочитанную ранее книгу, улыбается, словно доброму другу.

Работа заполняла весь день. Рабочих часов для нее не существовало. Да она и не задумывалась над этим. Днем с людьми, вечером и далеко за полночь — с книгами и газетами. И когда она писала на отрывном листочке задания на завтра, с удовлетворением замечала, как все больше и больше людей подключены к клубной работе.

Уже и темы лекций разработаны, и лекторы готовятся.

Пришла за помощью в райком комсомола.

— Воскресник бы надо организовать. Тайга недалеко. Можно было бы привезти дров.

Секретарь согласился.

В одно из воскресений молодежь на машинах поехала в тайгу, а к вечеру на широком клубном дворе появились штабеля дров. В клубе затопили печи, веселыми голосами, смехом наполнились тихие до этого комнаты. Греясь около гудящих топок, глядя на красноватые отсветы пламени, кто-то из комсомольцев предложил:

— Ребята, мы можем своими силами и клуб привести в порядок.

И настал день, когда Дом культуры открылся. У входа висело объявление: «Сегодня в районном Доме культуры в 8 часов вечера состоится лекция на тему «Миф о непобедимости гитлеровской армии разбит». Лекцию читает секретарь Чернореченского райкома партии тов. Н. Г. Быстров.

Собрались не сразу. Лекцию начали с опозданием.

Корнева волновалась. Ведь от сегодняшнего вечера зависело многое: клуб не только библиотека. В библиотеку идут, а пойдут ли сюда? Понравится ли здесь людям? А вот сейчас, предоставляя слово Быстрову, она почувствовала, что к ней постепенно возвращается равновесие. Она оглядела заполненный зал.

Тесно прижавшись друг к другу, люди сидели, не стыдясь ни своих подшитых валенок, ни заплатанных полушубков. В клуб они пришли не веселиться, как в довоенное время, а прямо с работы, чтобы не пропустить сообщения с фронта, поговорить друг с другом. Взгляд Корневой скользил по рядам. В первом ряду она увидела миловидную, не в пример другим нарядно одетую женщину. Из-под ее белой меховой шапочки выбились на лоб пушистые волосы. Иногда она подносила к лицу белоснежный платочек, и мелькал ярко-красный маникюр. Корнева знала: это Раечка, жена Быстрова.

«Что это она так не по времени нарядна, могла бы и попроще», — подумала Корнева и сразу как-то забыла о ней.

Перед глазами прошли все последние дни, предшествовавшие сегодняшнему вечеру, словно она подводила итог своей работе.

В небольшой комнате за сценой каждый вечер соби-

рались женщины, шили и вязали шарфы, носки, варежки — кто что мог — для посылок на фронт. У каждой теплилась надежда: а вдруг ее шарф или варежки попадут в родные руки. А в другом конце здания молодежь уже несолько вечеров готовится к выступлению. Нашлись и танцоры, и певцы. Задумали даже инсценировать рассказ Ванды Василевской.

«Живет наш Дом культуры, живет!..» — думала Корнева.

Прошли весна и лето.

Как бы она ни уставала, она радовалась каждому новому дню.

Недавно приехала с Сахалина тетя Поля. Когда-то эта женщина жила в их семье. Надя с братом очень привязались к ней. Потом Пелагея Матвеевна уехала на Дальний Восток. Надя вышла замуж... Теперь тетя Поля была единственным близким ей человеком. Надежда Григорьевна рассказала ей все и долго плакала, уткнувшись в угол дивана. Бахтина не утешала, только обеими руками гладила ее голову и тихо приговаривала:

— Будет, родная, перестань. У всех горе...

А жизнь шла, не давая времени для тоски, не делая никаких скидок.

С Климовым Корнева встречалась редко. Иногда он приходил в Дом культуры, но, вечно занятая, Надежда Григорьевна не могла уделять ему много времени.

В один из понедельников — выходной день Корневой — тетя Поля пригласила Сергея Михайловича к ним попить чайку. Климов с благодарностью принял приглашение. Обои женщин он застал принаряженными.

На столе шумел самовар, лежали черные лепешки, рыба своего засола, горячая рассыпчатая картошка. Тетя Поля потчевала доктора.

— Положи ему рыбки, картошечки, Надя, грибки подвинь, — шепнула она Надежде Григорьевне.

Климову вспомнилась мать. Так в студенческие годы она встречала его в деревне, когда он приезжал на каникулы. Старалась накормить получше, повкуснее.

За чаем, который мастерски настаивала тетя Поля, разговор зашел о клубе.

— Знаете, Надежда Григорьевна, вы словно родились для того, чтобы быть массовиком.

Она улыбнулась:

— В Орле наш начальник цеха говорил то же самое обо мне как о шлифовщице. Нет, Сергей Михайлович, просто стараюсь работать добросовестно.

— А чего тебе стараться, ты по-другому не можешь, — проговорила тетя Поля, выходя на кухню.

Надежда Григорьевна подошла к окну и приоткрыла его. Почувствовав на себе взгляд Климова, обернулась.

— Знаете, Надежда Григорьевна, — тихо заговорил он, — смотрю на вас, и каждый раз кажется вы мне какой-то другой, словно бы светитесь по-иному. Не умею я говорить...

— Идемте в сад, на улице так хорошо.

Они вышли. В ту минуту, когда Климов, согнувшись, проходил под яблоней, с ветки сорвалось яблоко. Климов поднял его и отдал Надежде Григорьевне.

— Прошу вас.

— Я не хочу.

— А если я очень прошу, примета хорошая.

— Примета? Не знала. А какая все-таки?

— Потом скажу, ешьте.

Надежда Григорьевна засмеялась и с хрустом надкусила яблоко.

— Ну?

— Сейчас, Надежда Григорьевна, не скажу. Все это выдумки...

Они шли по узкой дорожке в конце довольно обширного сада, там у яблони стояла скамья. Шли медленно. Был теплый, ясный вечер. С деревьев еще не опали листья, только тополь протягивал голые ветви. Полная луна мягко освещала сад голубоватым светом. В воздухе остро пахло яблоками и прелой листвой.

— Как мне хочется, Сергей Михайлович, настоящего дела! Идет война. Каждый должен работать в полную силу. Иного себе потом не простишь. То, что я сейчас делаю, поднимут и молодые плечи, а мне надо посложней. Вы сейчас скажете: «Вот, опять за старое». Нет, Сергей Михайлович, я понимаю, что работать в тылу в полную силу — значит помогать фронту. Но ведь и в тылу есть передовая линия.

— И вам хочется на передовую?

— Да. Там я принесу больше пользы, человек должен работать там, где принесет больше пользы.

— Сядём? — предложил он, когда они подошли к скамье.

Продолжая начатый разговор, Надежда Григорьевна взволнованно сказала:

— Вы не думайте, что я мечтаю о подвигах. Нет! Но я хочу такой работы, которая требовала бы напряжения всех моих сил. Работать я буду там, где одному надо заменить троих. Вы меня понимаете?

— Да, Надежда Григорьевна, — ответил Климов, — но понимаю и другое. Для выполнения вашего желания вам необязательно уезжать отсюда...

Налетел ветер, стало холодно. Сергей Михайлович поспешил увести Корневу в дом.

Они ничего не сказали друг другу в тот вечер, только почувствовали оба, как хорошо им, когда они вместе.

Увидеться снова им пришлось не скоро. Климов был вызван во Владивосток и надолго прикомандирован к военно-морскому госпиталю, а Надежда Григорьевна, как он узнал из письма медсестры Шуры, выехала в долинский колхоз «Таежный ключ».

Глава 5

Отъезду Корневой предшествовал разговор Быстрова с председателем Чернореченского райисполкома Платоном Петровичем Курмышовым.

В Корневой Быстров видел энергичного, способного коммуниста. Именно такой человек нужен был в колхозе «Таежный ключ».

«Пусть поработает избачом, — думал он, шагая по кабинету, — до каждого человека дойдет. Вместе с Верой Петровной укрепят дисциплину, организуют комсомольскую группу...»

Быстров подошел к телефону и позвонил Курмышову.

Председатель райисполкома считался в Чернореченском районе новым человеком, хотя работал уже более полугода. Николай Гаврилович не хотел без него решать вопрос о перестановке людей.

— Зайди, пожалуйста, дело тут одно есть, — сказал он.

Курмышов пришел.

Выше среднего роста, крепкого телосложения, он был несколько тучен, за что постоянно над собой подтрунивал и сейчас притворно поморщился, видя, что одна половинка кабинетной двери закрыта наглухо и придется боком проходить во вторую. При этом он подмигнул кому-то в приемной, скорчив на добродушном лице такую гримасу, которая могла рассмешить хоть кого.

— Приветствую, — громко сказал Курмышов, перешагнув порог кабинета. Снял кожаное пальто с каракулевым воротником, аккуратно повесил его в углу на вешалку, положил на полочку каракулевою шапку, расчесал волосы, сдул пылинку с расчески, забросил ее в карман и только после этого подошел к столу. Был он весь аккуратный, подобранный. «Ухоженный, жена, видать, хорошая», — подумал о нем однажды Быстров. Сейчас, наблюдая за ним, он невольно вернулся к этой мысли. Жена женой, да и сам аккуратный, следит за собой и вещи свои умеет беречь. Костюм вон безукоризненный, ни пылинки.

Чуть сощурив глубоко посаженные близорукие глаза, Курмышов протянул Быстрову руку. Пожимая ее, Быстров кивнул на кресло:

— Садись.

Курмышов сел. Не спеша достал из кармана полувоенного кителя платок, отер им лицо и зябко повел плечами.

— А у тебя, Николай Гаврилович, не жарко. Поди выше шестнадцати не поднимается?

— Работать лучше, когда прохладно.

— Ну-с, о чем речь?

— Я, Платон Петрович, думаю послать в Долинки одного товарища. Давай посоветуемся.

И Быстров изложил Курмышову свои соображения. Тот слушал молча. Достал массивный серебряный портсигар, вынул папиросу. Постукивая ею о крышку, выронил, поднимать не стал, взял другую, закурил.

Быстров смотрел на собеседника. И опять в мыслях отметил, что у него все массивное, добротное, от дорогого пальто до хороших папирос.

— Ну как? — спросил Быстров.

Курмышов ответил не сразу. То, что первый секретарь райкома с ним советуется, — он ценил, но то, что Быстров все чаще и чаще отрывал председателя от пря-

мых, как считал Курмышов, будничных дел, начинало его раздражать. Вот и сейчас на его столе в райисполкоме остался ворох неподписанных бумаг.

— Ну о перспективности колхоза... тут ты, Николай Гаврилович, может, и прав, — медленно, как бы взвешивая каждое слово, сказал он, — говорю «может», потому что сам я это хозяйство в деталях еще не изучил. Учти только: мужиков там раз-два — и обчелся, одни женщины. Трудно будет! — Он помолчал, закусив нижнюю губу, почесал рукой щеку.

— Ну вот, ты думаешь туда Корневу перебросить, а что это даст? Не преувеличиваем ли мы ее способности? Давай уж прямо говорить. Ну, тут в клубе развернулась: библиотека, лекции, кино — это по ней. А в колхозе надо землю знать, народ знать, уметь ладить с каждым, и решать многое самой придется. К нам-то ведь за каждым делом не наездишься. Нет, я сомневаюсь, сумеет ли она вдвоем с этой бригадиршей хозяйствовать. Та на председательском месте тоже идет вслепую.

Он опять помолчал, сделал несколько глубоких затяжек, окутав себя дымом.

В голосе Курмышова Быстрову почудились уже знакомые нотки раздражения. Он уловил их еще в те дни, когда новый председатель райисполкома, по его собственному выражению, изучал район: ездил по колхозам, знакомился с людьми, вникал во все отрасли, влезал, как он говорил, в каждый закуток. Потом, по просьбе Быстрова, изложил свои соображения по каждому хозяйству. Уже тогда чувствовалась его неприязнь к «Таежному ключу», чего нельзя сказать о других колхозах, например о «Заре».

Сейчас Быстров слушал Курмышова не перебивая и думал: «Почему он не любит это хозяйство? Не верит в силу и возможности Смелик? Но ведь и при Коробове было то же самое. Тут что-то другое. Да и не то это определение: любит, не любит. Не верит, видно, в это хозяйство. Не видит его перспектив... Но ведь ты же хозяин района — помоги! Давай вместе вытягивать это дело, а ты тянешь в сторону!»

— Да, Корнева землю еще не знает, людей тоже, сельскохозяйственное производство не нюхала. Тут ты прав, к сожалению... Научится, дай срок.

— Нет, Корневу ты оставь в Чернореченской. Тут

она вроде на месте. А в Долинки надо кого-нибудь из мужиков подобрать. Подумаем. Ведь не к спеху, — прищуриваясь, проговорил Курмышов.

— Нет, к спеху, — громко и строго сказал Быстров, и руки его тяжело ударили по подлокотникам жесткого кресла. — К спеху... Нельзя медлить, Платон Петрович. — Курмышов удивленно смотрел на секретаря. — Мне кажется, ты имеешь неправильное представление о долинском колхозе. Съезди туда, Платон Петрович. Если дадим в помощь Смелик энергичного коммуниста, дело там пойдет. Считаю, что Корневу надо туда послать.

— Пожалуйста... Я только говорю, что таких работников, как Корнева, жалко отпускать.

Быстров поднялся. Встал и Курмышов.

Чувствуя, что разговор этот вызвал у секретаря неприятный осадок, он решил поправить положение шуткой:

— Завидую тебе, Николай Гаврилович. Человек средних лет, а мечтаешь по-юношески. Женщинам такие натуры нравятся. — И он громко рассмеялся.

— А мне, Платон Петрович, не смешно.

Курмышов помрачнел.

— Ну, смотри сам, — буркнул он. Молча накинув пальто, подошел к двери, открыл ее и отступил: на пороге стояла Корнева.

— Проходите, Надежда Григорьевна, садитесь, — приветливо пригласил Быстров. — Как здоровье? Врачам-то показываетесь?

— Я совершенно здорова, хоть в цех иди.

— А я вас обрадую. На мой запрос о вашем заводе пришел ответ. Завод ваш на Урале, а цех, в котором вы работали, базируется в селе Нагорном. Вот, держите письмо, тут подробный адрес, пишите товарищам.

Корнева взяла письмо.

— Я, Николай Гаврилович, хочу поговорить с вами о своей работе. Работаю с радостью, и сил у меня хватает, но, понимаете, все-таки у нас одна Люся Грач может справиться...

— Значит, хотите работы погорячей? А ведь и я хотел говорить с вами об этом же.

Рассказывая Корневой о «Таежном ключе», Быстров следил за выражением ее лица и видел, что его предложение пришлось по душе.

— Подумайте, — заключил Николай Гаврилович, — работа избача по объему меньше работы заведующего районным Домом культуры. Но первая задача — создать партийно-комсомольскую группу и укрепить колхоз. Из среды комсомольцев там уже сейчас выделяются серьезные, вдумчивые ребята. Их надо готовить в партию. Работа кропотливая, трудная. Она потребует от вас всех сил. И еще вам, Надежда Григорьевна, самой надо будет познакомиться с основами агрономии, с опытом передовиков, изучить решения партии по сельскому хозяйству. Я не хочу вас запугивать, но скажу прямо — будет очень трудно. Понимаете, в Приморье свои, особые условия. Колхозы наши вроде некрупные. По посевным площадям, по производству всей сельскохозяйственной продукции куда меньше, чем, скажем, у вас на Орловщине или в Сибири. А ведь они не только хлеб сеют — и животноводством занимаются.

По зимам заготавливаем лес для государства. В тайгу уходят все трудоспособные, не занятые на основных работах в колхозах. Есть, конечно, у нас специальные лесные промысловые хозяйства, но теперь они не могут сами, без посторонней помощи, обеспечить все возрастающие потребности в лесе, — говорил он ровным, спокойным голосом. — Знаете, куда идет лес из Приморья, со всего Дальнего Востока? На самолетостроение, на нужды обороны, на восстановление городов, разрушенных войной.

Этим же целям будет служить и проблема клеверов, а вернее сказать, производство семян клевера. Приморье располагает отличными сортами. В Союзе много скота погибло, но много и спасено. Из оккупированных мест его перегнали в глубь страны. Скот надо кормить, а баланс пастбищ уменьшился, надо сеять травы. Для этого государству нужны семена, и прежде всего клевера. С весны и мы в нашем районе займемся этим вопросом. Правда, в «Таежном ключе» семенных посевов клевера пока не планируем.

Много труда у нас берут и конефермы. Выращиваем коней для Красной Армии. На это дело надо поднимать молодежь. Словом, работы очень много. А самое главное в том, Надежда Григорьевна, что, решая все эти задачи, мы ни на минуту не должны забывать, что наш край пограничный, что наши люди должны быть готовы

в любую минуту помочь, если это потребуется Армии и Флоту, отразить натиск врага. Ведь угроза войны у нас тут не снята...

Понимаете, какая ответственность ложится на партийные, комсомольские группы, на каждого коммуниста?!

— Понимаю, Николай Гаврилович. Охотно поеду в Долинки.

— Вот и отлично.

Тетя Поля всплакнула. Тридцать пять километров — невелико расстояние, а видеться все равно придется редко.

На попутной эмтээсовской машине Корнева поехала в «Таежный ключ». Шофер, словоохотливый малый, хвалил долинные места:

— Тайга у нас... даурские березы, ясень, дубы в два обхвата. Истинное слово! Сами увидите! Скучно, конечно, только: тихо против Чернореченской.

— А я скучать не умею.

— Ну да, рассказывайте! — мотнул головой шофер. — Скука от человека умения не спрашивает. Другой раз она на него так навалится, что он жизни не рад.

— Когда работы много, скучать недосуг.

— Это верно.

Шофер остановил машину — прыгала пробка на радиаторе. Он вышел укрепить ее.

Вышла и Надежда Григорьевна и поразилась красотой зимней тайги. Дорога пролегла по глухим урочищам. По обеим сторонам поднимались к небу кедры, словно задумавшись, они пошевеливали мохнатыми ветвями, и тогда с них сыпался снег. Падая, он окутывал деревья белой завесой, сквозь которую отчетливо проступали светло-коричневые стволы.

Солнце поднималось все выше, и Надежда Григорьевна видела, как начинают играть краски. Коричневая кора кедров теперь отливала золотом. Стволы вековых дубов с одной стороны будто покрывались буро-коричневым лаком, а с другой, северной, по ним бегут нежно-зеленые отсветы замшелости. Березы, как всегда, принаряжены. И небо — огромное безоблачное, голубое.

Легко дышится на морозном воздухе, но пора ехать. Шофер уже ждет.

Загудел мотор, машина ходко побежала по дороге.

Под самыми Долинками, когда тайга уступила место полям, шофер сказал:

— Поживете здесь, привыкните, и никуда вас отсюда не потянет.

Глава 6

Машина остановилась у конторы колхоза. Надежда Григорьевна поднялась на крыльцо, открыла дверь. Навстречу ей встала со скамьи приветливая женщина.

— Надежда Григорьевна? Так, кажется? Ну, здравствуйте, здравствуйте. Будем знакомы. Звать меня Вера Петровна, по фамилии Смелик я.

— Да чего там! Ведь знакомы уже. Николай Гаврилович обеим друг про дружку говорил, — смеясь, ответила Корнева, протягивая ей руку.

— Он и сейчас звонил, справлялся, приехала или нет. А ты вот что, — деловито обратилась Вера Петровна к шоферу, — свези вещи ко мне. Для вас, Надежда Григорьевна, домик есть, там сейчас собачий холод, так что вы уж пока у меня. Детей, правда, много, но они смиренные.

— Что вы, что вы, — перебила Корнева, — мне дети никогда не помешают, но вас-то мне стеснять неудобно.

— День-два какое стеснение... Поезжай, Федя, — кивнула Вера Петровна шоферу. — Вещи занеси и поспешай в МТС, там ждут. А мы с вами малость задержимся. Людей вот отпущу — и пойдем завтракать.

В небольшой комнате стоял письменный стол, покрытый красной материей. У стен — два узких старомодных дивана. В одном углу этажерка с книгами и пачками газет, в другом вешалка, а под ней табуретка. На обоих окнах в полном цвету фуксии. Вокруг стола, на котором лежали раскрытые папки и бумаги, сидело несколько мужчин и женщин.

— Вот, товарищи, новый избач к нам приехал — Надежда Григорьевна, — обратилась сразу ко всем Вера Петровна.

— Здравствуете, товарищи. — Надежда Григорьевна начала поочередно здороваться со всеми. Никто, однако, не называл своей фамилии. Она присела на табурет.

Вера Петровна с укоризной взглянула на человека, сидящего ближе всех к столу с опущенной головой.

— Ну, как же, Корнейч, дальше будем воевать? — спросила она, видимо продолжая начатый ранее разговор. — Куда тебя после сегодняшней ночи? К прокурору? Ты же ферму охранять должен, а ты напился и уснул... Да где? В молочной, куда тебе и ходить-то незачем.

Корнева всмотрелась в его лицо. Бледное, измятое, маленькие запавшие глазки, большой рот.

— Вера Петровна, да ить я на поминках у Зайчихи. Кабы на посту и ночью, а то на поминках ведь... и днем.

— А колхозу от этого какая разница? Пил ты днем, а спал ночью. Кто же за тебя сторожевать будет, и как ты вообще жить будешь? Смотри, Корнейч, последний раз тебе говорю, исключим мы тебя из колхоза.

Корнева увидела, как съежился при этих словах Корнейч. Вера Петровна продолжала:

— Предупреждаю, что на первом же заседании правления поставлю вопрос о списании с тебя трудодней. — Голос ее посуровел. — Иди! — резко сказала она. — Выспись и чтобы ночью работал как надо.

Корнейч поднялся и молча, ни на кого не глядя, пошел к двери. А Вера Петровна уже слушала пожилого колхозника. Он о чем-то рассказывал ей, собирая в горсть свою густую, с проседью, бороду.

— Так, так, Андронич, — говорила Вера Петровна, — погоди, запишу. — И писала в своей толстой тетради, разграфленной на столбики. — Перемерил все, считаешь, что хватит? Добро. Сторожу накажи еще раз, чтобы за амбарами смотрел пуце глаза, особенно за первой тройкой. Тому зерну цены нет. Ну что же, Андронич, все пока, задерживать тебя не буду.

Андронич встал. Был он высокого роста, плечистый, сильный. Взгляд добрый, располагающий к себе. Все женщины поклоном ответили на его поклон.

— А вас, женщины, я собрала вот для чего, — продолжала Вера Петровна, — вы звеньевые. Так начинайте собирать золу и другие удобрения. И еще попрошу вас переписать членов своих звеньев. Может, кто к кому хочет перейти, может, вообще кто на другую работу думает уйти.

К столу подошла веснушчатая девушка.

— Ну что, Нюша, говорила мамане? — тихо спросила ее Вера Петровна.

Девушка покачала головой:

— Нет.

— Почему?

— Да время все не выберу, — глядя в пол, отвечала Нюша. — Мама-то в эти дни шебутилась у Зайчихи. Три дня стряпали, а вчера поминали тетку Феоктисту.

— И ты поминала?

— Нет, я на поминки не пошла. Как можно? Мы у нее в саду яблоки воровали, а она нас костерила, как из пулемета, по десять тысяч слов в минуту выпускала.

Пожилая колхозница одернула Нюшу:

— А тебе только такое и вспоминать!

— А ежели больше-то ничего приметного не было. Ежели она всю жизнь как сторожевая собака прожила, тогда чего вспоминать? — смиренным голосом спрашивала девушка, и в глазах ее прыгали бесовские искорки.

Вера Петровна прятала улыбку.

— Ладно, улочи времечко, поговори с матерью, да смотри, по своему характеру сплеча не руби. Без материнского слова я послать тебя на курсы не могу.

Нюша вздохнула, но тут же озорно блеснула глазами. Было ясно, что вопрос этот для нее давно решен.

— Маманиного слова, Вера Петровна, не всегда ждать надо, его и взять можно.

— Ну вот, — сказала Вера Петровна Корневой, когда они остались одни, — теперь часика два наши. Сегодня у нас вроде выходного. Десять дней здорово работали. Корма возили, удобрения на поля. Люди устали, и кони притомились. Ох-хо-хо... Ну что ж, пойдем! — Она встала, поправила платок на голове и потянулась к вешалке.

Услышав от шофера, что новый избач остановился у них, Юрка с Аннушкой успели убрать весь дом. Им помогали Маруся и Гаврик. Полы были чисто вымыты, стол накрыт белой скатертью, а на горячей плите шумел чайник, и ароматно пахли щи.

— Ну, я вижу, хозяева мои развернулись, — улыбаясь говорила Вера Петровна, поглядывая на двух младших, что, как грибки, стояли друг возле друга. Они во все глаза рассматривали гостью.

— А меня Аннушка набила, — доложил Гаврик.

— За что же это? — поинтересовалась мать.
— А я плиту откльвал, а там огонь иглался.
— Значит, за дело! Ты же знаешь, что плиту нельзя открывать, когда там огонь играет.

— А мы аядушки пекли.
— Ну, Надежда Григорьевна, нам с вами тут, видно, праздничный обед приготовили, — улыбнулась Вера Петровна, — давайте-ка умываться да за стол, а то и так задержались. — И опять к сыну: — Ну иди, пекарь, я тебя умою да в порядок приведу. Маруся, дай-ка ему чистую рубашечку из укладки.

После обеда Вера Петровна предложила Корневой отдохнуть. Та отказалась. Хотелось поскорее увидеть село и избу-читальню.

— Ну, тогда идемте!

Мороз крепчал. Надежда Григорьевна приподняла меховой воротник своего легонького пальто. Зябко повела плечами. Вера Петровна заметила это движение и сказала:

— Легко вы одеты, Надежда Григорьевна. В наших местах так нельзя. Шубнячок вам надо. Ну, погода маленько, что-нибудь придумаем.

Корнева с любопытством рассматривала улицу с уютными белыми хатками.

— Вот это ваш домик, — указывая на один из домиков, сказала Вера Петровна. — Там кухонька и комната. Ага, уже затопили, — улыбнулась она.

Из трубы поднимался дым.

Пошли дальше. На другой стороне улицы увидела дом, чуть побольше других, с выцветшим красным флагом на крыше и огромным замком на двери. Она догадалась, что это и есть изба-читальня. Вошли. Неуютно тут было. Старые лозунги и плакаты на стенах.

Длинный стол покрыт старым, много раз стираным кумачом с зелеными и синими пятнами от чернил, ни одного номера газеты или журнала. С потолка свисает паутина, в некоторых местах штукатурка обвалилась, обнажая драпку. Везде толстым слоем лежит пыль.

На миг ей стало жаль и районного клуба в Черно-реченской, и своей милой веселой помощницы Люси Грач.

«Ну что же, начнем сначала», — подумала она.

— Останусь-ка я, Вера Петровна, тут до вечера.

Разберусь с книгами, подошью газеты... — сказала Корнева.

— Да как же в таком холоде работать, Надежда Григорьевна?

— А мне не привыкать, — улыбнулась Корнева. — Идите, Вера Петровна, спасибо большое, начну тут орудовать.

Так началась ее работа на новом месте.

Стало темнеть, когда к избе-читальне подъехала первая подвода с дровами. Их свалили на маленьком дворике. Потом пришла Прасковья Ивановна Науменко — принесла ведро, тряпку, веник.

— Здорово живете! — поклонилась она Корневой.

— Здравствуйте!

— Я тут завтра с утра все обмету да перетрясу, — сказала Науменко, — а сейчас покрепче протопить надо.

Через несколько минут в печке жарко запылал огонь, стало веселее. Прасковья Ивановна повернула табуретку боком, удобно уселась возле самой топки и принялась с любопытством рассматривать Корневу.

— А ты, матушка, к нам издалече? — спросила она.

Надежда Григорьевна тихо ответила:

— Издалека. Из Орла я, может слышали?

Прасковья Ивановна поднялась и подошла к ней:

— Слыхала... как не слышать, мой Назар где-то... Тебя звать-то как, матушка?

— Надежда Григорьевна, а вас?

— Прасковьей крестили, Ивановна по отцу... Ну как там дела, на фронте-то?

Корнева присела на ящик у печки и рассказала Науменко все, что знала из последней сводки Совинформбюро.

Сизая вечерняя тень уже давно задернула окна, а они все сидели при свете горящих поленьев и говорили, говорили.

Утром первой мыслью Надежды Григорьевны было включить репродуктор и, как всегда, прослушать сводку Совинформбюро. Но радио в селе не было. «Ой как трудно! Сегодняшнюю сводку мы узнаем только через два дня из газет», — подумала Надежда Григорьевна и стала быстро одеваться.

Вера Петровна уже ушла. Хозяйничала Аннушка —

тоненькая белокурая девочка с большими темными глазами. Она усадила Надежду Григорьевну завтракать. Когда та заикнулась, что ей надо выкупить хлеб по карточке, Аннушка замахала руками:

— Что вы, что вы! Мама не велела. У нас пока есть хлеб и картошка. Курочки в избе зимуют, несутся. Да в сельпо у нас хлеб и не продают — будете получать мукой. Нет уж, мама велела, чтобы вы ели.

В избе-читальне Надежда Григорьевна застала полный порядок. В углу Прасковья Ивановна поставила ей маленький стол, накрыв его куском ситца, принесенным из дому. На столе стояла чернильница, лежали ручки, карандаши и даже чистая ученическая тетрадь.

Прасковья Ивановна уже собиралась уходить и дожидалась Корневу только для того, чтобы передать просьбу женщин рассказать о положении на фронте.

— Так вот, можно ли?

— Конечно можно, даже очень нужно! — воскликнула Надежда Григорьевна.

Прасковья Ивановна не уходила. Видно, хотела спросить еще что-то.

— Надежда Григорьевна, — решила она наконец, — у меня до тебя один вопрос, ты уж прости, что я так попросту.

— Пожалуйста, Прасковья Ивановна.

— Скажи мне, ты партийная?

— Да, а что?

— Я так и думала; Николай Гаврилович знает, кого посылать.

Корнева сходила в сельсовет, взяла там ворох газет и журналов, посмотрела наиболее свежие и разложила их на столе.

Потом взялась приводить в порядок библиотеку.

К вечеру стали подходить колхозницы.

— Богдушенко я, Анна, — назвала себя сидящая женщина, что вошла первой.

— Да неудобно вас Анной звать, — сказала Корнева, задерживая ее руку в своей. Обе засмеялись.

— Петровной ее величают. Нашего овощевода жена, — подсказала вошедшая за ней Прасковья Ивановна. — А вот и соседка ее, Еремина.

Людей в избе-читальне становилось все больше.

Корнева присела на скамейку возле женщин, едва ус-

Певая отвечать на их вопросы: кто она, издалека ли приехала, насовсем или только так, ненадолго. Она поняла — надо сейчас все рассказать про себя, чтобы поняли и приняли ее. Она поднялась и, подавляя вдруг налетевшее на нее волнение, сказала:

— Я из Орла, работала на заводе шлифовщицей. Была у меня семья, теперь вот одна-одинешенька. Раньше была. Приехала в Чернореченскую, там у меня дальняя родственница живет. Ну, а теперь вот к вам назначена избачом, а в общем-то, буду работать там, где надо.

— И в поле пойдешь?

— Конечно! И в поле, и на ферму. Сразу-то не сумею, так буду у вас учиться.

— Научим, научим, было бы желание.

— Ну а теперь о самом главном, — громко сказала Корнева, подошла к столу, открыла папку с подобранными материалами Совинформбюро.

Когда она кончила читать, какое-то время стояла тишина.

— Вот и мой пишет... — нарушая ее, сказала Еремина, протягивая Надежде Григорьевне, видно, много раз читанное письмо, — почитайте еще вслух.

Корнева читала, а женщины слушали, не проронив ни слова. Маленьких треугольников, свернутых из разной бумаги, иногда серой оберточной, было много.

Уже вечерело, когда в избу-читальню вошла пожилая женщина в пуховом платке и старенькой, потертой дошке. Ей тут же нашли место, пригласили сесть.

Женщина кивком головы ответила на приветствия и села на лавку. Когда все письма были прочитаны и настала пора расходиться, она подошла к Надежде Григорьевне и просто сказала:

— Давайте познакомимся. Я заведую здешней школой. Силаева Татьяна Федоровна.

Корнева крепко пожала протянутую руку.

— Вы заходите к нам в школу. Коллектив у нас небольшой, но дружный. Мы будем вам рады.

Прошло совсем немного времени, и Надежда Григорьевна почувствовала, как необходима ей помощь этой женщины. Пришлось восстанавливать в памяти многое из того, что когда-то учила в школе по ботанике, биологии, физике. Когда, смущаясь, заговорила об этом

в учительской, Татьяна Федоровна искренне рассмеялась. — Бывает, бывает, — проговорила она, глядя на Корневу поверх очков. — Ну что ж, будем заниматься с вами и агрокружок организуем. Вера Петровна просила.

Татьяна Федоровна подошла к книжному шкафу:

— Давайте-ка подберем вам кое-что. Перечитать надо уйму. И, пожалуйста, не стесняйтесь. Приходите в ночь-за полночь. И не только заниматься, а и так, чайку попить.

Надежда Григорьевна вспомнила мать. Она тоже была учительницей.

Глава 7

Время летело незаметно. Надежда Григорьевна старалась как можно быстрее вникнуть в дела колхоза и поэтому не пропускала случая побывать на ферме, в кузнице, возле амбаров, где очищали зерно. За две недели, прошедшие со дня ее приезда, она познакомилась почти со всеми колхозниками и колхозницами, прочитала немало литературы по агротехнике.

Как-то ранним утром Корнева пошла в правление колхоза. Шумно было здесь. Мужчины и женщины окружили Веру Петровну, и каждый, перебивая друг друга, доказывал ей что-то.

— Да вы хоть не все сразу, вы по порядку, — говорила Смелик, усовещивая сельчан. — Не на базаре ведь!

Но порядок не устанавливался, шум все больше нарастал. Сизый дым волнами ходил по комнате.

«Почему они не на работе?» — удивилась Надежда Григорьевна и села в стороне на край лавки послушать, о чем идет разговор.

Одному требовалась парная подвода, которую задержал бригадир, и дело это, по его мнению, никто не мог решить без ее, Веры Петровны, слова. Другой бойкой бабенке в ярко-красном полушалке с желтыми разводами «беспрерывно» требовалось ехать в Чернореченскую к врачу, иначе могла «приключиться болезнь». Третий доказывал Вере Петровне необходимость откомандировать его на станцию за цементом для строительства.

— В самый раз его сейчас привезти, а обмен простого зерна на сортовое может и подождать, — доказывал он.

Не дослушав рьяного искателя цемента, Вера Петровна хлопнула рукой по столу и громко, так что во всех трех комнатах правленческого дома стало слышно, отрезала:

— Я вас всех командую, кажется, к чертовой матери! Вы что, очумели, каждое утро в правлении по два часа с лишним околачиваетесь! А ну, сейчас же все по своим местам, кому куда положено. Ничего я сейчас не буду ни слушать, ни решать. Сказано было — приходите вечером, все можно обговорить, а с утра надо быть на работе. Кто вам такое право давал, чтоб дело стопорить?! Идите по своим местам и приступайте к работе. Все! Веришь, терпения у меня другой раз не хватает, — обернулась Вера Петровна к Корневой. — Ну да ладно, собирайся, поедем сено в стогах замерять.

Ехали в легонькой кошевке Веры Петровны. Резво бежал жеребчик Рейд, привычно пропускал вожжи между пальцами Андронича, поторапливая:

— Давай, давай, милой, давай!..

Ехали степью. Снег на полях под яркими лучами солнца сверкал и искрился так, что больно было глазам. Далеко влево маячил край тайги, а на противоположной стороне по клубам и пышным шлейфам дыма паровоза угадывалась линия железной дороги. За ней и начинались колхозные луга.

— В добрый-то год на этих лугах стогов видимо-невидимо, — заметил Андронич.

— Давай, Андронич, от дороги начнем, — предложила Вера Петровна. — Вон те три стога ближе от полотна сметаны. Не дай бог искрой из паровоза подпалит. Замеряем их, а завтра начнем возить. — И к Корневой: — Дивись, Надежда Григорьевна, на наши запасы.

И тогда, оглядев луга с видневшимися кое-где стогами, Корнева поняла настроение Веры Петровны и Андронича. Стогов было очень мало, кормить скот надо до весны, а она еще далеко.

Андронич поставил Рейда в затишье к большому стогу, дал ему торбу с овсом, накрыл старым одеялом и вместе с Верой Петровной начал обмер. Они ловко орудовали специально размеченной веревкой. Корнева записывала цифры и подсчитывала.

— А что, на Бабьем вязе тоже так? — тревожно спросила Андронича Вера Петровна.

— Везде так, — коротко бросил Андронич, — правда, в Дальнем логу маненько получше, там сено хорошее...

В село возвращались другой дорогой.

— Ну, Надежда Григорьевна, теперь я тебе нашу беду покажу. — Вера Петровна помрачнела еще больше.

Скоро перед глазами Надежды Григорьевны открылась картина, которая запомнилась ей на всю жизнь. По обе стороны дороги лежали покрытые снегом поля неубранной сои. Ветер путал высохшие на корню растения. Жалобно звенели стручки. Казалось, все поле стонет и зовет человека на помощь.

Андронич остановил коня. Вышли из кошевки и долго молча стояли над соей. Сколько тут было загубленного труда, какое богатство оставалось невзятым.

Сели в кошевку молча. У каждого голова тяжелела от дум.

— Так в чем все-таки дело? Почему не убрали? — спросила Корнева.

— Сила не взяла, — ответил Андронич. — Мужики на фронте, женщины с ребятами одни. В каждом доме мелюзга.

Сквозь заиндевевшие окна хат тускло мерцали огни керосиновых ламп. Казалось, что тайга совсем надвинулась на село. Глухо было на пустынных улицах.

Глава 8

Обмер стогов показал, что кормов до весны не хватит. Чтобы как-нибудь предотвратить бескормицу, требовалась строжайшая экономия всего, что могло пойти на корм скоту. В первый раз услышала Надежда Григорьевна в эти дни слова: «рационы кормления». Вера Петровна объяснила:

— Меню это коровье. Каждый грамм корма надо на учет брать и распределить все, что мы имеем, на всю зиму, до выгона коров на луга. Без зоотехника, однако, нам тут не управиться. Обещали, что на днях приедет. Скорей бы уж...

Зоотехник приехал в Долинки на другой день. Вместе с Верой Петровной и Анастасией Демьяновной Ере-

миной, заменившей на ферме мужа, они начали распределять корма по месяцам. Надежде Григорьевне очень хотелось быть с ними, но в этот день она проводила комсомольское собрание.

В селе осталось только четыре комсомольца. И вот они сидят в избе-читальне — Сережа Пронин, двоюродный брат Ньюши, окончивший в прошлом году семилетку, сама Ньюша, ее подруга Марийка и красивая молодая Дуня Власова.

После того как Корнева сказала о необходимости оформить комсомольскую организацию, выбрать комсорга, три пары глаз взглянули на Ньюшу Пронину.

— Ньюшу, — предложила Марийка.

— Да вы что... — смутилась Ньюша и вдруг выпалила: — Я говорить не умею.

— Умеешь, только «хоть кто не стерпит» не говори, — смеясь перебила ее Дуняша. — А работаешь всегда за троих. Правильно, Надежда Григорьевна, пусть Ньюша будет комсоргом!

На том и решили. Ньюшу поздравили, пожелали ей ни пуха, ни пера.

— Смотри не зазнавайся, а то ведь мы тебя живо того, — сказал Сережа Пронин и сделал выразительный жест рукой. Ребята засмеялись, а Ньюша сидела серьезная, как показалось Надежде Григорьевне, опечаленная. Все это видели и не спешили уходить.

— Я про нашу беду думаю, ребята, — заговорила Ньюша. — Кормов-то нет. Неужто допустим, чтобы скот падал?

— А что можно сделать? — спросила Дуняша.

— Сама еще не знаю, только сложа руки сидеть не придется... Сережа, — вдруг оживившись, обратилась она к брату, — что если нам попробовать косить камыш да траву высокую. Все сухое, стоговать не надо. Скосил да и на воз — сразу на ферму.

Сергей покачал головой:

— На веревках повиснут наши коровки от того корма.

— А если измельчить, запарить, маленько отрубей подсыпать? А?.. — Она испытующе смотрела то на одного, то на другого.

— Батюшки! Да как же его зимой косить, — удивилась Дуня.

— Не знаю как, никогда не косила, не жала. Давайте попробуем, а... Камыша у озера много, и травы там достаточно. — Говоря это, Нюша неотрывно смотрела на Надежду Григорьевну, словно ждала от нее последнего слова и поддержки.

— А что, дело предлагает Нюша, — отозвалась Корнева.

— Другого выхода у нас, пожалуй, и нет. Идемте к Вере Петровне, поговорим.

Вера Петровна, конечно, поддержала молодежь. Договорились быстро. Завтра же решили попробовать жать камыш косой и серпами в Поперечной пади. Обсудили все в деталях.

— А ведь ладно получается, девушки, — заметила Марийка, блестя черными глазами.

— Да ничего еще не получается, — деловито отозвалась Нюша.

— Нюша, погоди минутку, — попросила ее Корнева, когда комсомольцы стали расходиться. — Держи колхозную молодежь на примете. Организация должна расти. Есть у вас парни и девушки, которых можно привлечь в комсомол?

— Конечно есть, — подумав, ответила Нюша.

Выехать в Поперечную падь ни на второй, ни на третий день комсомольцам не удалось: помешала пурга.

Отбушевав три дня, буря утихла. В чистом, голубом небе засияло солнце. Надо было найти место, куда ехать за камышом или травой. Сделать это вызвался Андронич:

— Не выйдет в Поперечной пади, поищу в другом месте.

Он привез неутешительные вести. Ни в Поперечной пади, ни в Прямой, ни в Бабьем вязе, пока не улежится снег, жать камыш нельзя.

Через два дня комсомольцы смогли выехать за камышом. Нюша сейчас же известила об этом брата и велела ему сообщить ребятам, а сама побежала к Марийке и Дуне Власовой. Часу не прошло, как комсомольцы были на конном дворе. Привели с собой еще несколько молодых колхозников.

Кузьма, которого все, смеясь, называли Малявочкой, намекая на его фамилию Малявко и на высоченный рост, шутил, широко размахивая руками:

— Во, весь камыш мой будет!

Парни и девушки удивились, увидев на конном дворе Надежду Григорьевну.

— И вы с нами? — спросил Сережа Пронин.

— С вами, — ответила она, пряча серп в розвальни под сено, и, шутливо косясь на хлопцев, делая вид, что говорит по секрету, попросила: — Девушки, вы меня жать научите, а то ведь стыдно, серпа в руках держать не умею.

— Дело нехитрое, — ответила Марийка. — Была бы охота.

В Поперечную падь приехали быстро. Сергей с Кузьмой оставили в затишье лошадей, дали им сена, накрыли попонами.

Широкое, занесенное снегом озеро, сплошь поросшее тонколистным камышом, начиналось у самой дороги и тянулось на несколько километров.

Сухие листья шумели на легком ветру. Марийка сняла варежку, потрогала пальцами камышовый ствол, помяла листья.

— Ох, горечко, какой уж это корм!.. — проговорила девушка, качая головой.

— А вот такой, который можно измельчить, запарить, сдобрить и скоту дать. И есть его коровы станут, и молока дадут, и тебе спасибо скажут, — ответила Нюша и, оглядев всех, крикнула: — Давайте навалимся. Вставайте кто где... начинать пора.

Сергей с Кузьмой, взяв косы, отошли от девчат. Поправив шапки, поудобнее надев рукавицы, они враз взмахнули косами, и тут же на снег упали ряды подкошенного камыша. Девушки шли, образуя широкий ряд. Надежда Григорьевна встала в середине между Марийкой и Нюшей.

Всегда тихая Поперечная падь огласилась веселым шумом. Кто-то из девчат пробовал даже запеть.

В первые часы серп вертелся в руках Надежды Григорьевны, а камыш, зажатый в горсть левой рукой, почему-то пригибался гораздо раньше, чем правая успевала подвести серп.

— Вот как надо, Надежда Григорьевна, вот как... — говорила то Нюша, то Марийка и показывала, как надо жать.

Мороз усиливался. Жать было трудно. Мерзли паль-

цы, а платки и туго подпоясанные ватники стесняли движения. То та, то другая девушка все чаще, выпрямляясь во весь рост, опускала серп. Наконец Марийка не выдержала, сняла варежки, подхватила пригоршню снега и стала растирать руки.

— О, теперь поработаем! — сказала она и так же энергично, как только что терла озябшие пальцы, принялась жать. Успеть за ней никто не мог. Тоненькая, легкая даже в этом грубом наряде, она жала. На ее постати не валялось зря ни одного стебля камыша. Он был сложен в ровные кучки, которые легко можно было сгребать или поднимать вилами в копну.

«Ну, подожди, красавица, я твою сноровку все равно перейму», — думала Надежда Григорьевна, любуясь девушкой. Она жала одна, безнадежно отстав от всех. Вдруг девчата, видно сговорившись, разом обошли ее с двух сторон, и не успела она оглянуться, как выжали ее полосу, сравнив со своими.

— Вы чего это? Меня на буксир взять решили? — смеялась она.

— А нам без вас скучно, Надежда Григорьевна, — отвечали девушки.

— У меня правая рука пустая, — улыбаясь говорила раскрасневшаяся Марийка, намекая на то, что Надежда Григорьевна вела постать вправо от нее. Марийка успевала жать свое и помогать подругам. Она хватывала то с одной, то с другой стороны. Теперь девушки опять вытянулись в один ряд.

— Ишь, широким фронтом наступаем на бескормицу, — крикнула одна из них.

Устроили перерыв, разложили большой костер. Кузьма приволок толстое березовое бревно, сделал на нем топориком заступы и положил в костер.

— Девушки, кладите еду поближе к огню, согреется, — посоветовал он.

К полудню ветер усилился. Он дул порывами, обжигая лицо. Девушки перевязали платки, закрыв лоб и щеки. Работа подвигалась медленно.

Сережа с Кузьмой, плотнее надвинув шапки, упрямо взмахивали косами, блестящими на солнце, шли друг за другом в ногу и косили, не обращая внимания на стужу.

Сережа остановился, и воздух разрезали с детства

всем им знакомые звуки — парень точил оселком косу. Мелодичный звон чистой стали задрожал в воздухе, покатился и рассыпался по широкой пади. Этот звук вызывал в памяти свежесть ясного летнего утра, и полдневный зной, и запахи свежekoшеной травы и цветов. Это был звук любимой поры сенокоса.

Перестав на минуту жать, девушки подняли головы, выпрямились во весь рост.

Было странно слышать этот звук сейчас, когда все вокруг занесено глубокими снегами.

— Девушки, что делается! Стужа на дворе, а мы косы точим!

— Эй, комсомольский секретарь! — донесся до них зычный голос Кузьмы. — Не пора ли сгребать? Назначай стогометальщиков.

— Во леший, — расхохотались девчата, — стогометальщиков ему. Никак хочет на один воз целый стог навалить.

— И в самом деле много нажали. Давайте, девчата, сгребать, — отозвалась Нюша.

Это было легче. На ветру камыш катился густым валком. Сергей с Кузьмой взяли за вилы. Скоро первый воз был нагружен. Марийка по-хозяйски оглядела его со всех сторон, причесала граблями, убрав зря торчащие стебли.

— Что, Марийка, работу принимаешь? — спросил Кузьма, стоя за спиной девушки. — Эх, не то что воз камыша, я бы гору свернул, когда б ты в мою сторону посмотрела.

— А что мне смотреть по сторонам, когда дорога прямая, — ответила девушка, оглянулась, опалила парня огнем черных глаз и отошла к девчатам.

Нюша слышала весь этот короткий разговор. За минуту перед этим она хотела предложить Кузьме ехать с возом на ферму, а сейчас, улыбнувшись, передумала.

— Езжай ты, Сережа, только поешь сначала с нами у костра, — сказала она брату.

— Да нет, чего уж я буду зря время терять, дома перекушу. Счастливо оставаться, девчата! — И, тронув вожжи, Сергей пошел рядом с возом. Выбравшись на пригорок, он залез на камыш и погнал лошадей быстрее.

Кузьма разжег костер еще ярче. Настелил на снег камыш, на котором расположились все. Стало жарко,

растегнули ватники. Обед устроили общий, сложив вместе все, что захватили из дома. А потом Нюша не выдержала и запела:

...Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...

Голос у нее был мягкий, красивый.

...Просыпается с рассветом
Вся советская земля, —

вступила Марийка.

И вот уже песню подхватили все.

Во второй половине дня серп перестал крутиться в руках Корневой, а ближе к вечеру Нюша с Марийкой заявили:

— Ну, Надежда Григорьевна, вы уже жнете.

— Жать-то жну, да вот вас никак не догоню, — отвечала она.

— Ну, это не сразу, — успокоила ее Марийка, но тон, которым были произнесены эти слова, означал: «Уж обогнать-то себя мы, конечно, никому не позволим, даже вам».

Ветер стих. Стало теплее. Девчата поглядывали на дорогу, не едет ли Сергей. Чтобы успеть завершить работу засветло, они разделились на две группы. Одна продолжала жать, другая сгребала камыш.

Когда Сережа подъехал, девчата успели нагрузить камышом вторые сани. Однако Нюша заметила, что он чем-то раздосадован. Видела это и Надежда Григорьевна.

— Ну рассказывай, что там, как нашу работу приняли? — попросила она.

— А так и приняли, что я больше не поеду, — мрачно сказал он.

— Почему не поедешь?

— А потому, что не хочу насмешек. Заяц у покотины встретился и всю дорогу рядом шел и обсмеивал. Комсомолия, говорит, молодо-зелено — кого слушаете? Это разве корм?! Это так, пыль в глаза. А дальше поехал — Зубенчиху встретил. Эта посреди дороги встала, руки в боки уперла и кричит, как гусыня: «Га-га-га, чего удумали... Га-га-га, зимой косить. Не туды смотрите. В соседние районы надо ехать, у добрых людей сено закупать да у государства помощи просить». Ох

и разозлился я на нее! Уйди, говорю, с дороги, а она не уходит. Я лошадей напрямик пустил, так мигом отскочила. — И вдруг повернулся к Надежде Григорьевне: — Нет, вы мне скажите, Надежда Григорьевна, почему Федор Заяц и Зубенко с женой и тот же их прихлебатель Корненч всегда наши комсомольские дела норовят обсмеять. Почему?

— Разобраться надо, Сережа. Во всяком случае, они неправы.

— Что камыш плохой корм, мы и сами знаем, но все-таки корм.

— Наплюй, Сергей, на эти насмешки, и кончено! — сказал Кузьма.

— Ну, дорогие мои, давайте кончать, — проговорила Надежда Григорьевна, поднимаясь с сена. — Что сумеем увезти — увезем, а то оставим на завтра. Я думаю, Вера Петровна завтра даст не две, а три пароконных подводы.

— Тогда Федор с Зубенчихой от злости лопнут, — засмеялись девушки.

Подошел Кузьма, поддел вилами камыш. Надежда Григорьевна залюбовалась, как он нес свой навильник высоко над головой и подал камыш сразу на самый верх воза.

— Сильный какой, — сказала она.

Быстро сметав камыш, веселой гурьбой пошли за возами. Девчата запели. Выждав, когда всех увлекло пение, Нюша шепнула Надежде Григорьевне, беря ее под руку:

— Кузьма завтра заявление в комсомол подаст. За ним многие пойдут, чуετε, Надежда Григорьевна! Скоро в Долинках опять будет своя комсомольская организация.

Глава 9

У Дарьи Шумейко кончились дрова. Уже давно топила, как говорят, вприглядку, только-только чтоб согреть полок русской печи, с которой весь день не слазили ребятишки. Там кормила их, там они и спали. Слезут по нужде, прошлепают в сени по настывшему полу — и опять на печь. И вот кончились... Для нее это было самое страшное. С кем идти в лес пилить? С вось-

милетней Танюшкой? Самая старшая помощница. За младшенькими смотрит, обед сварит, а как на нее махонькую мужиков-то труд навалить?

Накинула полшубок, вышла из избы к сараю, глянула на то место, где была поленница, — остались от нее только щепки.

И не выдержала женщина, прислонилась к углу головой и заплакала горько, беззвучно, только губы шептали: «Вася, Вася... Ну как я с детьми одна... Чем кормить буду, как согрею лютой зимой? Васенька, да чего ж эта война наделала! Где сил-то взять!..» Текут, текут по лицу слезы соленые, горькие.

Услыхала, как скрипнула сенная дверь. Оглянулась. Переминаясь с ноги на ногу в больших валенках, кутаясь в шубнячок, на пороге стояла Танюшка:

— Маманя, иди в хату, так давно вышла, а все стоишь...

— Иду, доченька, иду, — сказала и вся как-то подобралась. Рукой слезы смахнула, глянула на дочь чуть построже: — Ступай в хату, простудишься.

Взяла топор, пошла в глубину двора, туда, где упал плетень. Рубанула по нему с силой, со злобой. Старый плетень рассыпался, пнула ногой кучу сухих веток и пошла по двору. Нашла старые колья, порубила их. Разогнулась, огляделась.

Утренний туман рассеялся. Из труб шел дым, столбиками поднимался кверху. Мороз, а будет еще холоднее. Дарье вдруг стало страшно уже не только за них, но и за Василия. Он-то где сейчас? Может, и ночевал в снегу...

Вернулась в хату, разожгла печь. Наварила картошки, круто посыпала солью и подала на печь ребятам. Потом из подполья достала кислую капусту с огурцами.

— Ешьте, ребята. В обед хлеба дам...

— Маманя, а ты? — Танюшка зорко следила за матерью, разламывающей крошечный кусочек хлеба.

— Поем, успею.

Танюшка спрыгнула с печи, взяла с полки тарелку, опять взобралась на печь, положила на нее картошки с капустой, подала матери:

— Ешь с нами, маманя.

Дарья посмотрела на дочку — заботница моя...

Подсела к детям на печь. Поели, стряхнули одеяло. Танюшка оделась, стала собираться в школу. Мать остановила:

— Пропустишь нынче денек, вечером схожу сама к Татьяне Федоровне. Нам с тобой, дочка, нынче в лес идти дрова пилить.

— Маманя, и я пойду, — запросился шестилетний Ванюшка.

— Нет, сынок, дома посидишь, за братишкой помотришь. Как же его одного оставишь. А ты-то большой.

Ванюшка шмыгнул носом и победоносно посмотрел на Таньку. Ага, мол, не все тебе верховодить.

Дарья достала из укладки свою шерстяную фуфайку:

— Рукава длинные, заверни поудобней. Я сейчас приду, — и ушла в контору к Вере Петровне узнать, где можно пилить.

— С кем валить-то пойдешь? — спросила Смелик.

— С Танюшкой как-нибудь, — еле слышно ответила Дарья.

— О господи, — вздохнула Смелик.

До леса дорога проторенная. Идут по ней в зимнем безмолвии два человека — большой и маленький. У Дарьи в руках пила и топор, у Танюшки — широкая деревянная лопата. Идут споро, мороз подгоняет. Свернули с дороги и сразу провалились в снег по пояс. Дарья попробовала вылезти из сугроба, но с каждым движением увязала все больше. Взяла лопату, принялась отрывать хоть какое-то подобие тропы. Шаг пророет, два пророет, где снег покрепче — шагает без тропы. Опять провал, опять прорывает дорогу. Чем ближе к чаще, тем снег становится плотнее. Тут его ветром не берет, слезался, а человека все равно не держит. Приходится отрываться. И с каждым шагом делать это труднее. Дарья стала нарезать лопатой большие снеговые брусья. Пока такой снеговик подынешь — внутри словно что-то обрывается. А поднять еще не все. Надо выбросить его с тропы. И режет женщина снеговую толщу: подымет лопату высоко над головой, с силой вонзит ее в наст, раз, другой, третий. Еще усилие — брус летит на край тропы.

Оглянулась — целую траншею прорыла, плечи стали ныть. А до края леса еще не близко. Пока к месту вышли, уже и сил нет.

Заметили старый кряжистый дуб. Подумали обе в одно: его бы! Дарья покачала головой:

— Не осилим, дочка. Вон ту березу...

А к березе той опять сразу не подойдешь.

— Мама, дай я. Отдохни, мама.

И, как большая, взяла лопату из рук матери. Только вот никак не резались у нее эти четырехугольные снежные брусья, а уж как хотелось, чтоб как у мамы!

Передохнула Дарья, взялась за лопату сама. Кое-как дорылись до березы.

— Ну, дочка, давай.

— Дзи-дзи... — послышался несмелый звук. И вдруг сразу резкий разящий — дзинь... — пила выскочила из зареза.

— Тихонько, дочка, тяни к себе, потом на меня подавай, не торопись, не торопись и на пилу не дави силой-то...

Дзи-дзи, дзи...

Не сразу стало выходить у Танюшки. Долго еще дрожала и «брызгала» у нее пила. У Дарьи ныли плечи, а береза не поддавалась и наполовину. От стального ребра пилы у девочки стыла рука. Вначале варежки плохо помогали.

— Мама, погоди.

Дует девчушка на руки то в одну, то в другую варежку. Смотрит на нее Дарья, молчит. Заговорить боится. Комок у самого горла. Заговоришь, не совладаешь с собой. Кажется, со слезами сердце выльется.

Опять пилят. Ходит пила вперед-назад, вперед-назад. Мелькают перед глазами матери дочушкины руки.

— Ой, мама, не могу, пальцев нет.

Бросила Дарья пилить, распахнула полушубок, расстегнула кофту, сорвала с Танюшки варежки и засунула ее руки себе за пазуху. Прижалась к ней Танюшка, греется. Глянула мать ей в глаза, а они полны слез.

— Ты что?

— Мамочка, мама, а папаня-то наш, может, в бою в снегу всю ночь?..

Ничего не ответила ей мать, только прижала к себе еще крепче, подивилась той же мысли, что и ее самое терзала.

— Ну давай, мама, согрелись пальцы.

И опять пилят. У Дарьи стучит в висках. И вдруг

с радостью замечает, что пилу стало зажимать. Значит, середину прошли. Взяла топор, подрубила, пошло легче.

— Потерпи, доченька, еще немного.

Скоро обeim стало жарко. Дерево поддавалось. Дарья вынула пилу из реза и со всей силой толкнула березу. Дерево треснуло, качнулось и рухнуло, вздымая тучу снега. Дарья глубоко вздохнула. Первая победа придала обeim силу. Как-то легко взяла Дарья топор, стала обрубать сучья. Потом распилили хлыст. Это было уже легче. Отдохнув немного, взялись за второе дерево, поменьше. Потом свалили еще два. Пора было возвращаться домой. Дарья оглядела сработанное. Не густо, но все-таки на какое-то время с дровами. Подумалось — завтра привезем. Очень хотелось ей свалить еще хоть одно дерево. Да Танюшка еле держалась на ногах. Решили идти домой.

— Тетка Дарья-а-а, где ты там? — слышался голос.

Мать и дочь переглянулись. Кто бы это?

— Похоже, Кузьма Малявко. Отзовись, маманя.

— Тут я, сюда идите! — крикнула Дарья, бледная. Уж не случилось ли чего с детьми дома.

— Ты что, Кузьма? — тревожно крикнула она, увидев его между деревьями.

— Да ничего, — весело отозвался он. — Иду вот тебе помочь.

— Батюшки, — Дарья растерялась от неожиданности. — Тебя, наверное, Вера Петровна послала?

— Да ведь как послала? Это дело добровольное. А ты что, или со мной попилить не хочешь?

— Господи, да как это не хочу! Очень хочу, добрый ты человек, — сбивчиво заговорила Дарья.

— Ну вот, значит поработаем. А ты, боевая помощница, иди-ка домой к братишкам, наверное заждались, — обратился он к Танюшке.

— Иди, доченька, иди, и я скоро приду.

— Ну ладно, — радостно воскликнула Танюшка и пошла по расчищенной тропе, оглядываясь на мать.

На другой день Кузьма помог привезти Дарье дрова. Она не знала, как отблагодарить парня.

— Вот чудачка, — смеялся Кузьма, — да ведь это же в порядке шефской помощи солдаткам.

— Э-э, милый, — не унималась Дарья, — все село —

солдатки. Ежели каждой помогать, так это колхозную работу надо забросить.

Жарко натопила Дарья в тот вечер обе печи. Ребята легли спать по своим кроватям. При свете луны долго смотрела мать на родные головенки.

Вздых облегчения вырвался из груди:

— Вася, а ведь не одна я с ребятами-то!..

Глава 10

Услышав о том, что комсомольцы долинского колхоза усиленно запасают корма, и ферме уже не грозит весенняя бескормица, Курмышов удивился.

— Сколько там комсомольцев, раз, два и обчелся. Нет, тут что-то не так! — говорил он Быстрову по телефону. — Придется самому поехать разузнать, что у них там происходит.

— Вот-вот, поезжай и разузнай, пока я буду во Владивостоке на совещании. Посмотри, как они там работают. Будем рекомендовать их опыт всем колхозам. Я заеду к ним сразу после совещания.

В Долинки Курмышов ехал с мыслями о том, что Вера Петровна затянула обменные операции с зерном (хотя в районе ни один колхоз не шел в графике).

Ему не нравилось, что она затягивает сведения для сводок и справок в райисполком. Вызвала главного зоотехника на два-три дня для составления рациона кормов, а держала его чуть не десять дней.

«Ох, дал ей волю Николай Гаврилович. А ведь все не на его, на мою голову ляжет», — сердито думал он, сидя в эмке.

— В правление? — спросил шофер, когда они въехали в село.

Но Курмышов назвал избучитальню — надо же все посмотреть. Здесь он застал полный порядок. В уголке за маленьким столом сидела девушка, по-видимому учительница, проверяла тетради.

— А где Корнева? — спросил Курмышов.

— На ферме. Там в конторке сейчас идет политинформация для животноводов и читают свежий номер стеной газеты.

— Так. А вы что тут делаете?

— Я дежурю в библиотеке.

— Толково. — Он посмотрел на свежевystруганные, пахнущие смолой полки в противоположном углу.

— Библиотеку собираем. Уже имеем около сотни книг, — похвалилась дежурная.

«А она и впрямь разворотливая», — подумал Курмышов о Корневой.

— Ну, бывайте здоровы! — И Курмышов поехал в правление колхоза.

Веры Петровны там не было.

— Что, тоже на политинформации? — спросил он счетовода.

— А как же? — ответил тот.

— Ну что же, поедем на ферму, — сказал Курмышов.

— А чего туда ехать, ферма-то рядом, — бросил счетовод. Но Курмышов этого не слышал, он был уже в коридоре.

Первое, что ему бросилось в глаза, были стога сена вблизи фермы. Скирд и стогов было много. Курмышов подошел ближе, перелез через поскотину и осмотрел сено, солому, камыш, даже высохшее на корню разнотравье.

«Ишь ты, летом не взяли, так зимой поднажали», — подумал он. Достал папиросу и закурил.

— Эй, гражданин хороший! — слышался энергичный окрик. — А ну, отойди от кормов!

Курмышов круто повернулся. К нему приближался пожилой колхозник. Он повторил свое требование:

— Отойди, говорю, от кормов! — И, узнав Курмышова, чуть приподнял свою старенькую с торчащими ушами шапчонку. — Извините, товарищ Курмышов, сразу-то вас не признал. А только около кормов у нас никому курить не положено. Желательно осмотреть — пожалуйста, а чтоб с огнем — ни-ни...

Веру Петровну и Корневу Курмышов застал в молочной. Политинформация закончилась, животноводы разошлись.

— Ну, что хорошо, то хорошо. Кормов подзапасли и, кажется, надежно их охраняете! — быстро говорил он. — Но что же это ты, товарищ Смелик, сортообмен срываешь? А весна придет, опять у государства просить

семена будешь? Не понимаю, как это можно, чтобы за семена и душа не болела?

Плохие у вас помощники, Платон Петрович, не то докладывают, что есть на самом деле, — сказала она. — Сортообмен мы уже дней пять как закончили. Можете проверить и по документам и в натуре. Теперь удобрения на поля возим.

Курмышов осекся, досадуя на своего помощника, поставившего его в неловкое положение.

Он помолчал, барабанив пальцами по столу.

— Почему зоотехника задержали?

— Потому, что дело требовало, — не выдержала Надежда Григорьевна. — Вы не сочтите за труд, сходите посмотрите, какие кормозапарники установлены.

Курмышов не нашелся, что сказать ей в ответ, и пробурчал:

— Хорошо, если установлены.

— Платон Петрович, — обратилась к нему Смелик, — как у нас дело будет обстоять с минеральными удобрениями? Почему это до сих пор сельхозснаб ничего не знает? И с МТС у нас не все в порядке: прицепной-то инвентарь еще не начали ремонтировать. Да что там инвентарь — за трактора очень боюсь. Была я нынче на обкатке, видела: из мастерской выехали, по кругу по усадьбе два раза объехали, и опять в мастерскую пришло трактор загонять...

Курмышов сидел, поеживаясь. Досада на помощника нарастала.

— Мы иждивенцами у государства не будем, — строго продолжала она. — А если мы к вам, к районному исполнительному комитету, и обратимся, так для того он и существует.

— Да кто ж это отрицает? — поспешил сказать Курмышов. И продолжал как ни в чем не бывало: — Значит, сортообмен закончили, кормов подзапасли?! Так. Теперь налегаєте на удобрения. Отлично. Возите, возите.

— Да уж возим, — ответила она и взглянула на Корневу.

«Чего он талдычит о том, что мы и сами знаем», — говорил этот взгляд.

— Как бы там, Платон Петрович, кооперацию подшевелить, — попросила Смелик. — Детские ясли нам

очень нужны. Многие женщины дома сидят, ребят некуда деть. А у нас в сельпо никогда никакой подходящей мануфактуры, ничего для яслей купить не можем...

— Детские ясли сейчас? — удивился Курмышов. — Ну, не знаю, Вера Петровна, выйдет ли из этого толк? Летом — это другое дело, а сейчас даже не знаю. Попробуйте. Я поговорю с кооперативным начальством, — сказал он и поднялся, собираясь уезжать. — И поддержку вас, конечно.

— Куда ж вы так скоро. Вы же фермы не посмотрели, кузницу нашу...

Курмышов развел руками:

— Сегодня не смогу. Дела!

Простился и поспешил к машине.

А когда сел и рывком захлопнул дверцу, спросил себя: что же он, собственно, доложит Быстрову? Был, видел, и только. То, что в Долинках налаживается работа, совершенно ясно: вон как с кормами провернули. Но как удалось? Чья инициатива, кто зачинатель, ведь косить в стужу — это... Не узнал... Поставили вопрос о яслях — выразил недоверие. Напрасно уехал так рано, следовало остаться и во всем разобраться.

Теперь к раздражению, вызванному неточной информацией о сортообмене, примешивалось раздражение на самого себя.

Машина плавно катила по большаку. Ничто не мешало Курмышову думать. Сейчас в Долинках он допустил ошибку. И не одну. А ведь он новый руководитель, хозяин района, которого только-только начал узнавать народ... Вот если бы все, что происходило в Долинках, шло не от этих двух женщин и молодежи, а от него, если бы он первый поставил вопрос о накоплении кормов и помог его разрешить, если бы он первый поднял голос о полном использовании всех трудоспособных и для этого помог бы открыть детские ясли, — тогда не было бы никакого раздражения. Тогда был бы правильный стиль руководства, как об этом сказали бы на бюро райкома, вынося решение о распространении опыта долинцев во все села района. А сейчас?..

Ему вдруг вспомнился разговор о «Таежном ключе» у Быстрова перед назначением туда Корневой, и мысли приняли новый оборот.

Э-э, бьются, бьются, бедолаги, а в конечном итоге

толк невелик. Ну, продержат зимой коров (падеж все равно будет — это не корм), а молочко? Разве будет у них молоко? Нет, конечно. Пер-спек-тивный колхоз? Где ты видишь эту перспективу, Николай Гаврилович? Не может ее быть в таком хозяйстве. На мое выйдет... Так этот колхозик — для галочки...

Он зло взглянул на шофера. Какого черта молчит всю дорогу?

— Курить хочешь? — предложил Курмышов.

Шофер отказался:

— Недавно курил. — И опять вцепился в свою баранку. От него не укрылось дурное расположение духа председателя райисполкома. Так молча и доехали до дому.

Курмышов к этому времени овладел собой и вышел из машины как ни в чем не бывало. Глядя на него, можно было подумать, что он очень доволен поездкой.

Был в сутках час, которого в селе все ждали с нетерпением. Час прихода почты. К полудню комната председателя долинского сельсовета Никифора Спиридоновича Малышко заполнялась народом. Степенно размещались у стола мужчины, не переставая курить крепкий самосад; приходили женщины, толкались и шумели ребятишки.

Двое-трое из них непременно залезали на старый раскидистый дуб, росший неподалеку от дома правления колхоза. Это был их наблюдательный пункт. Завидев почтовую машину, они кубарем скатывались с дерева и наперегонки мчались в сельсовет с криком:

— Едут! Везут!..

Почту принимал сам Никифор Спиридонович. Отпустив почтальона и оседлав свой нос старыми очками, оправа которых была во многих местах перевязана нитками, он начинал священнодействовать. Разбирая белые, серые, синие треугольники с фронтов Великой Отечественной войны и волнуясь не меньше всех присутствующих, вызывал:

— Прасковье Ивановне Науменко... Держи, тетя Паша! Привет сердечный передашь от меня дяде Назару.

— Власовой Евдокии... Держи, молодежь!

— Ньюше Прониной... Ага, не забыл парень! Ньюшенька, держи-ка!

Письма, адресованные тем, кого в эту минуту не было в сельсовете, Никифор Спиридонович прятал в свой стол. Вечером он самолично вручал их. Ждал, пока письмо тут же вскрывалось и читалось вслух. Уходил он только тогда, когда убеждался, что в семье все спокойно. Но бывало и так, что уходил Никифор Спиридонович не скоро. Он не успокаивал плачущую женщину, не сулил ей ничего, но его участие и доброе слово облегчали... За то и любили Никифора Спиридоновича сельчане.

В иной день письма получали почти все солдаты. Не было их только для Веры Петровны Смелик. Она стояла у самого стола, опершись на Юркины плечи, и жадно следила за руками Малышко.

«Только бы живой, только бы живой», — думала она.

Надежда Григорьевна тоже была здесь. Писем для себя она не ждала, но вот однажды совершенно неожиданно пришло письмо и ей.

«...Надежда Григорьевна, милая, — писал Сергей Михайлович. — Узнал, что вы в Долинках. Как вы там устроились? Работаете поди чрезмерно и наверняка опять свалитесь. Страшно соскучился по всем нашим, по своей больнице. Здесь, в госпитале, работа интересная, много оперирую, но тянет домой. Ходят слухи, что нас четырех штатских переведут в кадры. На фронт пошел бы с радостью, а оставаться здесь в какой-нибудь тыловой части не хочется.

Надежда Григорьевна, пишите мне хоть изредка».

Несколько раз перечитывала она это письмо. В тот же вечер ответила. Это был пространный рассказ о жизни на новом месте, о людях, которые ее окружают. Писала и не замечала времени, казалось, что она говорит с Сергеем Михайловичем. Этот разговор затянулся далеко за полночь.

Утром Вера Петровна спросила:

— От кого тебе письмо-то, если не секрет?

— Ну какой тут секрет, — улыбнулась Корнева. — От доктора Климова.

— Нет, Надежда Григорьевна, не девичье это дело! Как хочешь, а Нюшу я не отправлю. Ишь, чего надумали: девок на тракторы! — с досадой говорила Федосья Пронина.

Полчаса назад она радушно встретила Надежду Григорьевну, усадила за стол. Ньюши дома не было.

— С той поры, как выбрали ее этим самым комсоргом, девка покоя лишилась. Книжками обзавелась. И чего сидит? Хватит ей грамоты!

— Стало быть, не хватит, если ее к учебе тянет, — заметила Корнева. — А насчет того, что водить трактора девушки не могут, так это вы зря. — И совсем тихо сказала: — Пахать на конях тоже ведь не женское дело, а твоя мать пахала. Мне Ньюша про вашу жизнь рассказывала. Знаю, как убили на германской войне отца, осталась ваша матушка одна, а вас-то шестеро было. Лестницей в хате стояли.

— Так, так, все так, верно, — кивала головой тетка Федосья.

— Бились на своих полосках, не зная, как концы с концами свести. А теперь-то ведь другое и не о своем клочке речь идет. Поля колхозные рук ждут. А вы — не девичье дело... Враги как раз и хотят, чтобы эти поля остались голыми.

— Не дождутся, — мрачно бросила Федосья. — Силу нашу не знают.

— Правильно, не дождутся, потому, что нет такой работы, которую мы поднять не можем. Надо пахать — будем пахать, надо машины водить — будем водить. И на комбайны встанем, и на трактора, раз это надо. Нет, Федосья, Ньюша задумала большое, славное дело. Все засеем, что вы при мужьях засевали, да еще и дальний клин прихватим.

— А вдруг избалуются девки на тех курсах? — тревожно спросила Федосья.

— Не избалуются, Ньюша хорошая девушка.

Целый вечер просидела Надежда Григорьевна у Прониной и добилась-таки своего: поняла Федосья и согласилась отпустить дочь.

— Григорьевна, — вдруг спросила Федосья, когда Корнева уже стояла возле двери, собираясь уходить. — А у тебя у самой-то дочки не было?

«...Мамочка, а Мишук-то без лапки...»

Федосья увидела, как побледнело лицо Надежды Григорьевны.

— Была. Убило на глазах моих в Орле, — сказала она и быстро вышла из хаты.

Глава 11

В конце широкой улицы, чуть в стороне от дороги, со всех сторон закрытый садом, стоит добротный, крытый цинком дом Федора Зайца. Ставил его еще отец с дедом. Рубили из толстых не в обхват лиственниц. Простой еще сто лет и не только не погниет — не перекосятся. Сад окружен плотным забором. Все досмотрено, ухожено. Старики были крепкими хозяевами: батраков не держали, сами работали в полную силу от зари до зари. Дело в руках кипело. Споровку эту передали единственному сыну Федору, а вместе с ней и то, ради чего текла вся их жизнь — «твое, собственное». С каждым годом этого собственного становилось все больше и больше. Рядом с конюшней срубил отец просторный сарай, в который на удивление всей деревни поставил новую веялку, плуги с сияющими лемехами, пароконную жнейку. В сундуках же у матери прибывало всякой справы. Помнит Федор, как еще мальчишкой удивился однажды, какую прорву разной одежды просушивают мать с бабкой.

— Маманя, и куда нам столько одежды, да тут всей деревне до смерти не переносить? — спросил и закаялся: мать дала крепкого подзатыльника, а отец потом еще вожжами добавил. Кричал злобно:

— Я те покажу... всей деревне. Свое это, собственное. Уразумей, подлец, не для деревни наживаем... В люди ходить не станем — все свое есть.

Федор уразумел. В люди они действительно ни за чем не ходили. А люди к ним шли за разным. Кому требовалось мерки две-три зерна, кому картошки на семена, кому денюжат, а кому и водочки для праздника. Мать не отказывала. Говорила — грех отказать, если есть что дать. И давала всем, кто бы что ни просил. Отпускала человека с миром, приговаривая на прощанье одни и те же слова:

— Ну, а уж вернешь, касатик, поболее, на бедность нашу.

Потом Федька уразумел и это.

Закадычных друзей среди мальчишек у него не было. Бегал, играл со всеми, однако тех, что побольше его да сильнее, сторонился. Чаще всего бегал он на речку и в лес с вихрастым, веснушчатым, перепачканным глиной

Сидоркой Зубенко. Сидорка был младше, признавал во всем Федыкин авторитет и подчинялся ему. Федыке это нравилось. Да и родители за Сидорку его не ругали. Про семью Зубенко мать говорила, что они «люди самостоятельные и хозяйство у них хоть и не очень богатое, а справное, в долгах, как иные прочие, не живут».

Революция прошла таежные Долинки стороной, но Федыка почувствовал, как вместе с этим словом, которое он услышал на улице, в дом пришли перемены.

Проснувшись однажды и взглянув в угол на большой киот, он увидел, что икон у матери за одну ночь прибавилось и лампада горит неугасимо, а рядом на белой стене зияет большое темное пятно. Тут раньше висел бумажный «патрет» царя.

Федыке очень хотелось спросить, зачем убрали такую нарядную картинку, но он не решился.

В ту же весну случилось невероятное. Отец, едва закончив свою пашню, отдал плуг сперва Зубенко, потом другим мужикам. Все дни, пока два плуга не были возвращены на двор, мать неистово молилась и клала перед киотом поклоны, приговаривая: «Пронеси, господи!»

Потом отец добровольно отдал несколько десятин своей земли «обществу» да насыпал два воза семян пшеницы для безлошадных без всякой отдачи. Федыка слышал, как он сказал матери: «Нам два воза — тьфу, а через эту пшеницу да через плужки связь заделаем».

Мать возразила:

— На что тебе связь-то с голытьбой?

— Дура, — выругался отец. — Время другое. Голытьба теперь в люди выйдет.

— Ну дай бог, пронесло бы... — снова закрестилась мать.

Но пронесло ненадолго. Беда пришла неожиданно-негаданно через карателей-каппелевцев. Смутное то было время на приморской земле. Интервенты японские, английские, американские и белогвардейские генералы с ордами своих головорезов — все тянулись сюда. На села налетали ночами: грабили, убивали, жгли. В одну такую ночь налетели каппелевцы и на Долинки. Разграбили. Все, что можно увезти, — увезли, скот угнали. Уходя, подожгли село. Федыка хорошо помнил, как кричала мать, воздевая руки к небу. Взяли каппелевцы лучших коней, трех коров, свиней, овец. Поразбивали сундуки,

выкидывая женскую одежду и забирая всю мужскую, одевала, подушки, отрезки разной мануфактуры... Остался в конюшне один старый мерин, а в хлеве одиноко мычала коровенка. Веялку, жнейку и плуги не тронули. Велели весной пахать да сеять, потому что нужно поддерживать христово русское воинство.

— Еще придем, — бросил каратель через плечо.

Ушли. А село запылало с трех сторон. Отцовский двор загорелся одним из первых. Может, поэтому мужики успели оказать какую-то помощь, выгнали из стойл оставшийся скот, спасли машины. Дворовые постройки, однако, сгорели дотла. Когда загорелся курятник, мать кинулась выгонять кур. Ее схватили и не пустили — рядом уже пылал коровник, но она вырвалась, побегала, не успела распахнуть дверцу, как с крыши коровника сорвалась большая горящая слега и ударила ее по голове.

Мать упала. Ее оттащили. То ли от ушиба, то ли от всех переживаний скончалась она через двое суток.

Федька остался с отцом. Тот стал как полоумный. Что бы ни делал, куда бы ни шел, твердил одно и то же:

— Не поправимся, сынок, не встанем...

Мужикам его было жалко. Утешали как могли. Говорили, что помогут, да где там. Весной Федька с отцом засеяли махонький надел. Много ли на одном мерине запашешь? То были трудные дни. Семян еле-еле наскребли. Кто брал в долг, отдать, конечно, не смог. Частенько в доме нечего было есть. Печь не топилась. Грязный, голодный, бродил Федька по селу. И тогда те самые бабы и ребятишки, которых мать при жизни называла голытьбой и несамостоятельными, кормили его, стирали рубашки да еще и давали какой нето кусок.

А время шло. Советская власть прочно стала на ноги. В России крестьяне организовывали колхозы. Слышали долинцы, что есть такие хозяйства и в Сибири, и ближе к Чите, и даже к Хабаровску. Потом появились они и на приморской земле. Под Шкотово, под Спаском, под Ивановкой сложили за колхозы свою голову лучшие люди. Не в честном бою — исподтишка черными ночами подкрадывались враги к народным вожакам... Только всех-то ведь не убьешь. Колхозы пришлось народу по сердцу, по мысли, поверили в них крестьяне, пошли, снося в артель кто что мог.

Организовался колхоз и в Долинках. Федькин отец к тому времени стал совсем плох. Высох до костей, лежал не подымаясь. А Федька возмужал не по годам. Отец уже пробовал заговаривать о женитьбе, да только Федька ничего об этом не хотел слышать. Как-то стало старику совсем плохо. Позвал он сына и, собравшись с силами, сказал:

— Нет, сынок, один не проживешь. Коли возьмут мерина, отдай и веялку, и плужки, и жнейку, все отдай. Зато мучиться не будешь на своей-то полосе, как я. И голодать не будешь. Другое время настает, сынок. И-и-эх, а как своего-то жалко... Наживали-наживали, да бог попользоваться не дал...

Старик замолчал. Силы совсем оставили его. Он закрыл глаза. Федька думал — уснул, а он умер. Остался парень совсем один в большом доме, во дворе, который они с отцом все-таки успели немного отстроить.

Крепко задумался Федор над словами отца. За самое сердце кусало это еле слышное — «как своего-то жалко...» Пошел в сарай, распахнул двери, хотел войти и не мог: огромная крепкая, словно проволоочная, паутина оплела весь дверной проем. В самой середине сидел огромный паук и ждал своей добычи.

— А, чтоб тебя к такой... — Федор выругался. Схватил большую щепку и с размаху изорвал паутину. Паук убежал вниз по косяку — не успел его убить. Шагнул к веялке. Погладил уже облупившиеся от прежней краски бока — мое собственное, что хочу, то с ним и сделаю. И остолбенел. В глаза бросились лемеха. Ведь Федор совсем недавно с отцом был здесь. Лемеха сияли как солнце. А сейчас он не узнал их. Бурые, похожие на высохшую кровь пятна ржавчины ползли по стали.

— Господи, что же это? — думал Федька. — Ржавеет все. Вся жизнь ржавеет, все пропадает... Батя, да как же это, батя?

Он закрыл голову руками и не сел, а упал на высокий порог, покрытый толстым слоем пыли. Федьке показалось, что на всем его теле и внутри его ползут и разъедают мясо и душу такие же вот ржавые пятна порчи. Ему стало страшно. До боли в груди. До спазм в горле. Захотелось услышать человеческий голос. Потянуло к людям. Рассказать про себя, спросить совета. Как дальше-то быть?..

И кто знает, поддайся он этому желанию, укрепи его в себе, протяни руку к людям — пошла бы его жизнь по-другому. И жил бы, как все, не двоилась бы его душа, не опутывала бы сердце липкая паутина этих слов — «мое», «собственное».

Но не сделал этого шага Федор. Вместо того чтобы сейчас же пойти к ребятам или в сельсовет, вернулся он в горницу, зажег перед киотом лампаду, как было при матери, посидел на стуле у стола, вспомнил про мерина — напоить надо старика. Взял на кухне ведро, достал скрипучим журавлем воды из колодца, понес в конюшню, открыл дверь и... покатило из рук ведро, обдавая ему ноги ледяной водой. Издох мерин, отжил свое.

Всю эту ночь Федор не спал. Видел ясно: одна ему дорога — в колхоз. И все-таки не хотел. Сам буду хозяйевать на своей полосе, а что безлошадный — поклонюсь миру. Пожалеют, запашут. А уж уберу как-нибудь сам. Одно решил твердо — жениться. Как-никак, а третий десяток уже разменен. Сейчас не женишься, вовсе бобылем останешься.

Мало-помалу стал он выходить вечером на гулянье, приглядываться к девчатам. Хотелось встретить такую, как мать: хозяйственную, бережливую, чтоб копейку к копейке собирала, и ежели случится займы кому что-нибудь дать, так чтоб сумела с лихвой взять обратно. Иначе ничего не наживешь. О любви не думал. Считал это дело наживным. С девчатами, как впрочем и с парнями, особенно не дружил. Ходил то с одной, то с другой, выбирал. Боялся ошибиться. В конце концов стал замечать, что девчата его сторонятся. И тут ему повезло.

Пошел он в дальний конец села. Там на бревнах у нового сруба расположилась стайка девчат, возле них парни, один с баяном. Федор подошел, поклонился:

— Здрасьте, примите в канпанию на вечерок.

Кто-то из парней огрызнулся:

— Тебе что, своих улиц мало, что на дальний конец пришел?

— Так ить надоело по своим-то улицам ходить, надо и на вас поглядеть.

— Ну гляди, гляди, — сказала бойкая девчонка, сидевшая с края бревна. Поднялась и перешла на другую сторону. Села рядом с подружкой, освободив ему место. Он хотел сесть, но неловко задел сапогом юбку девушки.

— Тише ты, идол, — закричала она.

— Да неужели я вас раздавлю?

— Не меня, прод, юбку запачкаешь! Новая, первый раз надела! — Она вынула платочек, не стесняясь парней, завернула на колени подол юбки и аккуратно почистила запачканное место.

Что-то подсказало Федору, что искать ему больше нечего. Так он и женился на своей Степаниде. Свадьбу не играли: не на что. Посидели вечерок у ее родных — и ладно. Пошла она за него сразу.

— Дом у тебя хороший. Поживу всласть. У родителей теснота надоела.

Пришла и тут же начала хозяйничать: мыть, стирать, гладить, будто весь век тут жила. Но когда дошли ее руки до сундуков, от Федора не укрылось, как загорелись глаза. Выгребала справу, ощупывала, обнюхивала каждую вещь. Федор подумал — у этой не пропадет, всему найдет место. И, как прежде, ходил, довольный, между веревками, протянутыми через весь двор, на которых, как при матери, сушилась одежда.

Дома работы было невпроворот. Степанида сразу забраковала корову: старая, молока мало дает.

— Так давай в колхоз сдадим на мясо, а себе хорошую телку выговорим, — предложил Федор.

— Что ты! Как можно! — взволновалась Степанида. — Нынче мясо дорого. Зарежем сами, свезем на базар, а телку потом у кого-нибудь присмотрим.

Так и сделали. Выручили хорошо. Федор предложил было Степаниде внести деньги в сберкассу да открыть книжку. Степанида опять замахала руками:

— Очумел. Зачем? Вон у твоей мамыши в сундуке какая богатая кованая шкатулка. Да в нее можно класть и класть. Целы будут и дома. А то еще узнают, взяв просить будут...

Тут уж Федор окончательно покорился жене. Он не раз слышал, как родные говорили про Степаниду — не в нас она, никого таких в роду не было. Сперва он не понимал, каких это «таких». А потом понял и обрадовался — не пропадем!

Так они и зажили, два сапога — пара.

Вскоре он открыл в жене еще одно качество, очень нужное, как ему казалось, в жизни. Степанида была не скупой дурой, очень толково она умела рассудить, что

выгодно, а что нет. С кем из тех людей, которые могут пригодиться, завязать знакомство, а кого оставить без внимания. Она же окончательно решила вопрос о колхозе.

— В артель нам с тобой, Феденька, надо обязательно. На своей-то полосе, может, с голоду и не помрем, а уж пожить, как люди, не придется. У них ведь каждый год машины новые будут, семена там крепкие, сортовые, сила! А у нас что? Ну, как-нибудь огорюем лошадь. А дальше что? Опять же земля. Наш клин заберут. Он ведь в их поля врезался, а дадут черт-те где, какую-нибудь гальку. Нет уж, давай в колхоз. Ты там сразу при месте будешь. Не с пустыми руками в артель придем. Машины сдашь, две телеги, да разного там еще наберем. Вон на полатах подушки старые — отдадим, еще че-нибудь. Все скажут — Степанида с Федором не скупые. А нам на пользу.

Все в ее словах было резонно и правильно. Во всем он согласился.

Вскоре они стали членами колхоза «Таежный ключ». Работал Федор как все, ни от чего не отказывался, но и себя не обижал: выкраивал время на свое хозяйство побольше, чем другие. В огороде у них со Степанидой росло все, а потом все это перекочевывало на базар. Пришло время, и появились в доме и городская мебель, и занавеси на окнах, и ковер на стене, и на полу дорожки. Старый дом Федора расцветал. А деньжата в мамашиней шкатулке все копились да копились. Не раз он вспоминал ее слова: «Деньги-то к деньгам идут, сыночек». При этой мысли он чувствовал, как приятно теплело на сердце.

В соседнем селе Степанидин дядька слыл хорошим печником. Федор съездил к нему, поучился и очень скоро стал по этому делу незаменимым человеком в селе. Деньги прибывали. Вначале брал за свою работу посильно заказчикам, потом плату за кладку плит, обогревателей и печей стал увеличивать. Сельчане роптали. Федора вызвали даже в сельсовет. У него был один ответ: «Не могут, не надо, дело-то полюбовное». И уходил, отлично зная, что работы у него все равно не убудет и платить станут столько, сколько он запросит. Правда, для вида он несколько снизил цену. А двум вдовам отремонтировал обогреватели бесплатно.

Все шло хорошо, все было отлажено, и все-таки то-

чил его червячок, мечтал о хорошем месте, о власти. А его даже не избирали в члены правления колхоза. Вот тут-то он и решил, что настало время «пускать рыбку в воду». Подбирать да привечать нужных людей: кого деньгами, кого водочкой, кому чем-нибудь помочь — печь, например, сложить. Кому намекнет — не то, мол, делают нынешние правленцы. Вот кабы его воля... А кому и прямо скажет — выдвигай меня в члены правления колхоза, не ошибешься.

И пошли по селу разговоры: хороший мужик Федор Заяц, преданный делу, надо бы его ввести в правление. И ввели перед самой войной.

То собрание он хорошо помнит. Когда назвали его фамилию, встал, поклонился народу:

— Спасибо вам, люди добрые, за доверие. Меня на сейчасешный момент тут все знают. Всю вашу надежду оправдаю.

С собрания не шел — нес себя по улице. Вот оно, приходит его время. И почет и достаток. Нет, батя, не пропал твой Федька, поживет он еще в свое удовольствие.

Казалось, еще немного — и быть ему председателем. Или уж заместителем, на худой конец. Когда же началась война и проводили долиницы своих мужиков на фронт — он из-за трехпалой руки не был военнообязанным, — и вовсе почувял крепкую почву под ногами.

Не Смелик, а ему надо стоять во главе колхоза. Смелик не потянет. Баба — она баба и есть. Хотят или не хотят этого колхозники, изберут его все равно. Больше некого. А уж тогда!.. Ездя бы куда хотел, дела бы развернул на полный ход. Себя не обидел бы. И собрание вел бы классно. Разве Верка умеет, где уж ей! Поднялся бы из-за стола важно, степенно, положил бы руку на папку с делами: «Что, товарищи-граждане, мы имеем на сейчасешный момент?..» — и пошел бы!

А тут... принесла нелегкая эту избачку Корневу. Сразу, с первой же встречи понял он, что развернуться она ему не даст. И не ошибся. Спутала она все его планы...

Долго ли живет в селе, а гляди, как с людьми сошлась. Комсомольцы вот опять свою организацию сколотили. Скоро поди и партийная будет. И Смелик опору почувствовала, разворачивается, даже мужики эту избачку слушают.

С кормами как плохо было, а обошлись, не послушали его, когда он настраивал, чтобы кое-что продать из артельного хозяйства и купить сена в соседнем районе. Без Корневой Верка сдалась бы. Теперь вот детясли думает открывать. Все наоборот становится. Бывало, детские ясли только летом да на уборке, а теперь и зимой будут всех женщин на колхозную работу требовать. У кого свое хозяйство невелико, тому, может, и сподручно, а у них с Сидором Зубенко слава богу!

Огороды по полной норме, честь по чести, да и в полях по долам да по балкам прихвачено. Пустует земля, технику туда не пошлешь, вот и попросили разрешение у правления колхоза посадить картошки соток десять, ну а где десять, там и тридцать... Разрешили по куску вроде малому, соток по пять, да поди сосчитай, сколько таких кусков засадили они картошкой. Труд великий затратили, так ведь на себя же. А нынче время трудное, на базаре-то каждая соточка золотом оборачивается. Кормов подзапасли для всей скотины. Свинок развели побольше: выгодное дело. Короткого зимнего дня только-только хватает на то, чтобы управляться на своей усадьбе. Когда же тут в колхозе работать?..

Все эти мысли донимали Федора. Он сидел в хате на низенькой скамеечке, подшивал валенки и думал, думал...

Никому Корнева не даст теперь покоя. Сильная баба, что и говорить.

Нынче утром Степанида сказала с издевкой:

— Вечером сам будешь возле скотины управляться, я на собрание пойду. Избачка женщин кличет. Детские ясли, слышь, пора открывать.

«Осмеять бы ее перед сельчанами, отравить жизнь, покою не давать, чтобы ни отдыхать, ни работать не могла, — сгнула бы, может, из села». Ухмыляясь, зажав валенок между коленками, Федор обеими руками растягивал дратву.

— Батюшки, — вдруг громко вскрикнула Степанида, — ты погляди, обе к нам идут.

Федор глянул в окно. Во двор входили Корнева и Смелик. На цепи бесновался пес. Женщины спокойно обошли его и постучали в хату.

— Пожалуйста, пожалуйста, — пригласил совершенно преобразившийся Федор. — Вот уважили. Проходите,

проходите. Стеша, ну-ка быстренько самоварчик да чайку с медком.

— Не надо нам чаек, не за тем пришли, — сказала Вера Петровна. Она даже не села, а так и осталась стоять у двери, облокотившись о косяк.

— Собирайся, пойдем посмотрим, где детясли разместим. За тобой зашли.

Улыбка сошла с лица Федора. Он, прищурившись, посмотрел на Веру Петровну, зажимая правой рукой подбородок.

— А что, у нас других делов на сейчасешный момент нет, как с пеленками возиться? На что зимой детсад?

Корнева молча рассматривала Федора.

— Пойти с вами? Отчего ж не пойти. Только ведь зря. Вот увидите, сами женщины откажутся. Не захотят зимой ребятишек в детсад таскать.

Надежда Григорьевна спокойно ответила:

— Вечером узнаем, откажутся или нет...

Летом детсад помещался в просторном доме с широкой верандой. Зимой дом не отапливался. Был и второй дом, поменьше. Там требовалось поправить печи. Эту работу мог сделать Федор Заяц.

— Вот давай решать да принимайся за печи, — говорила Смелик Федору.

Федор молчал.

— Ну, — спросила Вера Петровна через некоторое время, — надумал?

— А что мне думать, у меня малых нет. Пущай женщины думают.

— Вы нам скажите, — проговорила Корнева, — сколько вам потребуется времени на приведение печей в порядок?

— А почему это мне? — в голосе его звучало уже знакомое Корневой раздражение.

— Потому что вы прекрасно знаете, что лучше вас никто в селе печей не сложит.

Федор почувствовал, что возражать бессмысленно.

— Оно, конечно, работы не так чтобы много, — сказал он, осматривая печи.

— Ну вот и отлично. Значит, детсад будет у нас.

— Ладно, — буркнул Федор, — утро вечера мудренее.

А вечером произошло то, чего ни Смелик, ни Корнева не ожидали. Большинство женщин на собрание не

явилось. Пришли те, которые жили неподалеку от дома правления колхоза и у которых не было малых детей. Никто не явился с дальнего края. Это обескуражило Веру Петровну. Там жили члены колхозного актива, на которых Вера Петровна могла положиться.

«Тут что-то не так», — подумала Смелик.

— Странно, ведь все женщины должны были знать о собрании. Кто из членов правления отвечал за оповещение? — спросила Корнева.

— Зубенко в этом конце, а Федор Заяц — в том. Ну что же делать, подождем еще немного и уйдем.

— Уходить не будем. Вера Петровна, садись-ка в свою кошевку и езжай на тот конец села. Надо выяснить, знают ли женщины о нынешнем сборе. — Надежда Григорьевна замолчала на секунду.

Смелик ушла, а Корнева, порывшись в газетах, отыскала «Комсомольскую правду», в которой был напечатан очерк «Долг гражданский». С этого и начала она свою беседу...

Федор Заяц в это время «выполнял» поручение правления. В десятом часу он наконец удосужился пойти по хатам. В первой же из них хозяйка удивилась:

— Федор Матвеевич, так ведь уже десять часов, ай до свету будем собираться?

— Ничего не могу поделать, мать, так наше начальство приказало.

— Это какое же начальство?

— Как какое? Вера Петровна с этой городской... — заговорил было он.

— Они из себя начальство не строят, это ты зря. Сам поди все перепутал, — перебила его женщина.

— Ничего я не перепутал, давай вот иди, а уж до свету или нет, это я не знаю. Им что, они сами-то не возьят навоз в поле, на работу им с утра не идти... — И замолк — в дверях стояла Вера Петровна.

— Уж теперь поздно на собрание идти, — проговорила она, сердито глядя на Зайца. — Надо было к восьми часам. Так Федору Матвеевичу и было сказано. А теперь придется отложить. В другой раз заранее объявим, — выходя из хаты, проговорила Смелик. Федор вышел следом за ней.

— Садись, — позвала она. — Ты что же это, Федор Матвеевич? — сказала Смелик, когда Заяц сел рядом с

ней в кошелку. — Знал же ведь, что собрание с восьмью.

— Замстило, Петровна. Вот знал, что сегодня, а во сколько — из головы долой...

Федор вздыхал, казался очень раздосадованным.

— А что, с того конца женщины тоже не пришли? — озабоченно спросил он.

— Тоже, — коротко ответила она.

— Ты смотри! — казалось, удивился Заяц. — Одно слово — несознательность...

В правлении колхоза беседа подошла к концу. Смелик и Заяц прошли в боковушку. Туда скоро пришла и Корнева. Федор развел руками:

— Неувязочка вышла. И как же оно получилось?..

А я-то уж старался!

Корнева сразу поняла, в чем дело.

— Старался? — переспросила она, пристально глядя на него.

Федор спрятал глаза, но вдруг, подняв голову, громко закричал в лицо Корневой:

— А чего ты-то меня пытаешь? Что я перед тобой ответ, что ли, должен держать? Стало быть, ненужны им эти ваши собрания, раз не пришли.

— Тише, товарищ Заяц, — спокойно проговорила Корнева. — Вас никто не пытается и пока не обвиняет.

Федор ничего не ответил, только со злостью взглянул на Корневу.

Глава 12

Курмышов доложил Быстрову, что дела в Долинках заметно подвинулись.

— Из зимовки они теперь выйдут. Падежа не будет, — говорил он, расхаживая взад и вперед по кабинету секретаря райкома. — Сортообмен произвели. Теперь я дал команду усилить вывозку местных удобрений на поля и форсировать зерноочистку.

— Все пытаешься командовать, — усмехнулся Быстров. Он сидел в кресле, курил, слушал Курмышова, но думал о чем-то своем.

Курмышов не обратил внимания на его реплику и продолжал рассказ:

— Изба-читальня уже работает. Что ни говори, а Корнева — приличный работник.

Быстров чуть заметно улыбнулся:

— Ну, а еще что там нового?

— Больше ничего.

— Мало.

— Что мало?

— Мало заметил. Главного не заметил.

— То есть как это? — останавливаясь посреди комнаты, спросил Курмышов.

— А вот так, — проговорил Быстров вставая. — Там создана комсомольская организация. Думаю, скоро опять будет и партийная. Люди верят Смелик и Корневой.

— Быть может, быть может, — как-то поспешно согласился Курмышов. — Но иной раз и сдерживать их надо. Вот, пожалуйста, выдумали сейчас детсад открывать. — Он сел, закурил. — Зачем, спрашивается? Практика показала, что зимой в колхозах детсады пустуют. Они необходимы только летом.

— Что за странное суждение? — перебил его Быстров. — А если необходимо привлечь на работу зимой всех женщин? — Он сделал ударение на слове «всех». — Тогда как? По-моему, они хорошо делают, что открывают.

Он подошел к окну и распахнул форточку.

— А что в «Заре» делается?

Курмышов давно ждал этого вопроса, был уверен, что Быстров сегодня обязательно спросит его о «Заре». Ждал со смешанным чувством облегчения оттого, что наконец-то он выскажет первому (так Курмышов мысленно называл Быстрова) все свое сокровенное, и они, поняв друг друга, поставят все точки над «и», или?.. Или первый не поймет его, и тогда опять возникнут разногласия, которые в конце концов закончатся так же, как и в том районе, откуда он был переведен в Чернореченскую, — несработанностью.

В иную ночь Курмышов думал: в газетах много пишут о совхозе «Караваново», о колхозах «Красный Октябрь» в Кировской области, о «Большевики» на Мещере. Это передовые из передовых хозяйства. У них одно достижение сменяется другим. Почему же у нас в Приморье нет ни одного такого показательного хозяйства? Скажут, не те масштабы? Может быть. Пусть масштаб меньше, но в миллионеры кое-кто и у нас может выйти. Надо найти такое хозяйство, укрепить его, сделать по-

казательным, таким эталоном, на который другие районы будут равняться, а может, и не только районы. Ну и писать, конечно, будут, в силу логики не обойдут его, Курмышова. Его идея, его руководство, его работа. До сих пор он не мог привести в исполнение свои планы по той простой причине, что не было на примете такого хозяйства.

А тут пути-дороги привели его в «Зарю». Много лет бесценно председательствовал здесь Гордей Никоневич Гуляйдень. Крепкий хозяин. Показал Курмышову все, раскрыл и документы. Война, всюду недостатки, а у него — одни доходы. Уж тут мало сказать рентабельное хозяйство. Тут уже солидные прибыли. Вот оно желанное, само идет в руки. «Заря» не только понравилась Курмышову. Он почувствовал, что нашел главное для себя, для своей идеи, и готов был взяться за ее осуществление засучив рукава, лишь бы только первый все понял.

К разговору с Быстровым он готовился. Он знал уязвимость своих концепций. Дескать, поднимая на щит передовое хозяйство или хозяйства, упустим остальные. Знал и приготовил веские аргументы. Но сейчас, в эту решительную для него минуту, как-то все улетучилось из головы. Осталось лишь то, что повторял он себе много раз.

Быстров продолжал стоять возле открытой форточки, спиной к Курмышову, и дышал морозным воздухом. Чувствуя, что пауза затянулась, он повторил свой вопрос:

— Так что же все-таки делается в «Заре»? — И, круто повернувшись, встретил взгляд Курмышова.

— В «Заре»? — задумчиво переспросил Курмышов. — Ну, Николай Гаврилович, «Заря» — это клад, золотое дно. Гуляйдень — образцовый председатель, — и расплылся в улыбке. — Этот колхозик можно сделать показательным, чтоб не только в Приморье — в Советском Союзе о нем заговорили. Знаешь, Николай Гаврилович, время военное, каждый килограмм хлеба, каждый литр молока на учете. «Заря» уж если пошлет на элеватор зерно — так это обоз! Эшелон для транспортировки подавай! А сколько дадут те же «Таежный ключ» или «Колос»?

— Да, у «Зари» большое хозяйство, — отозвался

Быстров, — но это вовсе не значит, что все внимание только ей. Другим колхозам труднее — им и внимания больше... — Он посмотрел на часы. — Ну а теперь пора.

И разговор, от которого Курмышов так много ждал, не состоялся.

Быстров шел домой не спеша, желая побольше побыть на воздухе. Он страшно уставал. Днем этого не чувствовал, а вечером усталость брала свое.

Падал снег. Было удивительно приятно ощущать на лице холодное прикосновение снежинок, наступать первому на белую перинку, укрывшую тропу у домов. Шел, прислушиваясь к легкому похрустыванию снега.

Раиса, как всегда, встретила мужа в дверях. Одетая в длинный байковый халатик, красиво облегающий ее фигуру, с пышной прической, она была очень привлекательна. В доме все сверкало безукоризненной чистотой. Повсюду вышитые салфетки, на полу дорожки. В глазах пестрело от множества безделушек, открыток и фотографий.

Раиса подождала, пока Николай Гаврилович разделся, а потом, подав ему полотенце, надела кружевной передник и поставила на стол ужин. Первая половина ужина проходила в полном молчании. Начали пить чай.

— Знаешь, — проговорила она, ставя локоть на край стола и опуская на руку свой хорошенький подбородок, — я сегодня вернула прачке все белье.

— Зачем?

— То есть как зачем? — удивилась Раечка. — Оно было небрежно отглажено. Я плачу очень хорошо и вправе требовать отличной работы.

Быстров укоризненно посмотрел на жену.

— Как тебе не стыдно?! — проговорил он. — Ну взяла бы и сама перегладила, раз на тебя женщина не угодила.

Раечка вспыхнула:

— Как это не угодила! Что значит перегладить самой, — затараторила она. — Ты хочешь, чтобы я сама стирала белье? Не дожدهшься! — Она скорчила презрительную гримасу. — Это было бы унижительно для меня, да и для тебя тоже.

— Нет, — покачал головой Быстров. — Ни в какой работе нет ничего унижительного, ты просто этого не хочешь понять.

Раиса надулась. А Быстров уже который раз подумал: почему она так изменилась?..

Когда он четыре года назад познакомился с ней, она показалась ему простой и сердечной.

В то лето он отдыхал в Алуште. Шумные пляжи он не любил. Захватив книгу, полотенце и объемистый пакет с виноградом, уходил на дикий пляж. Облюбовав большой гладкий камень, торчащий из воды, Быстров всегда располагался на нем. Вволю жарился на солнце, купался, ел виноград и чувствовал себя на седьмом небе.

Быстрову в это время шел тридцать первый год, а он все еще не был женат. Как-то так получилось: учеба, потом назначение в Приморье, новые места, новые дела, которые поглощали все его время, не позволяли думать ни о чем другом.

Однажды, направляясь, как всегда, к «своему» камню, он увидел, что его место занято. Там расположились две девушки в купальных костюмах и огромных широкополых шляпах. Обе читали и не заметили его приближения. Быстрову пришлось устроиться на берегу, недалеко от них, где было меньше мелкой гальки. Возможно, он не обратил бы внимания на девушек, если бы не возглас одной из них:

— Нет, не могу я читать, когда кругом столько много солнца и моря! — Она именно так и сказала, поддетски: «Столько много!» Это рассмешило Быстрова.

— На солнце вообще сидеть без темных очков не рекомендуется, — громко сказал он, — пожалейте ваши глаза!

— О господи! Кругом советы, — притворно жалуясь, ответила девушка. — Читать не рекомендуется, долго находиться в воде не рекомендуется; да если только по рекомендации жить, с тоски умрешь. Галина! — затормошила она подругу, которая, видимо, не хотела оторваться от книги. — Галина, умираю — хочу пить.

— Терпи, не хотела брать воду, теперь терпи, — буркнула подруга.

— Могу предложить виноград, — сказал Быстров, подходя к камню и поднимая при этом ногами тучи брызг.

— Спасибо, — смутилась девушка, — зачем же мы будем вас обижать?

— Никакой обиды. Фруктовый киоск рядом, купим еще, — отвечал Быстров, глядя на девушку. Она была очень миловидна, а маленький вздернутый носик и круглый подбородок с ямочкой посредине говорили о капризном характере.

— Ешьте и угощайте вашу подругу.

Так они познакомились. Быстров узнал, что девушку зовут Раиса. Два года назад она закончила десятилетку, в институт не попала и живет здесь в Алуште со своей теткой, пенсионеркой, помогает ей в саду, по хозяйству.

Через несколько дней Быстров познакомился и с теткой Раисы, стал бывать у них. Раиса показала ему множество цветов, угощала чаем с печеньем собственной выпечки, познакомила со своей небольшой библиотечкой. Быстров видел, что по дому ей работы хватает. Весь домик, за исключением небольшой комнатки, которую Раиса занимала с теткой, веранда и даже беседка в саду сдавались курортникам. Жили, видимо, обеспеченно. Быстров заметил, что у Раисы не было недостатка в нарядах. Одеваться она умела, а тетка ее баловала.

— Девочка рано лишилась родителей, ее нельзя обижать, — говорила тетка и тут же добавляла: — Незачем ей пока о работе думать. Слава богу, всего хватает.

На этот счет Быстров имел свое мнение, но не считал нужным возражать тетушке. Ее перевоспитанием он заниматься не собирался.

А Раиса нравилась ему. Он часто думал о ней. Вторую половину отпуска провел больше у Аникиных, чем в санатории. Они подолгу гуляли по чудесным алуштинским паркам — эти прогулки у них назывались «дышать кипарисами», — купались в море, ходили в горы. Раиса оказалась интересным собеседником. Быстрова заинтересовали ее рассуждения.

— Семья, — говорила она, — да это свято! Но почему обязательна регистрация двух любящих друг друга людей? Их союз должен быть совершенно свободным, основанным на самом святом в жизни — честном слове.

— К сожалению, Раечка, в наши дни честное слово супругов нередко нарушается, — пытался возражать Быстров.

— То и плохо. Очень плохо. Ну, Николай Гаврилович, посмотрите правде в глаза: если слово нарушено,

нарушен и союз, и никакие бумажки, ну простите, брачные свидетельства, документы, называйте как хотите, семьи не спасут. Она все равно распадется.

Вначале он думал — это наносное, вычитанное. Но она убежденно доказывала свое:

— Вы поймите меня, Николай Гаврилович, если бы я полюбила и должна была бы выйти замуж, то, честное слово, меня бы оскорбило это брачное свидетельство. В чем мне выдают документ? В том, что я люблю человека и хочу стать его женой? Да какое право, наконец, имеет этот работник загса влезать мне в душу? Ведь еще и наказы дает. Я бывала в загсе свидетельницей, слышала — любите друг друга... храните верность... Ужас! Нет, при коммунизме все будет иначе.

Быстров ерошил свой чуб.

— Да, при коммунизме все будет иначе. Но тогда и люди будут другие. Тогда не будет многих пороков, которые, увы, встречаются сейчас. Ну хорошо, — продолжал он, — оставим вопрос регистрации на усмотрение двух любящих. А дети?

— Дети, — оживилась Раиса, — что дети. Почему фамилию ребенка узаконивает брачное свидетельство. Что, мать не знает, кто отец ребенка, а отец не знает, что это его дитя? Нет, Николай Гаврилович, для меня этот вопрос решен окончательно. Конечно, я не знаю, как сложится жизнь, и я обязана подчиняться нашим законам. Подчиняюсь, но это меня не переубедит.

Он пытался объяснить ей причины, породившие такое законодательство, говорил о государственном устройстве, о семье и порядке, но понимал, что переубедит девушку только сама жизнь.

В другой раз зашел разговор о работе. Раиса сказала:

— По-моему, каждый человек должен заниматься тем, что для него интереснее всего, что он больше всего любит. Я лично еще не выбрала своего дела. Не попала в медицинский и рада. Выберу дело, может даже и поработаю каким-нибудь подсобником, присмотрюсь и тогда буду учиться. А может, и не буду. Не все же должны иметь высшее образование.

— Но хотя бы среднеспециальное образование, — говорил он.

— Пусть так, — согласилась она и замолчала. —

Работа, свое дело, — заговорила она снова, — ну вот, возьмите женщин, Николай Гаврилович! Любой дом, любая семья, даже самая маленькая, требует очень много внимания. Уж это я знаю по себе. Нас с теткой двое. А посидеть днем мне некогда. А у кого дети? Нет! Далеко не всем женщинам нужно работать! Раз женился, изволь обеспечивать семью. А уж если не можешь обеспечить — не женись.

Тогда Николай Гаврилович никакого значения этому разговору не придавал. Он вспомнил о нем много позже.

Как-то в санатории продавали билеты на концерт столичных артистов. Быстров взял два и перед вечером помчался к Аникиным. Раису он застал за машинкой.

«Опять новый наряд», — подумал Быстров и предложил ехать в театр. Раиса с сожалением покачала головой:

— Спасибо, Николай Гаврилович, сегодня не могу. Мне нужно срочно дошить это платье. Часа через два за ним придет Ниночка. Я обещала ей обязательно дошить.

— Скажи лучше, обшить, — подала из кухни голос тетка. Дверь была открыта, и она слышала их разговор. В следующую минуту она появилась в комнате. Вытирая полотенцем вазу для винограда, она повторила: — Да, да, именно обшить. Уж которую вещь шьет этой Ниночке. Добро, получала бы сколько-нибудь, а то ведь так, все бесплатно.

Раиса умоляюще посмотрела на тетку:

— Я же просила не начинать этого разговора. Ну чем она будет платить? Вы же знаете, как Нине трудно живется. Я так рада, что могу хоть чем-то ей помочь, тем более сегодня.

Тетка что-то пробурчала и ушла в кухню, плотно прикрыв дверь.

— А почему «тем более»? — спросил Быстров, садясь на диван.

— Потому что сегодня она приглашена в гости. Там будет один человек, и кто знает, может именно сегодня... Нина очень хороший, добрый и честный человек. Это платье ее так обрадует.

Она почему-то смутилась и замолчала.

— Ну, значит, не поедет в театр, — сказал Быстров.

Он почувствовал, как хорошо у него на душе. Теплое, нежное чувство к этой девушке заполнило все его существо. Он был рад, что они никуда не пойдут и весь вечер проведут только вдвоем. Он будет сидеть рядом и любоваться ею.

— А знаете что, Раечка, давайте билеты подарим вашей Нине, — предложил он. — Успеет она?

Раечка захлопала в ладоши:

— Правильно, Николай Гаврилович! — Она взглянула на часы. — Если и опоздают, так на самую малость. Ну, посмотрят первое отделение не в партере, а на галерке. Николай Гаврилович, вы замечательный человек.

Улыбка сошла с его лица. Он близко подошел к ней, наклонился и тихо сказал:

— Это вы, Раечка, замечательная девушка...

Ее руки с шитьем медленно опустились на колени. Она подняла на Быстрова глаза, и голубое их половодье залило его. Все вокруг перестало существовать. Для него она была одна в целом мире. Он покрыл поцелуями ее лицо.

— Рая! Я люблю вас, нам уже никуда не уйти друг от друга. Моя Рая, моя... Я отсюда не уеду. Мы поедем вместе. Будет семья Быстровых... Решайте же, Рая!..

Она ответила не сразу. Ее согласие он получил на другой день. Регистрироваться Раиса наотрез отказалась... Он уступил.

По мнению Быстрова, самое главное в жизни супругов заключалось в общности мыслей, во взаимной заинтересованности работой, в дружбе и вере друг в друга. Ему казалось, что Раиса, с ее живым характером, быстро освоится в Чернореченской. Они будут жить душа в душу. Рая будет работать, а потом сможет учиться заочно или даже на стационаре, словом там будет видно.

Но все пошло иначе. О работе она не думала. Утром, проводив мужа, она некоторое время еще лежала в постели, затем принималась за свой туалет, потом она готовила обед, убирала квартиру, наводя лоск на каждую вещь. Вторая часть дня проходила на диване со множеством подушек. Раечка забиралась на диван с книгой. Надоест читать — принималась за вязание или шитье. Она привела в порядок вещи Быстрова и свои платья. Подтрунивая над собой, она говорила мужу:

— Что-что, а шитье твою жену всегда найдет.

В первый год совместной жизни Быстров не придавал значения такому распорядку дня, а потом завел разговор об учебе, для того чтобы потом где-то работать.

Крепко задумался Быстров, когда понял, как узок внутренний мир Раисы. Этот мир ограничивался пределами их дома и тем, что было связано с ее благополучием. Когда он пытался пробудить у нее интерес к большому, общественному, из этого ничего не получалось.

— Так жить нельзя, Раиса! — говорил он.

— Так живут многие, — отвечала она. — Так живет Галина и тетя, так живет моя подруга Женя Лазарева в Ленинграде, так живут женщины, которых обеспечивают мужья. Не всем же нужно работать. А потом, знаешь что? — Глаза Раисы холодно смотрели на мужа. — Мой отец прошел всю гражданскую войну, он умер на работе, значит я пользуюсь благами жизни по праву.

Быстров горько усмехнулся этой логике.

— Нет, Раиса, — тихо сказал он. — Твой отец завоевал хорошую жизнь народу, сам трудился и не потакал трутням.

— Что ты сказал? Я, по-твоему, трутень. Боже! — Раиса со стоном схватилась за голову, упала на диван.

В первый момент Быстров хотел успокоить ее. Он наклонился над ней, тронул за плечо:

— Рая, перестань, ну нельзя же так.

— Уйди, — зло выкрикнула она, даже не повернув к нему головы.

Быстров постоял, махнул рукой и ушел к себе в кабинет.

Детей у них не было. Николай Гаврилович не представлял себе семьи без детей. Однажды ему показалось, что она нездорова — у нее кружилась голова, и всегда любимый запах духов «Красная Москва» вызывал тошноту. Быстров взволнованно обнял жену, но она холодно ответила:

— Ничего, не беспокойся, пройдет, все пройдет.

Через день он уехал во Владивосток на семидневный семинар секретарей райкомов. Вернувшись, не заметил в жене никаких перемен. Она была все так же мила и внимательна к нему, все так же свежа и занята собой.

Лишь спустя долгое время Быстров узнал, что она сделала аборт.

Осенью, урвав в выходной день часа четыре, он поехал с доктором Климовым на охоту. Оба промокли, промерзли. Перед тем как покинуть гостеприимный берег озера, Климов предложил перекусить.

— Николай Гаврилович, ответь мне на один вопрос, который меня мучает, — сказал он Быстрову, когда они выжили по стопке.

— Спрашивай, Сергей!

— Зачем ты сделал это? Нехорошо.

Николай Гаврилович недоуменно смотрел на товарища:

— Сергей Михайлович, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну как о чем? Я говорю о Раисе. Зачем ты разрешил ей сделать аборт, да еще обманным путем. Она нас поставила перед фактом.

— Когда? — глухо спросил Быстров.

— Когда ты уехал на семинар секретарей.

Николай Гаврилович растерянно глядел на Климова.

— Я не разрешал, — наконец сказал он, — я никогда не разрешал, я ничего не знал...

В ту ночь впервые в жизни, находясь в трехстах шагах от дома, Быстров не пошел домой. Должно быть, то, что происходило в его душе, было страшно, если он, разбудив после полуночи Климова, попросил:

— Дай мне спирту!

На другой день он уехал в дальние колхозы.

Днем Быстров был загружен настолько, что не оставалось времени думать о себе. Зато ночью, где бы она его ни заставала — на полевом стане или в селе, а то и просто в машине, — он не раз думал о своих взаимоотношениях с женой. Может, Раиса не виновата? Может, он стусил краски? Может, он только во всем виноват.

Временами ему очень хотелось оправдать Раису. Слишком тяжело было видеть изломанной жизнь, о которой так хорошо мечталось.

«Она не хотела работать, ну и что же? Ведь действительно многие замужние женщины не работают. Но ведь семьи от этого не разрушаются. Не хотела учиться? Она еще молода, а ты старше ее, опытнее, почему не повлиял на нее. Тебе стало душно от ее салфеток и статуэток, но почему ты не пробудил в ней интерес к другому, большому».

Внешне в доме Быстровых все оставалось по-прежнему. Николай Гаврилович не требовал от Раисы объяснений, не вызывал ее на разговор. Она стала для него чужой. Раиса видела это, страдала, плакала, убеждала себя, что он вернется к ней. А он, оставаясь под одной крышей, уходил от нее все дальше и дальше.

Глава 13

Вернувшись домой, Вера Петровна грузно опустилась на лавку у стола и долго сидела, подперев рукой щеку. Спать легла не поужинав. Лежала, закинув руки за голову, и думала. То, что Федор Заяц сорвал собрание, это только начало его козней. Он будет мешать во всем, обозлен, что ли, что не избрали председателем. Его не уважают, того и гляди выведут из состава членов правления. Одно слово — паршивая овца в стаде. Что с ним делать?

Так и уснула, не зная, что предпринять. А во сне увидела своего Григория. Пришел он будто, как всегда, с работы, повесил на гвоздь шапку, протянул Гаврику руки. Тот мигом оседлал шею отца. Оба подняли такую возню, что ей пришлось прикрикнуть на них. Потом Григорий опустил сына, подошел, сел на кровать и стал гладить ее по голове.

— Смотри-ка, — сказал он, — у тебя седой волос. Дай-кось, я его выдерну. Мы ведь еще молодые.

— Это от дум, — ответила она. — Ой как трудно мне, Гриша, одной...

— А ты с народом, ты же не одна... — услышала она голос мужа и испугалась: он сидел возле нее, смотрел и молчал, а она ясно слышала его голос, и это было страшно. Тут она увидела, что на Григории надет тулупчик, а ноги босые — топчутся на холодном полу.

— Гришенька, — вскрикнула она, — как же ты без обуви-то? — И проснулась...

Заседание правления, на которое Вера Петровна пригласила многих колхозниц, было бурным. Смелик рассказала о детских яслях, о том, как было сорвано собрание. Сидор Зубенко и Федор Заяц сидели как на горячих углях. Не успели высказаться все члены правления, как слово потребовали сразу несколько женщин.

Федосья Пронина, Варвара Свиридова, Татьяна Кошунова и многие другие высказали все, что накопело в душе у каждой солдатки. Досталось обоим дружкам и за огороды сверх нормы, и за торговлю, и за то, что жены их отсиживаются дома, и за многое другое.

— Поглядите на них. Выбрали их в правление колхоза, так думают, все им с рук сойдет! — говорила молодая женщина с ребенком на руках. — Как бы не так!

— Бабы-граждане! Да вы разберитесь, я же не нарочно — запамятовал, только и всего, — скрипучим голосом пытался уговорить женщин Федор Заяц.

— Бабов здесь нету, — громко проговорила Дарья Шумейко. — Бабами сваян быют, а нынче твою голову на это определить можно — толстолобая, выдержит!

Белобрысый и веснушчатый Сидор Зубенко сидел красивый, как после парной бани. Все чаще и чаще поглядывал он на Веру Петровну. Весь его вид выражал слезную просьбу: «Кончай ты, ради бога, это собрание, хватит уж нас казнить!»

Но Вера Петровна дала высказаться всем. А потом поставила на голосование вопрос об открытии детских яслей и, конечно, получила полную поддержку.

«Ишь кругом обвиноватили, чертовы бабы! Обставили дело так, будто я чуть не против советской власти иду, — раздраженно думал Заяц, идя домой. — И что я им сделал? Ну сажу огороды. Так ведь я же в городе продаю рабочим и служащим, а что дороговато иной раз прихватишь, так это уж как удается... Степанида дома сидит, холера ей в бок, это точно. Так опять же дома некому управляться. Кругом обвиноватили чертовы бабы!»

Из-под ворот вылетела собачонка и бросилась ему под ноги. Федор остервенело пнул ее ногой с такой силой, что та с визгом отлетела в сторону.

— Сволочь! — громко выругался Федор.

Досаднее всего Федору было то, что опростоволосился он перед Веркой Смелик да другими бабами. И положение его как члена правления пошатнулось. Чего доброго — переизберут. А потом?..

Понял он и другое. Останется он или нет членом правления колхоза, но не даст ему Верка жить спокойно. А тут еще эта Корнева! Шепчет, настраивает... Ишь ведь как спелась с Веркой — водой не разольешь. «Ну погоди, я тебя все равно выкурю!» — злобно думал он,

сжимая кулаки. Ничего он не хотел так, как отъезда Корневой из села.

На следующее утро на току собралось столько женщин, что Андронич руками развел от удивления.

— Ну вот что, доченьки-товарищи, — сказал он, — разбивайтесь-ка на звенья и получайте задания.

Подготовка семян к посеву была сейчас основной работой. Сортовое зерно требовало очистки. Конечно, для этого нужна была сложная зерноочистительная машина, но в МТС таких машин не хватало. Чтобы не терять времени, пустили в ход все, что можно, даже старенькие веялки. Очищать зерно на машинах, которые приводили в движение руками, приходилось несколько раз. Это была кропотливая, однообразная, изнурительная работа.

Весь день провела на току Дарья Шумейко. Когда руки уставали крутить веялку и начинала кружиться голова, она вставала к бункеру насыпать зерно. Ей хотелось сделать как можно больше, ведь умеет она работать не хуже других, хоть и корил ее бывший председатель колхоза. О том он не думал, что не могла она уйти от детей, а ведь про ясли зимой тогда и речи не было. Дарья даже в перерыв не отрывалась от работы.

— Тетка Дарья, а ты чего поесть не садись! — крикнула Федосья Пронина и, подойдя к Дарье, потянула ее за руку к своему месту, где лежал раскрытый узелок с едой.

— Идем, идем, я тут на весь колхоз завернула, идем, чего гордишься-то.

— Да я не горжусь, чего мне гордиться; не взяла я из дому, после поем.

Пронина подумала: «А чего тебе брать-то, какой кусок есть, так небось детям оставила», — и усадила Дарью рядом с собой.

День стоял морозный, солнечный. Гудели веялки, высились груды зерна, на току не стихал женский говор. Дарье хорошо было с народом. После перерыва она с новой силой взялась за работу. Вдруг ручка веялки начала вращаться легче. Дарья подняла глаза и увидела Андронича. Он встал рядом и помогал ей.

— Эка бабочки сегодня разошлись, — весело говорил он, — вот бы мужики на вас поглядели.

— Ну и сглазили бы, — расхохоталась Дуня Власова.

— Иди, иди, Андронич, считай уж центнеры, это твое дело, а мы тут и сами управимся, — сказала Дарья и впервые за долгое время засмеялась. Давно не чувствовала она такой силы в руках.

В эту предвесеннюю пору ток стал центром жизни в селе. Тут работало больше всего людей, сюда Малышко приносил почту, тут Надежда Григорьевна проводила политинформацию и читала газеты. Здесь же, на току, сговаривались женщины послать на фронт подарки.

Вечерами долго светились окна долинских хат. Уложив детей спать, матери садились кто за вязание, кто за шитье. Нередко солдаты собирались вместе. Сколько передумала каждая, пока вязала или шила какую-нибудь вещь. Каждую петельку, каждый стежок делали с любовью.

Никто не знал, когда Настасья Демьяновна Еремينا уходит с фермы. Не старая, все еще красивая женщина, она в работе немного забывала свое горе. Проводила весной сына на фронт, а осенью пришла похоронная: «Погиб смертью храбрых...»

Не закричала истошно, не схватилась за голову, а как стояла возле окна, прислонившись к косяку, так и осталась стоять. И все смотрела на улицу, удивляясь, что солнце не гаснет, свет не меркнет, и деревья шумят, как при нем шумели, и ребятишки, как всегда, бегают перегонки. Все словно такое же, как при нем.

Вера Петровна подошла тогда тихо к ней, осторожно спросила:

— Может, на ферму пойдешь, Василия Кузьмича заменишь?

С того дня стала жить фермой Еремина. Нередко оставалась тут и на ночь, уснув в молочной на своем шубняке. Все — и корма, и рационы, и руководство людьми, и тяжелая пора рождения молодняка, когда нужен глаз да глаз, — все легло на ее плечи. Приходилось и коров доить самой, и за зоотехника работать, и за скотника. Никогда не роптала, не выражала неудовольствия. Самой большой радостью для нее было услышать: «Нет такой работы на ферме, с которой Настасья Демьяновна не совладала бы!»

На ферму часто приходила Корнева. Она любила посидеть в теплой тихой молочной, поговорить с Настасьей Демьяновной.

Эта женщина, как и Андроныч, поражала Надежду Григорьевну своей наблюдательностью и умением разбираться в людях.

Как-то зашел разговор о Корнеиче:

— Сам-то мужик неплохой, да Федор Заяц из него веревки вьет. Подлость ходячая этот Заяц. А все одно — выведут его на чистую воду. Вот посмотришь, Григорьевна, проворуется.

— Неужели он способен даже на такое?

— А ты думаешь? Чужими руками все делает. Да только шло в мешке не утаишь. Корнеича от него надо бы оторвать, а то пропадет мужик.

Корнева и сама не раз думала об этом. Был разговор и с Верой Петровной. Но та придерживалась противоположного мнения:

— Корнеича рано или поздно придется из колхоза исключать.

Настасья Демьяновна имела свой взгляд и на способности человека: будь ты хоть кто, хоть самый главный в правительстве, ты должен уметь своими руками всякую работу справлять

— Человек делами богат, — говорила она. — Ты, Надежда Григорьевна, заметь, кто все делать умеет, у того все есть, такой никогда не заскучает, и люди его всегда будут уважать. А вот хоть нашего Курмышова взять? Помню, воскресник у нас был на сенокосе. Стал стога метать — не выходит. Пошел с бабами сено согребать — надоело. Сразу видно, что руки у него не приспособлены к работе. А ведь любимое дело не узнаешь, не разгадаешь, пока сам его вдосталь не испробуешь. А ты видела Николая Гавриловича в работе? На любой первый. И мешки потаскает, и у молотилки встанет, а надо, так любой стог лучше наших мужиков смечет. Конечно, большому начальнику необязательно наши дела править, но знать-то должен.

— Настасья Демьяновна, я коров доить не умею, придется если, я со стыда сгорю, — сказала как-то ей Корнева.

— А чего же ты молчала, давай научу, — и усадила ее под корову на низенькую скамеечку рядом с собой.

— Вот гляди, вымя вымоем, оботрем, а теперь всем кулаком станем доить, ну пробуй сама.

— Не умею, — с опаской поглядывая на могучую го-

лову коровы, ответила Корнева, но все же села и попробовала доить. Молоко не шло. Корова стала переминаясь с ноги на ногу. Два раза больно хлестнула хвостом Корневу по плечам.

— Не могу, боюсь, — призналась Надежда Григорьевна.

— Чего ты боишься, ты смелее, в полную силу, — подбадривала Настасья Демьяновна.

«В самом деле, чего я боюсь?» — подумала Корнева и решительно придвинулась к корове. Начала доить, как Настасья Демьяновна, обеими руками. Почувствовав силу человека, корова стала отдавать молоко, и густые непрерывные струи со звоном били в дно подоюника.

Через несколько минут Надежда Григорьевна почувствовала, что у нее очень устали кисти рук, а еще не было выдоено и половины. Вдруг корова ударила по подоюнику ногой, и он отлетел в сторону. Густыми белыми ручьями молоко стекало в канаву.

— Ну что ты наделала? — воскликнула Надежда Григорьевна, чуть не плача с досады. Вскочила и сильно ударила кулаком корову.

— Вот это уж не годится! — услышала она за спиной негодующий взглас. Она к тебе не привыкла, а ты... — Настасья Демьяновна погладила корову по шее.

— Прости, Настасья Демьяновна, нечаянно у меня как-то получилось, — смущенно говорила Корнева.

— Да уж ладно, бывает. Ничего, приобвыкнешь. Приходи завтра. — Еремина улыбнулась.

В хате Анастасии Демьяновны чуть-чуть горит лампа, поставленная так, чтобы свет не беспокоил невестку. Насильно уложила ее спать. Нельзя ей засиживаться. Ждет Еремина внука, а сын погиб, так и не узнав, что станет отцом.

Быстро бегают пальцы, перебирая петли вязанья. Позванивают спицы. Не сыну — ему уже ничего не надо. Другого кого-то согреют носки.

Кончила вязать, взяла у невестки листок бумаги, карандаш и написала крупными буквами, как умела: «Сынок! Брата твоего убили, а я тут за горами, за долами от вас, в Приморской тайге, стою на нашем колхозном деле, как он в бою стоял, и ты стой так же. Мать».

Свернула записку в трубочку, положила в носки, собрала посылочку, прилегла. Скоро станет светать.

В один из дней Павел Петрович Быковский, секретарь райкома партии по зоне Кедровской МТС, передал Корневой срочное секретное задание: ночью проверить охраняемые объекты. Результаты немедленно сообщить дежурному райкома партии по условному коду. Его надо было запомнить. Корнева поняла. Такая проверка, видимо, шла в одни и те же часы, по всему району, а может, и по всему Приморью. Посоветовавшись с Верой Петровной, она решила привлечь к этому делу еще и Кузьму Малявко. Условились встретиться в два часа ночи за колхозной конторой у старой липы. Ночи стояли светлые, это затрудняло проверку. Надо было не просто проверить пост, окликнув сторожа. Надо было проверить возможность диверсии: поджога, или угона скота, или даже нападения на сторожа.

— Смотрите, Надежда Григорьевна, дело рискованное. Сторож может выстрелить, — предупредил Кузьма.

— Не надо до этого допускать, — заметила Смелик.

К старой липе Кузьма пришел первый. Ярко светила луна, и он встал в тень, прижавшись к стволу огромного дерева. Почти одновременно подошли Смелик и Корнева. Из домов выходили тихо. Огней не зажигали. Проверку начали с молочнотоварной фермы. Сегодня тут дежурил старик Власов. В длинном тулупе, с винтовкой в руках, он мерно вышагивал взад и вперед возле ворот основного прогона скота. Здесь они не запирались, а только закладывались одной жердью. Отсюда хорошо просматривалась вся территория фермы, стога сена, сметанные поодаль, и дорога, уходящая в луга. Прячась в тени стогов, проверяющие неслышно подошли к задним запасным воротам. Они были забиты.

— Расходитесь в разные стороны по территории и делайте что-нибудь, а я перемахну в загоны и постараюсь проникнуть в коровник, — прошептал Кузьма. Но едва он очутился по ту сторону изгороди, как ему под ноги со страшным лаем и визгом бросилась сибирская лайка Власовых. С непостижимой для его лет скоростью старик Власов оказался возле Кузьмы.

— Стой! — кричал он. — Стой, подлец, стрелять буду. Руки вверх, говорю! — Кузьма поднял руки и, усмехаясь, попросил:

— Дед Прокоп, возьми, пожалуйста, своего Чалдона. Ведь он мне валенок прокусил.

— Батюшки, никак Кузьма, — заговорил старик уже другим тоном и опустил винтовку. — Что это ты тут делаешь?

В эту минуту подошли Надежда Григорьевна с Верой Петровной.

— Хорошо сторожуешь, Прокоп Федорович. Спасибо тебе, — сказала Смелк. — А мы вот вышли посмотреть, как тут дело идет.

— А, — протянул Власов, — значит, проверка. Ну, у нас порядок.

— Да не совсем, Прокоп Федорович, — заговорила Корнева. — Был бы на нашем месте кто другой со злым умыслом, мог бы подпалить стожки-то, а? Вы бы не приметили.

Дед Прокоп молчал, потом признался:

— Сразу не приметил бы. Ох, Надежда Григорьевна, не пугай. Конечно, мог бы подпалить. Ох ты, господи, да ведь я только что был возле них, — смущенно бормотал он. — А ну, Кузьма, давай отобьем эти ворота, ходить тогда кругом будет сподручней.

— Нет, — запротестовала Смелк, — отбивать нельзя. Этак через территорию фермы все пойдут. Хлопцы девчат станут провожать — вон какой угол срежут, а ведь они курят. Тут свои пожару наделают. Как ни трудно, дед Прокоп, а ходить кругом надо всю ночь.

— Так это конечно, — степенно произнес Власов. — Как же можно не ходить. — Волнение его мало-помалу улеглось.

— Ну, доброй вам ночи. А нам пора до дому, — сказала Вера Петровна на прощанье. Они свернули на конный двор. Там все обошлось очень быстро. Огромный черный пес Пират — главный страж конного двора, как называли его колхозники, — мигом учуял прищельцев. Они не успели даже подойти к изгороди, как были остановлены сторожем:

— Не подходи, стрелять буду.

— Все в порядке. Проверка, — только и сказала Вера Петровна.

Пошли к зерновым амбарам. В заборе, которым они были обнесены, Надежда Григорьевна еще несколько дней назад заметила плохо прибитую доску. Ее можно было легко подвинуть и пролезть на зерновой двор. Сейчас она вспомнила об этом лазе, и они с Верой Пет-

Ровной решили им воспользоваться. Замысел был прост. Кузьма пошел к главным воротам, Надежда Григорьевна брала на себя левую сторону, Вера Петровна правую. Потом все трое должны были сойтись у главных ворот. Казалось, все шло, как задумано, но случилось такое, чего никто из проверяющих не ожидал. Забор выходил на улицу. В ту минуту, когда Надежда Григорьевна искала лаз, во двор одного из домиков напротив амбара вышла Феоктиста Рыбалко. Глянула она через свой невысокий забор и увидела на той стороне у амбаров две тени. Вначале подумала, что ей показалось. Пригляделась. Нет, кто-то, пригнувшись, ходит взади и вперед вдоль высокого забора, словно чего-то ищет. Феоктиста вернулась в дом, оставив открытой сенную дверь. Если бы Надежда Григорьевна или Вера Петровна посмотрели на улицу, возможно они увидели бы, как бесшумно, на ходу застегивая ватник, из сеней выскочил хозяин Филипп Романович. Хоронясь в тени углов, он добежал до соседнего дома и легонько стукнул в окно согнутым пальцем правой руки. Как бы крепко ни спал бывалый человек, этот легкий партизанский стук мгновенно поднимал его с постели, прогонял сон. Не прошло и трех минут, как двое мужчин, пригнувшись, перебежали дорогу и настигли Надежду Григорьевну в ту минуту, когда она перелезала через свой импровизированный лаз. Вера Петровна была уже на амбарном дворе.

— А ну, повремени малость, — спокойно проговорил Филипп Романович.

Надежда Григорьевна почувствовала, как обе ее руки мгновенно оказались за спиной. Филипп Романович крепко держал их.

— Погляди-ка, сосед, нет ли тут кого еще? — бросил Рыбалко своему товарищу.

«Ишь, словно команду подал», — подумала Надежда Григорьевна.

Все это произошло в одну секунду. Выглянула луна, и Рыбалко узнал Корневу.

— Надежда Григорьевна?.. Как же так, зачем же ты ночью-то? — удивленно спросил он, все еще не выпуская ее рук.

— Сейчас объясню, пусти руки-то! Ну и клещи у тебя, Филипп Романович! Не ходите никуда, товарищи. Мы с Верой Петровной и Кузьмой проверяем посты, да

вот, видно, сами и попали в нарушители общественного покоя.

— Ух ты, — выдохнул Рыбалко. — Это другое дело. Ну и как, надежно? — спросил он.

Надежда Григорьевна уловила в его голосе хитринку.

— Надежно, ох надежно, — весело ответила, растирая оцепеневшие руки. Подошли Вера Петровна с Кузьмой.

— Ну, там все в порядке, — сказала она, обращаясь сразу ко всем. — Сторож Кузьму обнаружил и на десять шагов к воротам не подпустил. А ты что здесь, Филипп Романович?

— А как же... — многозначительно ответил Рыбалко и, понизив голос, доверительно сказал: — Никого не пропустим, Вера Петровна!

Надежда Григорьевна услышала эту фразу, но не поняла ее смысла.

И только позднее на закрытом заседании бюро райкома партии, обсуждавшем вопросы оборонной работы, она окончательно поняла, что Приморье тоже передний край в этой жестокой и изнурительной борьбе за независимость Родины.

Вот когда ей по-настоящему открылся глубокий смысл напутственных слов Николая Гавриловича, когда она ехала на работу в Долинки: «...Мы ни на минуту не должны забывать, что наш край пограничный. Наши люди должны в любую минуту помочь Красной Армии, если это потребуется...» Поняла и то, что имел в виду Филипп Романович, когда сказал в ту ночь: «Никого не пропустим».

Глава 14

Однажды под вечер в Долинки неожиданно приехал Николай Гаврилович.

— Как дела? — спросил он Веру Петровну.

— Да хозяйствуем понемножку. Вот на ток собралась.

— Ну что ж, пойдем вместе.

На току у веялки они увидели Корневу. Вместе с Прасковьей Ивановной Науменко они очищали зерно.

— Работает? — спросил Быстров, кивая в сторону Корневой.

— А как же. У нее, Николай Гаврилович, трудодней побольше выработано, чем у другой колхозницы.

— Здравствуйте, товарищи женщины! — крикнул Быстров, стараясь пересилить шум машины.

Его окружили.

— Перерыв! — громко крикнул Андронич и, махнув рукой, позвал женщин: — Сюда, сюда, к амбарам.

— Вы нам привезли хорошие вести, Николай Гаврилович?

— Сейчас все расскажу.

Женщины разместились на мешках с зерном. И Быстров говорил о том, как в тяжелых условиях сурового 1942 года Красная Армия преградила путь фашистскому зверю. Идет февраль нового 1943 года, наступление развернулось по фронту протяженностью тысяча пятьсот километров. На севере под Ленинградом, на Центральном фронте, на подступах к Харькову, в Донбассе, у Ростова, на побережье Азовского и Черного морей Красная Армия наносит врагу удар за ударом. Массовое изгнание врага с нашей земли началось. Враг все более и более истощается, но борьба еще не окончена. Предстоят серьезные бои. Эта борьба потребует всех сил народа.

— Знаю, женщины, знаю: очень трудно, — говорил Николай Гаврилович. — Все хозяйство легло на ваши плечи. Весной станет еще труднее. Другой раз и недоест колхозница и недоспит, но свое дело сделает. Вы это уже доказали, за что сердечное вам спасибо.

Темнело. Андронич дал команду убирать зерно. Сбросив пальто, в одной гимнастерке, Быстров помогал носить мешки в амбары. Андронич дал ему огромные варежки. Николай Гаврилович одел их, смеясь:

— В одну посажу Веру Петровну, в другую вас, Надежда Григорьевна.

— Ну, Гаврилыч, как хотите, а мы вас не выпустим, — сказала Вера Петровна, когда работа была окончена. — Идите к Надежде Григорьевне, я сейчас тоже пойдю, поедим.

— Что же, от горячей картошки с квашеной капустой я не откажусь, — ответил он.

— Осторожно, здесь порог, — предупредила Надеж-

да Григорьевна, когда они входили в ее дом. Зажгли лампу. Мягкий свет разлился по комнате. Тихо, уютно было здесь.

— Располагайтесь, Николай Гаврилович; вот полотенце, мыло, умывайтесь, а я похлопочу.

Быстров заметил, как проворно бегали ее руки. Не успел он отойти от умывальника, а в плите уже загудел огонь. Надежда Григорьевна накрыла на стол и села на табурет.

— Подождем Веру Петровну. Вы очень спешите?

— Да нет...

Помолчали.

— Надежда Григорьевна, вы не раскаиваетесь, что приехали сюда?

— Нет, Николай Гаврилович, — ответила Корнева. — Мы с Верой Петровной очень хорошо сработались.

— А с людьми?

— И люди у нас хорошие, дружные.

— Ну а на Урал вы пишете? — спросил и пожалел, что спросил. Выражение лица Надежды Григорьевны сразу изменилось. Глаза прищурились, вся она как-то вдруг сникла. И опять зазвенело в ушах: «...Мамочка! А Мишук-то без лапки...»

— Нет еще, — тихо ответила Корнева, опуская голову. — Нечего мне еще туда написать. Ничего я еще пока не сделала такого большого, о чем можно было бы рассказать моим старым друзьям.

Он посмотрел на нее, тихую, сосредоточенную, потом встал, подошел к столику в углу комнаты. Посмотрел на раскрытую тетрадь с записями, рядом лежала тоже раскрытая, хорошо знакомая ему книга — «Основы агротехники сельхозкультур».

— Так, так, осваиваем, значит, науку.

— Осваиваем, Николай Гаврилович! Ночью теорию, днем практику на току, на ферме. Лето придет, на поле выйду. Другой раз страшно становится, как много надо освоить.

— А вы не бойтесь, все придет, если не убежите от села и от колхозных дел.

Быстров увидел, что стакан, который она вытирала полотенцем, задрожал в ее руках. Он подошел и сел рядом:

— Простите, пожалуйста, за бестактность, но ведь

сельское хозяйство — очень трудное дело. Там прореха, тут нехватка. Многие не выдерживают, уходят, особенно те, которым впервые приходится заниматься этим делом.

— Нет, я не уйду. — Она задумалась, уронив руки на колени. — Вот вы говорите, уходят потому, что трудно. А мне кажется, не только поэтому.

— А почему же?

— Как вам сказать... Можно жить, ничего не замечая вокруг, работать без радости... но человек, который, выйдя утром из дому, заслушался перезвона молотков в кузнице да почувал запах талой земли или, увидев полные ясли душистого сена, понял, отчего у доярок хорошее настроение, да помечтал вместе с ними, — никогда не уйдет из села, как бы трудно ему ни было.

Под окном заскрипел снег, и в сенях раздались шаги.

— Вера Петровна, — улыбнулась Надежда Григорьевна, поднимаясь ей навстречу.

— Почему же вы не за столом, — спросила Смелик, увидев накрытый стол.

— Вас ждем! — ответил Быстров.

— Вот спасибо. А я тут кое-что из дому захватила. Дети спать ложатся, можно и мне часок с вами посидеть, — говорила она, расставляя на столе мед, картофель, олады.

— Выходит, у нас складчина! Чудесно! — проговорил Быстров.

Подожел к вешалке, вынул из кармана банку консервированной колбасы и хлеб.

— Прошу. — Он протянул сверток Вере Петровне.

— Николай Гаврилович, так у нас же есть, — запротестовала Смелик.

— Давайте не будем возражать, — притворно строго проговорил он и, улыбнувшись, добавил: — Друзья собираются вновь.

Вера Петровна горько покачала головой:

— Кабы собрались. Где-то мой дружок сейчас?

— Вернется и Григорий. Непременно вернется, — убежденно сказал Николай Гаврилович.

Быстрова интересовало не только состояние дел в колхозе, но и судьбы людей. Он то и дело спрашивал:

— А что дядя Назар пишет?

— Как Федосья? Отпустила Нюшу на курсы?

— С яслями что?

И тут Смелик рассказала про неудавшееся собрание.

— Дали, значит, бабоньки жару Зайцу? Правильно! — сказал Быстров, когда Вера Петровна изобразила, как выкручивался Федор.

Уехал Николай Гаврилович, когда луна заливала светом безлюдные улицы Долинок.

Спустя несколько дней Корневу вызвали в Чернореченскую на совещание культпросветработников. День был субботний, и Юрка отпросился у матери ехать с Надеждой Григорьевной.

После совещания перед просмотром нового кинофильма к Корневой подошел доктор Климов:

— Добрый вечер, Надежда Григорьевна.

— Сергей Михайлович! — обрадовалась она. — Вы в Чернореченской, давно ли?

— Со вчерашнего дня, — отвечал он, не выпуская ее руки.

В этот вечер они долго были вместе. Как и тогда, осенью, сидели в той же комнате, пили чай. Он рассказывал о своих впечатлениях, о Владивостоке, о госпитале. Она — о своих колхозных делах. Иногда оба замолкали, прислушиваясь к дыханию тети Поли и Юрки, и сидели, притихшие, будто боясь спугнуть возникшее чувство душевной близости. Надежда Григорьевна давно поняла: он любит ее. А что она могла дать ему взамен? В ней жило только чувство благодарности. Сергей Михайлович понял ее состояние. Ушел молчаливый и строгий.

Очень скоро Надежде Григорьевне снова пришлось побывать в Чернореченской: умерла тетя Поля.

Хоронили ее ясным морозным днем. За гробом шло много женщин. Надежда Григорьевна никого не видела. Она не плакала, только тяжело опиралась на руку Климова и порой смотрела на него как-то по-детски, снизу вверх. Сейчас он казался ей единственным человеком, способным помочь и поддержать.

Накануне отъезда в Долинки она встретила зоотехника Ивнева, который приехал в Чернореченскую верхом на лошади за медикаментами. Он привез Корневой записку. Вера Петровна писала:

«Надоша, голубка, не надо бы тебя тревожить, да дела неотложные. Николай Гаврилович просил срочно

сообщить, сколько мы можем дать «Заре» семенного овса в обмен на сою. Дозвониться до Чернореченской не могу, линия повреждена. Сходи в райком сама и передай, что подготовили пятьдесят центнеров. Только очень прошу, пусть Гуляйдень приезжает со своим транспортом. У нас везти не на чем и некому. Все лошади заняты. Сделай это, пожалуйста, и не сердись на меня. Я было хотела попросить об этом Ивнева, да у него самого дел по горло, я его только на денек отпустила. Приезжай скорее домой».

«Домой! Как хорошо она написала», — думала Корнева по дороге в райком.

Быстров был на заседании райисполкома, и его пришлось подождать. В приемной секретарь звонила в колхозы, собирая сведения о ходе работ за декаду. Слышимость была плохая, и она по нескольку раз натруженным голосом повторяла одни и те же вопросы:

— Сколько очистили семян?.. Сколько?.. Не слышу... Так. Прицепной инвентарь как ремонтируется?.. Что?.. Прицепной инвентарь, спрашиваю, ремонтируете?

Не отрывая трубки от уха, она кивнула Корневой на стул. Корнева занялась газетами, время от времени прислушиваясь к вопросам. Люди на том конце провода называли только цифры, но теперь она уже знала, что открывается за ними. Она знала, как много сил стоило женщинам любого колхоза вывозить удобрения на поля. Она знала, как ныли женские плечи, как трудно работать на ледяном ветру — слезятся глаза, мороз перехватывает дыхание, а женские и девичьи руки день за днем выполняют все то, с чем привыкли справляться только мужчины.

— Надежда Григорьевна, вы ко мне? — Быстров повторил вопрос. И только теперь Корнева услышала.

— Простите, Николай Гаврилович, задумалась и не заметила, как вы вошли.

— Прощу, если узнаю, в чем дело, — улыбнулся Быстров и жестом пригласил ее в кабинет.

— Дело вот в этом... — Надежда Григорьевна подала ему записку Смелик.

— Отлично, я сам свяжусь с «Зарей», — ответил Быстров, быстро пробежав глазами письмо.

— Гуляйдень, верно, заартачится? — спросила Корнева.

— Может быть, своеобразный, знаете, человек, но хозяин хороший, этого от него не отнять.

В тот же день Надежда Григорьевна уехала в Долинки.

Глава 15

«У меня, наверное, зверский холод, — подумала Надежда Григорьевна, доставая ключ из условного места под крыльцом. Вошла и поразилась — тепло, даже чайник на плите шумит. Это все Прасковья Ивановна, добрая душа».

В правлении колхоза Корнева застала директора Кедровской МТС Воронова, агронома земельного отдела Беспалову, подкрашенную девицу, которую Корнева почему-то не любила, и Веру Петровну. Все трое оживленно спорили.

— Вот, Надежда Григорьевна, толкуем о плане тракторных работ, — сказала Смелик.

— А чего толковать, заключать надо договор и все тут, — ответила Корнева.

— Мы и говорим «заключать», в нынешнем году и запахать и посеять надо больше, чем в прошлом, а вот товарищ директор вроде и не решается.

— Это кто же тебе сказал, что мы не решаемся? — пряча улыбку, возразил Воронов. — Эх, женщины, милые, наоборот, удивляюсь вам и радуюсь — одни, без мужиков, а дело разворачиваете дай бог каждому. Ну что говорить, подпишем договор.

Воронов встал и пошел к двери.

— Подпишем, конечно, — сказала Вера Петровна, довольная тем, что дело уладилось.

Вечером в избе-читальне собралось много народа. К Надежде Григорьевне с письмом в руках подошла тетка Федосья.

— Читай, Григорьевна, что дочка пишет, — проговорила она.

«Маманя, — писала Нюша... Первые экзамены сдала на «отлично». Трактор вроде знаю, но все-таки водить его пока что боюсь, уж больно шумит да трахает. Но это я так, и ты про эти мои слова никому не говори, я его все равно осилю».

Домой в эту субботу не поеду, у нас комсомольское

собрание. Воронов будет делать доклад о повышении качества тракторных работ, потом будет спевка. Мы тут развернули самодеятельность. Был у нас Николай Гаврилович, читал лекцию по текущему моменту. Ой, маманя, как я рада, что стану трактористкой. Ньюша». Ниже подписи стояло: «А от Павлуньки ничего нет. Маманя, где же он?»

Как всегда, Корневу засыпали вопросами. Она терпеливо отвечала и из избы-читальни ушла последней.

Теплая апрельская ночь пахнула в лицо запахом оттаивающей земли. Запах этот шел из тайги, и казалось, с каждой минутой становился сильнее. В темном безоблачном небе мерцали звезды. Надежда Григорьевна оглядела горизонт, и небо показалось ей каким-то другим — было оно выше, глубже. В воздухе стояла удивительная тишина и свежесть.

«Весна, — думала она, — скоро сев. Первые весенние работы в моей жизни. Справлюсь ли?»

Дома она с наслаждением напилась чаю и села к столу просмотреть журналы, которые принесла с собой.

В окно постучали. Накинув платок, Надежда Григорьевна вышла в сени, открыла наружную дверь:

— Кто там?

Никакого ответа. Постояла с минуту, вернулась в комнату, зябко поеживаясь. Только начала читать, как вздрогнула от резкого стука во второе окно. Опять вышла и настежь открыла дверь:

— Кто стучит?

Никакого ответа. Снова села к столу и невольно стала прислушиваться. Не прошло и пяти минут, как чьи-то кулаки с силой забарабанили в дверь. Корнева подбежала к окну, открыла форточку и крикнула:

— Если нужно, входите, дверь не заперта, а шутки прекратите.

Опять безмолвие, как будто возле дома никого не было. Стоило ей отойти от окна и взяться за книгу, как стук возобновился с прежней силой. На этот раз стучали в стену. Корнева не ответила, решила не обращать внимания. Стучали в стены, в окна, снова в стены, в дверь, в крыльцо, в угол дома. Вначале стук был слабым, а потом, видимо, стали стучать в стену поленом. Надежда Григорьевна дважды выходила на улицу, но

никого не видела. Она не понимала, кому взбрело на ум хулиганить и чем это вызвано. Потушила лампу и легла, но и это не помогло: стучали еще долго, методично, с перерывами в пять—десять минут. Она лежала, свернувшись калачиком, натянув на голову одеяло, и не могла ни спать, ни думать. Было обидно и одиноко.

За что?..

Шум прекратился, когда взошла полная луна.

Надежда Григорьевна уснула лишь на рассвете.

А день, яркий, солнечный, наполненный шумом весенних ручьев и щебетом прилетевших скворцов, принес то, что отодвинуло все ночные переживания. Утром Юрка влетел в избу-читальню и прямо с порога, захлебываясь от восторга, закричал:

— Надежда Григорьевна, трактора идут, целых пять, и с трактористами. Нюшка на головном! — и умчался сообщать новость дальше.

Казалось, не было ничего особенного в том, что из МТС в колхоз шли тракторы. Они приходили каждый год в назначенное время, это было в порядке вещей, но в мирные годы машины вели мужчины. А сейчас за штурвалами сидели девчата. Переход в тридцать километров из МТС до колхоза был для них последним экзаменом.

Шум машин заполнил улицу. Поравнявшись с конторой, у которой собрался народ, Нюша остановила трактор.

— Здравствуйте, товарищи! — громко крикнула она. — Вера Петровна! Разрешите доложить: отряд трактористов Кедровской МТС прибыл для проведения весенне-полевых работ.

— Так, девоньки, так! — только и сказала Вера Петровна.

— Молодцы трактористки! — услышались голоса.

Вспоминая ночное происшествие, Надежда Григорьевна думала, что хулиганство больше не повторится, но она ошиблась. В следующую ночь все повторилось. Как ни старалась она узнать, кто это, вооружившись палками, стучит в стены, — не удалось.

Дом стоял на углу переулка. Поломанная во многих местах изгородь позволяла свободно ходить вокруг него, прятаться в тени углов. Надежде Григорьевне была противна эта игра, но она все-таки вышла в сени и оста-

валась там довольно долго у маленького оконца. Хулиган тоже выжидал. Едва она входила в комнату, он начинал стучать с новой силой. Надежде Григорьевне оставалось одно — потерпеть до восхода луны. Она уже знала — уйдут, когда станет светло.

Глава 16

Перед самым севом в Долинки приехал председатель колхоза «Заря» Гордей Гуляйдень. Остановил обоз у дома правления колхоза и вошел в контору с шумом, громко разговаривая со всеми встречными.

— Ну, где у вас Смелик запропастилась? Чего гостей не встречает?

— Да уж гости-то больно неожиданные, и время для них неподходящее. Вот-вот на сев выедем, — отозвалась Вера Петровна, выходя на порог. — Ты, Гордей Никонович, видать, не спешил с обменом. Я уж думала, не приедешь за овсом. Или уж своими семенами обойдешься? — Она хитро подмигнула Корневой.

О председателе «Зари» Корнева слышала много. И сейчас, пользуясь тем, что Гордей Никонович никого, кроме Веры Петровны, не замечает, разглядывала его. Высокий, сухощавый, в хорошо сшитом казачьем бешмете, в смушковой кубанке, он был похож на заправского казака. Корнева слышала, что он гордится этим. Говорили, что Гордей Никонович был копией своего деда — богатого кубанского хуторянина, но сам Гуляйдень вспоминать этого не любил.

Слова Веры Петровны, видимо, озадачили его, но он тут же обратил их в шутку:

— А ты не упрекай, не упрекай, тише едешь — дальше будешь. Сою ты не сейчас повезешь на поле, ну и у меня овса на первый случай хватит... Не спешил с обменом! Рад бы поспешить, да нехватка транспорта... Ну, куда везти?

— К амбарам, — сказала Вера Петровна, надевая телогрейку.

Пока ездовые ссыпали овес, Гордей Никонович с Верой Петровной обошел хозяйство. На току под навесом увидел старую веялку. Оглядел машину со всех сторон, попробовал покрутить ручку.

— Утиль? Чего зря держишь?

— Корма не просит, дойдут руки, починим.

— Да где они там у вас дойдут, — Гуляйдень усмехнулся. — Колхоз невелик, а людей — одни женщины.

— А у тебя что, большинство мужиков?

— Зачем большинство; нет, конечно, но нас с вами, Вера Петровна, равнять нельзя. Мы крепче на ногах стоим!

— Дай срок, и мы встанем.

Гордей Никонович промолчал. Его внимание в эту минуту привлек энтээсовский ВИМ.

— Как! — воскликнул Гуляйдень, — тебе дали сложную зерноочистительную машину?

— Дали. Хорошая машина, очень помогла.

— Надо думать! — не без ехидства заметил Гордей Никонович. — Ну погоди... На совете МТС я это дело подниму... — и, спохватившись, выругал себя за то, что сказал лишнее.

«Зачем он к нам приехал? Уж не в гости же в самом деле собрался. Сою-то и без него могли привезти?» — подумала Вера Петровна.

А Гордей Никонович словно испытывал ее, ходил смотрел, делал замечания, а главного не касался. Не спрашивала его и Смелик. Но когда подошли к кузнице и Гуляйдень увидел, что весь инвентарь отремонтирован, а кузнец занят лишь текущими работами, он заметно оживился.

— Послушай, Вера Петровна, — заговорил он совсем другим тоном, переходя на украинский язык, — я ж до тебе з спросом прихав.

— За спрос деньги не берем.

— То и плохо. Мы тебе дадим денег, ежели ты нам свой билет на лесосеку уступишь. Вы же тамотки трюхи порубали лес, з вас уже будэ, а то, що осталось, то нехай наше будэ. А ще кажу, мабуть продадите ту стареньку виялку. Я бы купив, ей-бо купив! Ну, як? Порешили?

Он протянул ей руку ладонью вверх, ожидая, чтобы она хлопнула по ней своей, скрепив договор.

Вера Петровна с недоумением смотрела на него:

— Постой, Гордей Никонович. Я что-то не пойму, как это уступить тебе билет на лесосеку. Он же нашему колхозу выдан?

Гуляйдень истолковал этот вопрос по-своему: «Хитрая баба, продешевить не хочет», — но не подал вида и громко воскликнул:

— Тю, нашла загвоздку! Ну кто ее теперь ту законность шукае? Ну, выдан вашему, а рубать лес будет наш. Да отбрешемось, ежели что. Ну скажем, что мы в порядке помощи, або ище шось придумаем. А вас, Вера Петровна, — он понизил голос, — мы отблагодарим. В долгу не останемся.

Произнося эти слова, Гордей Никонович пытливо и как-то заискивающе всматривался в лицо Веры Петровны.

Только теперь она поняла, куда гнет Гуляйдень.

«Сделку мне предлагать приехал, выглядываешь, что где можно к рукам прибрать?! — билась мысль. — Да я тебя сейчас выгоню к чертовой матери, чтобы и духу твоего здесь не было!» — и сказала как могла спокойнее:

— Нет, Гордей Никонович, билет вам уступить не можем. Лес и нам нужен, а что касается вейлки, так с чего это тебе старье скупать? Ах, я забыла, ты ведь у себя целую мастерскую открыл. Твое дело за бесценок купить, починить, подкрасить и втридорога продать...

От этой явной издевки Гуляйдень побледнел. Из всех его соседей только эта дерзкая баба смела с ним так разговаривать. Да, пожалуй, только она одна и не обращалась к нему за помощью. В его кабинете телефон начинал звонить с самого раннего утра. Председатель одного колхоза просил помочь с транспортом, председатель другого договаривался насчет племенного кабана, третий просил подзанять кормов... всех, конечно, Гордей Никонович уважить не мог, но... так, по выбору. А эта бестия даже сою сама не просила. Обставила дело так, что Быстров из райкома сам звонил. Ну, раз начальство заинтересовалось, Гуляйдень не гордый. Сам обоз отвезет, а уж попутно поглядит, нельзя ли чего из «Таежного ключа» приспособить для «Зари». А она еще куражится, чертова баба, не ценит!

Настроение Гордея Никоновича испортилось бы окончательно, если бы не Федор Заяц. Он шел с фермы и, увидев гостя, засиял улыбкой. Поздоровался, низко кланяясь.

— Приехали, Гордей Никонович! Сами. Уважили.

Надолго ли в Долннки? А то милости просим, заходи до нас.

— Спасибо, сейчас домой поедem, гостевать недосуг. Сою вам привез, из райкома просили, — зло буркнул Гуляйденъ и язвительно добавил, поглядывая на Веру Петровну: — Эх-хо-хо, хорошо людям жить, когда попечителей много. О Гуляйдене вон небось никто не попечется. Наоборот, все норовят за счет «Зари» проехаться.

— Про нас этого сказать не можешь, — заметила Вера Петровна. — Мы тебе за сою выдали овес, сколько положено, ну а если тебе об этом из райкома звонили — их дело. Видать, на тебя не надеются, напоминают.

Это было сверх меры. Гордей Никонович на мгновение даже растерялся. И пока он собирался с мыслями, Вера Петровна перевела разговор на другую тему. Так и получилось, что она дважды обрезала его. Ну и язык! Вот уж действительно, захочет черт душу рвать, сведет тебя с бабой!

А Смелик, казалось, уже забыла об этом.

— Федор, — говорила она Зайцу. — Ты бы нынче с Корнеичем съездил в Дальний лог. Возить надо тот большой стог сена, а женщин туда не пошлешь.

— Да я и сам об этом думал. С фермы шел, к Корнеичу заходил... Да чего-то ему неможется, лежит.

— Неможется? А на поминках он нынче нигде не был?

— Нет, Петровна, не был. Утром с дежурства сменился и лег, — загоготал Федор.

— Ну тогда другого кого покличь, а ехать надо.

— Что же, поеду.

«Ишь, какой ты стал покладистый», — подумала Вера Петровна.

Когда с Гуляйденем шли обратно, Смелик сказала:

— Люди у тебя, Гордей Никонович, поесть из дома, наверное, захватили, а ты, как всегда, налегке. Идем ко мне, чего-нибудь перекусим.

— Нет, спасибо, — поспешил отказаться Гуляйденъ, — мы скорехонько до дому.

Она проводила обоз с колхозного двора и постояла несколько минут, глядя ему вслед. «Билет ему на лесосеку, веялку. Черта лысого ты у меня возьмешь», — подумала она и пошла в контору.

Шел апрель. Обычно в эту пору уже начинали сеять, а нынче весна выдалась затяжная, еще не везде сошел снег. Это тревожило. Девушкам-трактористкам, жаждавшим поскорей показать себя в работе, не терпелось выехать на поля. Но Кузьма Малявко волновался, казалось, больше всех. Когда Нюша Пронина уехала на учебу, он стал секретарем комсомольской организации, а месяц назад его на общем собрании избрали бригадиром полеводческой бригады. Он отвечал за сев. Что из того, что есть тракторная бригада во главе с Нюшей Прониной? Именно он, Кузьма, должен позаботиться, чтобы трактора работали без всяких задержек. Все должно быть доставлено в поле вовремя — и семена, и вода, уточнены должны быть участки работы каждого агрегата.

— Ты только не робей, милоч, не робей! — подбадривала его Вера Петровна. — И не бойся меня допекать вопросами. Во всем помогу, было бы у тебя старание.

Кузьме дали лошадь. Он каждый день ездил на поле, проверял землю. Возьмет горсть, сожмет в кулаке и бросит на дорогу. Все ждал, что рассыплется она мелкими крупочками. А земля, как нарочно, шмякалась на дороге, как кусок сырой глины.

Свои заботы были и у Андронича. Он не выходил со складов. Бессчетный раз погружал в бурты зерна железный прут: не греется ли? А то закатит рукав рубашки и сует руку в бурт выше локтя. Потом на свету долго смотрит на нее, не занес ли кто клеща. Считается, что его простым глазом не увидишь, но Андронич уверяет, что почует паразита. Успокоившись, он садится на приполок у амбара. Старик ухочет солнышка, погреть бы поясницу, подставить горячим лучам бок. Но солнца нет. Весна пасмурная.

Тут, у амбара, не раз заставляла его Надежда Григорьевна.

— Что это за погода, Андронич? Когда же тепло-то будет?

Старик улыбается:

— Будет, будет, дай срок...

Он обводит взглядом небо, улицу, поля, хорошо видимые отсюда, и говорит, вкладывая в слова все, что думает, чего желает, ради чего работает, не давая покоя своим старым костям;

— Будет ведро, будет и непогода, всяких трудностей не оберешься. Землица-то много труда возьмет — и человеческого и машинного. Тяжело нынче народу свою радость отвоевывать. С каким злом добро схватилось. А я думаю, Григорьевна, народ после победы еще лучше жить станет, а?

— Верно, Андронич, только скорее бы кончилось все это страшное.

Глава 17

И вот ведро наступило. Перед самым севом пришла к Корневой Смелик.

— Надежда Григорьевна, — сказала она, — ты уж не обижайся, а только выхода у нас нет, придется тебе за учетчика поработать. Если что, избучитальню закроем на время, а? Зарез ведь нам без учетчика. Прошлый год Сережа Пронин работал, сразу после экзаменов на поле пошел, а нынче он ведь на тракторе. Человека тут надо самостоятельного, чтобы грамотный был и справливый. Ну что ты мне скажешь?

Она выжидательно посмотрела на Корневу.

— А то и скажу, — отвечала Надежда Григорьевна, — и за учет возьмусь, и закрывать избучитальню не будем. Одно другому не мешает.

— Да ведь не выдюжишь. Какой уж из тебя будет докладчик, ежели тебе придется день-деньской по полям с «козой» ходить, — и пояснила: — Мерку у нас так называют.

— У нас же в избучитальне актив есть.

— Ну смотри, тебе виднее.

«А ведь хорошо, что Николай Гаврилович послал меня в этот ключ кипучий», — подумала Корнева. «Ключ кипучий!..» Ей понравились эти слова, и она повторила их про себя несколько раз.

Из избучитальни Корнева возвращалась домой, чувствуя необыкновенный прилив сил. Открывая дверь, увидела в щели кусок газеты, свернутый в трубочку. Взяла его, развернула. На газете углем было нарисовано: в открытые двери дома, в котором легко можно было узнать избучитальню, чей-то кулак выталкивал женщину. Корнева долго смотрела на этот рисунок, потом аккуратно свернула газету.

«Так вот чего вы хотите, — подумала она. — Вы хотите избавиться от меня? Не выйдет!»

Хулиганы нагтели.

— Да, — проговорила она вслух, — видимо, придется принимать меры.

Попробовала было заниматься, но прежнего настроения не было. Неприятно было думать о том, что придется обращаться в милицию.

Неожиданно пришел Юрка. Полдня паренек бился над задачей, но так и не решил. Часов в десять вечера пошел просить помочь Надежду Григорьевну.

Чтобы сократить путь, Юрка побежал огородами. Он был уже на ее усадьбе, когда заметил: какой-то человек ходит вокруг дома и стучит в стены дубинкой. Ничего не понимая, Юрка остановился, увидел, как человек обошел дом один раз и начал второй заход.

«Кто это ходит и зачем стучит?» — подумал мальчик и кинулся к дому. В ту же минуту он столкнулся с Корнеичем.

— Корнеич! — удивился Юрка. — Ты чего в стены-то стучишь? Видишь свет, значит Надежда Григорьевна дома, стукни в окно, всегда откроет.

Корнеич вздрогнул, остановился как вкопанный и... бросился бежать. Удивленный Юрка постоял с минуту, посмотрел ему вслед, потом стукнул в окно и крикнул:

— Надежда Григорьевна, это я, Юрий, откройте.

— Входи, Юра, — услышал он. Ему показалось, что голос у Надежды Григорьевны дрожит. — Входи, — повторила она, распахивая дверь.

Вытирая у порога ноги, он хорошо разглядел ее лицо. Оно было бледное, уставшее. «Наверное, у нее голова болит, а тут я с задачкой», — подумал мальчик.

— Случилось что-нибудь, Юра?

— Да нет, Надежда Григорьевна, задачу никак не решу, вот и пришел к вам.

— Ну, давай попробуем вместе.

— Я хотел спросить: чего это он стучит, ходит вокруг дома с палкой и стучит?

— Кто, Юра?

— Корнеич.

— А ты не ошибся? Точно ли Корнеич?

— Ну как же я могу ошибиться, если я видел его и разговаривал, как с вами.

— Ладно, Юра, потом разберемся. Давай-ка свою задачку.

Утром Вера Петровна сама пришла к Корневой.

— Что у тебя тут происходит?

Надежда Григорьевна рассказала и показала кусок газеты. Смелик громко расхохоталась:

— А ведь похожа, ей богу похожа! — И серьезно: — Почему ты мне ничего не сказала?

— У тебя и без того дел много.

— Что же, по-твоему, за делами-то хулиганству потакать надо. Нет, я его, голубчика, на свежую воду выведу.

— Кого?

— А ты не знаешь? — Вера Петровна хитро посмотрела на Корневу. — Так-таки и не знаешь? Ну, кто у нас печи кладет да малюет их, как городской художник?

Надежда Григорьевна опустила на стул:

— Неужели Федор Заяц?

— Он самый, кому ж еще быть-то? Точь-в-точь такой домик у Ереминых на обогревателе нарисован.

— Ну, тогда все ясно, — проговорила Надежда Григорьевна.

— Оно, может, и мне ясно, да народу-то ясности нет. Выгнать его из колхоза к чертовой матери, и только!

— погоди, Вера Петровна, — остановила ее Корнева. — Не поднимай никакого шума, я сама с ним поговорю.

— Вот-вот, я так и знала, поговорю. Плюет он на наши с тобой разговоры, а мы чего-то ждем. — Она нервно теребила кисть платка, которым была повязана. Наконец оторвала нитки и бросила.

— Ждем ни «чего-то», а очень определенного. Ждем, когда он одумается, — спокойно ответила Надежда Григорьевна.

— Значит, и сейчас в милицию не позвонишь? Ведь Заяц-то издевается над тобой?

Корнева ответила не сразу. Она сидела у стола, подперев голову рукой. Вера Петровна никогда не видела ее такой суровой. В комнате было тихо, только чуть-чуть поскрипывала за окном ставня.

— Нет, — сказала решительно Корнева. — Никуда я звонить не буду.

— Ох-жо-хо, где ты, Григорьевна, решительно бе-

решь, а где не-тронь-травой гнилушку закрываешь. Ну и жди, раз тебе хочется, — проговорила Смелик и стала собираться домой.

Ждать пришлось недолго. Как-то под вечер Корнева зашла в правление колхоза и застала там Федора Заяц. Он, казалось, не обратил на нее никакого внимания и продолжал слушать наказ Веры Петровны.

— Почему сено до сей поры из Дальнего лога не перевезено?

— Ладно, сделаем, — цедил он сквозь зубы.

Веру Петровну позвал счетовод. Корнева и Заяц остались одни. Надежда Григорьевна в упор смотрела на него и видела, как Федор начинал поеживаться.

— Ну, товарищ Заяц, долго вы будете ломать эту комедию? — спросила она.

— Это какую же такую комедию?

— Вы знаете, о чем я говорю.

— Нет, не знаю, и ничего я не ломал, может кто другой ломал.

— Был и другой, пока его не разоблачили, а вам теперь отпираться не приходится. Грязно вы работаете. Мазню оставляете, по которой вас каждый школьник найдет. Вот оно, ваше художество. — Она вынула из папки кусок газеты и развернула перед Федором.

Федор весь подался вперед.

— Что, знакомый рисуночек?

— А кто докажет?

— Больше никому. У Ереминых на печи и у тетки Федосьи Прониной на обогревателе такие же домики расписали. Я видела — рука-то одна.

— Не пойманный — не вор.

— А-а-а, вы хотите, чтобы вас с поличным поймали. Ну что ж, и это будет, если...

— Что если? — зло бросил он.

— Если не одумаетесь и не начнете жить по-другому.

— А ты что приехала, меня жить учить?! — вызывающе спросил он.

— Я приехала работать. А еще запомните, что советская власть никому не позволит подрывать колхоз, обогащаться за его счет.

— А ты знаешь, я обогащаюсь?

— Знаю, обогащаетесь. Сколько ваша жена выработала за год трудодней? — Заяц молчал. — Вот то-то, а

все время отдает личному хозяйству. Оба вы не вылазите с базара. Огороды у вас такие, что времени на общественный труд не остается. На дворе полно скотины. Разве это не обогащение?

— Держи и ты скотину, никому не возбраняется.

— Так возбраняется. Вы сразу трех свиней на откорме держите, а под видом телок на дворе коровы разгуливают, да и овечек целая ферма.

— Ишь ты, все разузнала, — прошипел Заяц.

— А тут и разузнавать нечего, все и так видно.

Федор сидел подавленный. Слишком неожиданно было все это. И в словах, и в тоне Корневой он почувствовал то, чего всегда боялся.

«Скинет тебя, Федор, народ, в колхозе нас не любят...» — говорила не раз Степанида.

«А может, и вправду надо хозяйство свое поурезать да в колхозе немного поработать?» — шевельнулась у него мысль. Он буркнул, глядя в пол:

— Ладно, спасибо за науку. Пора мне, однако. Ехать надо далеко, — и ушел.

Во дворе Федора Зайца поджидал Корнеич.

Злоба перекосила лицо Федора.

— Ну, ты, чего стоишь, в душу тебе под седьмое ребро! — крикнул он Корнеичу, захлебываясь ругательствами. — Марш на конюшню, велено в Дальний лог по сено ехать, — и, ни на кого не глядя, быстро пошел со двора.

После этого разговора Корнева вернулась домой совершенно разбитая. Она долго сидела не зажигая света и думала о Федоре Зайце, о Корнеиче.

Вспомнились слова Николая Гавриловича: «Прошрое не может пройти бесследно. На то у нас и голова на плечах и совесть коммуниста, чтобы отыскать росточки нового, настоящего, здорового и помочь им пробиться наружу. Кто говорит, что это легко? Это сложно, очень сложно».

Оторвавшись от своих дум, Надежда Григорьевна зажгла лампу, задернула занавески на окнах. Если б Корнеич заглянул в эти окна сейчас, он бы увидел: закутавшись в платок, женщина долго ходила по комнате. Но он не мог видеть этого. Мертвецки пьяный, лежал он в хате у Федора Зайца. Заташил тот его на свеженину — зарезал кабана — и подпоил так, что забыл

Корнеич и про дом, и про дежурство. Федор хорошо помнил предупреждение, которым Смелик после поминок напутствовала Корнеича: «Еще раз случится — исключим из колхоза!» Очень это было на руку Федору. Уж тогда бы он окончательно прибрал к рукам Корнеича. Дарового бы работника приобрел и первого помощника во всех своих делах.

В Дальний лог опять, конечно, не выехали. Вышло так, что сорвал Корнеич и дежурство, и поездку за сеном. Это сразу стало известно селу. Послышались нарекания:

— На черта его такого держать! Гнать, и никаких разговоров!

Терпение Веры Петровны лопнуло.

Как ни доказывала Надежда Григорьевна, как ни просила не поднимать вопроса об исключении Корнеича из колхоза, Смелик стояла на своем:

— Пойми — ты коммунист и я коммунист, у обоих одна совесть, но за колхоз больше отвечаю я. Корнеич мешает работать всем, и не спорь ты со мной!

— Хорошо, — отвечала Корнева. — Но я скажу все, что думаю о Корнеиче, пусть люди решат.

— Пусть решат, — коротко бросила Смелик.

В тот же день она созвала расширенное заседание правления. Собралось чуть не все село. Корнеич сидел в углу бледный, подавленный. В одной руке он зажал свою рваную шапку так, что пальцы побелели, другой беспрерывно ерошил свои спутанные волосы.

На первом ряду сидел Федор Заяц. В ту минуту, когда Корнева входила в дверь, Федор ехидно посмотрел на Корнеича. «Ну все, голубок, твоя песенка спета, теперь она тебя окончательно угробит», — говорил его взгляд.

Корнеич весь съезжился и замер.

— На повестке дня один вопрос — о дисциплине члена нашего колхоза Матвея Корнеича Лешука, — объявила Вера Петровна.

Выступали многие. Осуждали Корнеича. Одни обращались к его совести, другие утверждали, что он ее давно оставил в сенях у Федора Зайца, третьи смеялись зло и беспощадно. Атмосфера накалялась с каждой минутой. Когда все высказались, Корнева взяла слово. Корнеич сверлил ее глазами.

«Набили... живого места не оставили, а ты еще хочешь и свое копыто приложить?! Ну, на, на!.. Найди, где еще не ударили, бей!» — прочла она в этих глазах.

«Корнеич! Я не о том!..» — хотелось ей крикнуть, но сказала спокойно:

— Товарищи, мы можем наказать Корнеича тем, что исключим из колхоза. Но это куда легче, чем заставить его одуматься, стать человеком полезным и честным. Не ляжет ли это на нашу с вами совесть? Ведь человек-то он наш. С прямой тропы свернул, это верно. Так ему надо протянуть руку, а не сталкивать в яму. Может, он другим человеком станет. Ведь у него семья, дети, и колхоз для него — родной дом.

По залу пробежал шепот.

Корнева продолжала:

— Я не собираюсь его защищать. Я за то, чтобы вынести ему строгое и моральное и материальное взыскание. Предлагаю оставить его в колхозе.

Не успела она закончить своего слова, как зал зашумел, заволновался, заговорил. Кто-то громко крикнул:

— Правильно, Григорьевна, по-человечески рассуждаешь!

Кто-то требовал:

— Чего с ним нянчиться?

Возникли споры, поднялся невообразимый шум. Вера Петровна звонила в колокольчик, пытаясь успокоить людей.

Начали выступать по второму разу. Послышались реплики:

— Пусть останется, поработает, последим за ним.

— Пусть он сам скажет.

И он сказал:

— Что такое, граждане мои дорогие, людей я перестал понимать? Кого за врагов своих личных считал, те меня как человека поднимают. Кто другом именовался, тот утопить готов. Горит моя душа от стыда, тошно мне жить от этой водки. Помогите мне, истинно вас прошу!..

Он хотел сказать еще что-то, но слезы душили его.

Вопрос поставили на голосование. Подсчет показал, что большинство против исключения Корнеича из колхоза.

В эту ночь он не сомкнул глаз. Весь ход собрания он переживал заново, до той самой минуты, когда вышел

в темноту ночи и ноги сами понесли его за Корневой. Много хотел он ей сказать, но слов не было, язык не слушался. Только возле дома, когда она стала подниматься на крыльцо, окликнул:

— Григорьевна!

— Корнеич? — удивилась она.

— Я же тебя из села выживал... — медленно, с трудом заговорил он.

— Знаю, — перебила его Корнева. — Не будем больше говорить об этом. Идите отдыхать, Корнеич. Завтра много работы. За сеном надо ехать.

К злобе, которую всегда питал к Корневой Федор Заяц, примешивалось теперь чувство зависти. Гляди, как на собрании народ убедил! Прямая, смелая. Черт разве только из села такую выживает!

И слушают ее, чтоб им очи повылазили! Теперь вот Корнеича на свою сторону переманила. Впрочем, он и из этого случая хотел извлечь себе пользу. Избачка не зря сказала, что член правления Федор Заяц оказывает на Корнеича вредное влияние.

«Ну нет, — думал Федор, — теперь он вроде как отойдет от меня, а все же под мою руку будет работать».

Эти мысли не оставляли Федора ни после собрания, ни в то утро, когда он шел на конный двор собирать парную подводу для поездки в Дальний лог.

Корнеич уже был там. Дорого бы дал он за то, чтобы не видеть, не слышать Федора, не работать с ним, но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Собирались долго. Федор, хотя и заявил Вере Смелик, что «зараз выезжаю», дотянул, однако, до самого вечера. То ему потребовалось сменить сбрую, то не понравилась веревка, выданная Андронычем, и он искал другую, то забраковал лошадей, которых оставил конюх, и пошел на другой конец села на выгоны за буланой кобылицей. Одним словом, выехали только на закате.

— Не пойму, чего тебя в ночь потянуло, утром бы и поехали, — не то спросил, не то осудил Корнеич.

— Утром, утром. Утром уже домой вернемся, заночуем в Перекатном. Оттуда до Дальнего лога не больше пяти километров. — Он старался говорить как можно спокойнее, но именно это пугало Корнеича.

«Опять, сволочь, что-то задумал. И когда меня гос-

подь бог с тобой развяжет». Корнеич ждал этого, как чуда. Сам он развязаться с Федором не мог: слишком много подленьких дел связывало их, к тому же Заяц запутал Корнеича в долгах. Их было столько, что Корнеич потерял счет десяткам и тридцаткам, взятым у Федора.

— Бери, бери, свои люди, — говорил Федор. И каждая бумажка еще крепче связывала Корнеича.

Жутковато было ехать по пустынной дороге, вслушиваться в цокот копыт, вглядываться в глубину черных полей. Хоть бы скорее уж этот Дальний лог, гиблое место! В детстве Корнеич верил, что здесь кричит по ночам леший. В Дальнем логе было много птиц, но мальчишки никогда не бегали туда таскать из гнезд яйца.

Вера Петровна знала, что сено здесь будет стоять в сохранности, потому и оставила большой стог до весны. Сено тут листовое, цветочное, первый сорт. Как оно пригодится сейчас колхозу!

«А ведь ладно хозяйничает баба. Избачка ей во многом помогает, тоже самостоятельная женщина». При этой мысли Корнеич весь сжался и зло посмотрел на покачивающуюся спину Федора. «Ух, антихрист! Заставил меня издеваться над женщиной, не вышло ведь, а, не вышло!» — с затаенной радостью тихонько бормотал Корнеич.

Сокращая путь в Перекатное, решили проехать прямо через Дальний лог. Подъехали к стогу, осмотрели, Корнеич заметил, что с лица Федора не сходила довольная усмешка.

— Ну ладно, утро вечера мудренее, — сказал Федор. — Поехали к куму, поздно уже, спать охота.

В Перекатном им была оказана знатная встреча. Кум, видно, поджидал Федора. Чуть гости постучали в окно, хозяева засветили огонь и, как водится в таких случаях, пригласили к столу.

Чем богаты...

А на столе, как успел заметить Корнеич, было поставлено не по военному времени. Бутылки с вином и кувшины домашней браги, на тарелках разная снедь. Измученный событиями прошлых суток, Корнеич поел, выпил и отправился спать, оставив за столом Федора и хозяев. Оба кума пошли покурить перед сном на улицу и вернулись не скоро. Хозяин сразу лег, а Федор, накинув ватник, остался на улице.

Никто в доме не слышал, как остановился возле дома грузовик. Никто не видел, как шмыгнул в кабину Федор Заяц, и машина умчалась. У околицы ее нагнали две другие.

Корнейч проснулся, когда солнце светило во все окна. На полу рядом с ним в исподней рубахе и брюках храпел Федор. Корнейч принялся его будить.

— Да юпи ты, радетель, к вечеру управимся, и ладно, — пробормотал Федор, перевертываясь на другой бок.

В комнате никого не было. На столе стоял завтрак, покрытый полотенцем. Голова у Корнейча разламывалась. Приподняв полотенце, увидел большую бутылку бражки. Кружка медового варева опять бросила в сон.

Выехали со двора, когда солнце повернуло на вторую половину дня. Хозяев не было. Федор прижал палкой дверь.

— Гляди-ка ты, не боятся! — заметил Корнейч.

— А чего же бояться, кругом честные люди живут, — ответил ему Федор. У него было отличное настроение.

— Вечор ты гнал вскачь, а сейчас словно молоко везешь, — недовольно выговаривал Корнейч.

Федор расхохотался:

— Эх ты, парень, да зачем же лошадей мучить, ведь нам с тобой сюда ездить да ездить, пока этот стожище не перевезем. Вечор гнал потому, что ночевать в поле не хотелось. Да и за сено боялся, а ну, как его нет? А сейчас все в порядке, — говоря это, Федор сбоку поглядывал на Корнейча. Тот ничего не ответил. Молча доехали до поворота с большака на проселок, к Дальнему логу. Тут Федор заволновался:

— Гляди, Корнейч, гляди-ка, с чего бы тут по обочинам дороги сено понатрушено, вроде вчера не было, ты не примечал?

— Нет, я спал.

— Спал, спал, тебе бы только спать да выпивать.

— А тебе? — Корнейч пристально взглянул на Федора. Тот выдержал взгляд, только хорошо знакомая Корнейчу тень злобы прошла по его лицу.

— Мне?.. — притворно вздыхая, проговорил Федор. — Мне придется горе мыкать с этим сеном.

— Может, и придется, — ответил Корнейч.

Заяц, беспечно развалившись, запел непристойную песню. Вдруг резко оборвал пение и забормотал;

— Гляди, Корнеич, гляди, след от машины, в душу их под седьмое ребро. Ну откуда тут машина, а?

Корнеич молча курил.

— Гляди, гляди, да разуй глаза-то, что ты все молчишь. Говорю, след машинный!?

— Ну и след, ну и что? — отозвался наконец Корнеич. — Ты что, запомнил или перепил вчера, тут же прямая дорога на Таежку, мало ли по ней машин ходит.

— А ведь и верно, чего же это я, право? — пробормотал Федор.

Эх, выдавали Машу замуж, неохотой она шла.. —

опять полилась бесшабашная песня. Корнеич покосился на Федора:

— Ну чего ты орешь?

Федор осекся, оборвал высокую ноту.

— То есть как это ору? Да у меня, может быть, душа музыки требует. Эх, Корнеич, Корнеич, не хочешь ты понять моей души, а ведь я тебя одного в селе за друга считаю. Я ж тебя жалею.

— Пожалел волк кобылу! — Корнеич смачно плюнул через плечо. Федор не обратил внимания на его слова и продолжал:

— Ну как я живу? Прозябаю, а не живу. Мне широта нужна, разгон мыслей, а я что? Эх, Корнеич, мне бы председателем быть, не так бы мы тогда жили.

— А что у тебя хлеба мало, что ли?

— Да есть хлебушко. Ну все-таки лучше жили бы. Да ведь это я не о себе, об вас, дураках, душа болит.

— Пусть она у тебя за себя одного болит. Дураки-то возле умных поучатся, без тебя обойдутся.

Федор опешил. Он не узнавал всегда покорного, заискивающего Корнеича. Не узнавал себя и Корнеич. С той самой минуты, когда Юрка застал его у дома Корневой и крикнул от своего чистого ребячьего сердца: «Ты в окно постучи, она всегда откроет!» — в его душе что-то дрогнуло. А на заседании правления и вовсе многое стало видно.

Конечно открыла бы.. Сколько ведь народа ходит к ней каждый день и в читальню и домой. Письма писать — к ней, заявление какое подавать — к ней, в стенгазеты заметку — опять к ней. У счетовода была запарка — кто день и ночь сидел да трудодни выверял? Опять

она. Комсомольцев организовала. Плохо ли? Зиму-то без падежа прожили. Гуляйдень вон сказывал, у них и то скот падал, а ведь «Заря» не чета «Тасжному ключу». Если открыли, женщины на работу стали ходить. Да куда ни глянь, ни одно дело без нее не обошлось. А ведь у ней своя боль есть: дочку-то, сказывают, на ее глазах убило.

«Так за что же Федор, паскуда старый, ее из села выживает? Нет, не дам я больше ни над собой, ни над ней издеваться. Приеду и все расскажу. А там пусть будет, что заслужил... Пусть люди про все узнают: и как они с Федором собрание срывали, и как прошлой зимой с лесопилки лес воровали, и как колхозный мед на базаре продавали по одной цене, а вывели по другой.

— Приеду вот и постучу к ней в окно, приду и постучу, — бормочет Корнеич.

— Куда это ты постучать хочешь? — насмешливо спросил Федор.

Корнеич вдруг резко повернулся к нему и выкрикнул в лицо:

— По голове твоей постучать время пришло. Послушаю: звон пойдет, аль она у тебя дерьмом забита!

Федор побледнел.

— Ты что, сдурел? Да я тебя куда хошь упеку, я тебя в тюрьму, так тебя в душу, в седьмое!..

— А ты не матерись! Хватит. Тянул мои нервы, не боюсь я тебя, слышишь? Погоняй коней, тебе говорят. — И, выхватив вожжи из рук Федора, Корнеич стегнул коней.

Начинался Дальний лог. Не проехали и пяти минут, как Федор, взглядываясь вперед, закричал истошным голосом:

— Сена не вижу, беда, Корнеич!

Корнеичу почудилась фальшь в этом крике. Он погнался коней вскачь. На том месте, где еще вчера вечером стоял большой стог, было пусто.

Корнеич остановил коней. Ни слова не говоря, слез с телеги и осмотрел всю площадь. Сомнений не было, сено было увезено машинами. Следы колес ясно отпечатались на жухлой прошлогодней траве.

— Та-ак, — процедил сквозь зубы Корнеич, пристально глядя на Федора. — Значит, сenco за одну ночь уплыло? Чудно-о!.. До этого дня стояло, а тут уплыло.

Корнеичу вдруг показалось, что вся эта поездка с ночевкой была затеяна неспроста. Он ходил, стараясь не затаптывать следы машин, всматривался в них. Вот тут, у самого стога, стояла одна, вот здесь забуксовала другая, а вон там текло масло, и темное, жирное пятно расплылось по земле.

— Ну что ж, садись, поедем домой, доложим, что съездили, видали, а взять не сумели... Ну выведут вас, ворюг, на чистую воду, все равно выведут, — зло крикнул Корнеич и, не глядя на Федора, едва успевшего вскочить на телегу, рысью погнал лошадей в Долинки.

Веру Петровну Корнеич с Федором нашли на парниках. Отозвали в сторону. Докладывал Федор. Корнеич не спускал с него глаз. И с каждым словом он все больше убеждался в мысли, что это дело не минуло Федоровых рук.

Вера Петровна стояла пораженная.

— Дашутка! — окликнула она пробегавшую мимо девочку. — Лети в избу-читальню скажи, чтобы Надежда Григорьевна скорее шла в правление. Идемте, — позвала она Корнеича и Федора. Шла опустив голову. Уже в дверях посмотрела на обоих и сказала с тоской: — Убытку очень много, и обидно. Вор появился в собственном доме.

Наступил конец апреля, а настоящего тепла все не было. Дули холодные сильные ветры, держались утренники. Землю покрывало густым слоем мохнатого инея. Нельзя было и думать начинать сев.

Нюша видела, как девушки, с охотой перекочевавшие из села на полевой стан, одна по одной возвращались обратно. Она понимала, почему они завидуют Сергею с Кузьмой. Те вели боронование и подкормку озимых и уже успели втянуться в тот ритм полевых работ, который заполняет жизнь сельских тружеников. Как бы ни было трудно, как бы ни устал за день, сознание того, что ты сегодня сделал самое главное, придает силы. Каждый вечер, встречая девушек, хлопцы говорили:

— Поработали мы нынче добре, в два раза больше плана, можно и погулять.

Девушкам нечего было ответить. Марийка опускала голову. Как-то стыдно гулять, когда за день ничего не сработано.

Нюшу не покидало ощущение того, что она чего-то

недоделала. Она вскакивала на коня и мчалась в поле на ближние и дальние массивы. Спешивалась, скребла рукой землю и, убедившись, что сеять все-таки нельзя, возвращалась к вагончику полевого стана. Снова и снова осматривала машины. Тракторы исправны, прицепщиков Вера Петровна выделила заранее, горючее тоже вывезено в поле. Сеялки установлены на высев. Нет, решительно ни в чем нет вины бригадира.

И все-таки на душе как-то беспокойно.

И от Павлуныки давно не было писем. Сами они ничего не решили о своей судьбе, но люди давно предсказали ей... Кабы не война... Эх, если бы не эта война! «Ну что было бы, если бы не война?» — спрашивала она себя. Стала бы их большая дружба любовью? Захотел бы Павлуныка жениться на ней? Можно ли знать все наперед? А она, Нюша? Разве не злилась она на подруг, на соседок, которые говорили о них с Павлуныкой как о женихе и невесте. Да меж ними и слов-то никогда про любовь не было. Товарищами росли, товарищами и остались... Может быть, ранен, может — даже убит.

Как ни старается Нюша прятать тоску, проглядывает она и в глазах и в жесте, когда быстро поднятая рука вдруг бессильно падает вниз.

Ночью неожиданно полил дождь. Шел он недолго, но был теплый, живительный. Утром взошло из-за сопok горячее, яркое весеннее солнце.

А через два дня агроном, сделав последние указания, разрешил: «Начинайте!»

У Нюши на миг замерло сердце.

«Только бы справиться, только бы справиться», — думала она. Овладела собой, включила мотор. Пошли тракторы и на соседних массивах. Ожили поля. Девичьи руки вели машины, вели на сев в первый раз, вначале неуверенно, потом все тверже, все ровней.

На третьем круге у самого края участка Нюша увидела вешку. Она не замечала ее раньше, а сейчас узнала: это была Павлуныкина вешка. Два года тому назад воткнул он упругую ивовую ветку на краю замеренного массива. Ветка пустила корни, зазеленела, стала расти. Тонкие блестящие веточки молодого деревца, сейчас покрытые белыми пушистыми барашками, как будто кивали Нюше. Она узнала это место. Сюда она приносила Павлуныке еду, а он говорит:

— Иди, Нюша, на курсы трактористов, вместе будем пахать, — и показал на эту вешку. — Вот как до сих пор массив допашу, так значит есть дневная норма. Давай, Нюша, учись!

Она так ясно сейчас слышала его голос, так хорошо видела его лицо, что казалось, будто он здесь, с ней, помогает вести машину.

«Да ты не бойся, не бойся, Нюша, смелее, ты же сильная». То ли его голос, то ли ее мысли, не все ли равно. И нет уж места страху, руки твердо держат руль. Когда поравнялась с группой людей, заметила среди них Веру Петровну с Надеждой Григорьевной. Крикнула во всю силу:

— Засеем все! Будет сделано!

А вслед за этим до людей донеслась смешанная с гулом мотора, но не заглушенная им ее звонкая песня:

Расцветали яблони и груши...

Не знала тогда Нюша, что в столе у Никифора Спиридоновича Малышко уже два дня лежит тоненький пакет с номером полевой почты. У погибшего смертью храбрых рядового Павла Перегуды не было родных, а у Никифора Спиридоновича недоставало сил вручить этот страшный пакет Нюше Прониной.

Глава 18

Раиса понимала всю неприглядность своего положения. Быстров ушел от нее окончательно. Он даже дал адрес квартиры, в которую она должна была переехать. Он по-прежнему каждый месяц оставлял для нее деньги и продуктовые карточки на столе в кухне. Когда однажды она увидела, что Быстров ест в кабинете всухомятку, и поняла, что он не хочет даже видеть ее, ее охватил безотчетный страх перед неизбежностью решительного объяснения. Ей становилось жутко при мысли о том, что рано или поздно в Чернореченской узнают об их разрыве и она лишится всего того благополучия, без которого не могла жить.

Теперь она старалась какими угодно путями скрывать от всех истинное положение в ее маленькой семье. Она избегала последнего объяснения с Быстрым. Пер-

вое время это было нетрудно, так как Быстров по целым дням не бывал дома и часто уезжал в поля. Зимой пришлось пускаться на уловки. Одной из них была та, что Раиса под различными предлогами стала уходить из дома во время обеда, оставляя на кухонном столе записку: «Коленька, извини, пожалуйста, пообедай один».

Принарядившись, она шла куда угодно: в магазин, в библиотеку, бесцельно бродила по улицам, приглядываясь и прислушиваясь к народу, — знают или нет? Это была попытка, но Раиса готова была переносить ее, лишь бы никто не знал.

Ни добрых знакомых, ни друзей в Чернореченской у Раисы не было. Портниха была, пожалуй, единственной женщиной, которую Раиса могла считать своей приятельницей. Теперь она буквально пропадала в маленьком домике старой швеи. Раиса никогда не шила и не переделывала так много платьев, как теперь. Это тоже была игра: пусть люди думают, что в доме все в порядке. Она так далеко зашла в этой игре, что принесла однажды переделывать для себя поношенный костюм Быстрова.

— Коверкот, знаете, замечательный, довоенный. Может быть, что-нибудь выйдет, — щебетала она, вглядываясь в лицо портнихи. Та сидела за шитьем, не поднимая на Раису глаз.

— Ничего не выйдет, Раечка, — хмуро проговорила мастерица. — Незачем вам переделывать этот костюм. Да и вообще я давно хотела спросить вас, неужели вам не надоело наряжаться? Время такое тяжелое, в каждой семье слезы, а у вас на уме одни наряды. Как это вас Николай Гаврилович не остановит?

Раиса похолодела. Знает. Она опустила на стул, скривила лицо в пренебрежительной улыбке и деланно расхохоталась:

— Дорогая моя. Я молода, что плохого, если я одеваюсь со вкусом?

— Ничего, конечно, плохого нет. Одевайтесь, пожалуйста, мне не жалко... Просто так, к слову пришлось, — сухо ответила портниха и поднялась. — Извините, пожалуйста, мне надо идти за хлебом.

Дома Раиса застала дверь незапертой. «Он ждет меня», — мелькнула мысль. Несколько минут она стояла у порога, стараясь перебороть свое волнение, взглянула в зеркало, поправила прическу.

Быстров, как всегда, занимался в кабинете. Услышав ее шаги, он вышел в столовую.

— Давай, Раиса, поговорим. — Он подошел к столу, но не сел, а так и остался стоять — повернувшись к ней лицом. Рука оперлась на спинку стула. Раиса чувствовала на себе пристальный чужой взгляд и не находила сил посмотреть ему в глаза. Она рывком сняла с себя пальто и шляпу, бросила на диван и как-то неуклюже присела на край.

«Давай поговорим, спокойно обсудим все», — слышала она слова Быстрова. Но они доходили до нее откуда-то издалека. Ей пришлось сделать усилие и заставить себя осмысливать то, что он говорил.

— Ты напрасно ломаешь эту комедию, пишешь записки, извиняешься. Можешь поступать, как хочешь. — Он остановился на минуту, провел рукой по волосам. — Жить вместе мы больше не можем.

— Почему? — тихо спросила Раиса.

Он вздрогнул.

— Почему? — Его лицо покрылось пятнами, он с трудом подбирал слова. — Потому что ты всегда обманывала меня. Я мечтал о том, что у нас будет много общего, а для тебя не было ничего важнее тебя самой.

Он глотнул воздуха, отчего заходил кадык, сильно выдавшийся вперед. Раиса ничего не видела, кроме этого кадыка и сухой шеи, для которой воротник рабочего кителя стал непомерно широк.

«Как страшно ты изменился, как исхудал...» — подумала она. Ей хотелось крикнуть: «Перестань, я знаю все, что ты скажешь!» — Но она молчала... Пальцы судорожно мяли кружевной платок, плечи опустились, и вся она сжалась под тяжестью его слов.

— Тебе надо заняться делом. Я уже давно говорил об этом и подобрал тебе работу.

— Но я не умею работать, Коленька.

Он поморщился.

— Научись! — просто сказал он. — Тебе надо чем-то и на что-то жить. С первого числа я перехожу в столовую. Весь паек нужно сдавать.

Она сидела подавленная, все еще не в силах оторвать глаза от его худой шеи, не смея посмотреть ему в лицо.

— Ты совсем разлюбил меня, — вырвалось у нее. Это было не то слово, которое она должна была сказать ему

сейчас, но она не знала, что сказать? Мысли притупились...

— Не любишь?.. — повторила она и увидела, как изменилось лицо Быстрова.

— И ты еще спрашиваешь? — Он произнес это шепотом, не в силах побороть охватившие его чувства глухого раздражения и горькой обиды. Тогда возле озера после слов Климова ему показалось, что эта женщина плюнула ему в лицо. — Не любишь?.. — медленно повторил он, провел по лицу рукой, повернулся и пошел в кабинет. Говорить было не о чем. Раиса бросилась за ним. Пусть он только разрешит быть возле себя, пусть не любит, пусть не признает в ней жену, но пусть она останется здесь.

«Что я с ним сделала? Боже мой! Что я с ним сделала?» — лихорадочно думала она, и в ней поднялось совсем новое чувство, не похожее ни на страх перед будущим, ни на стыд за настоящее.

Раиса впервые отчетливо увидела свою вину перед этим человеком. Не себя — его жалела в этот миг за безрадостное детство, о котором он так много рассказывал ей, за трудные годы учебы, постоянную усталость от работы, за все то, чего не сумела или не хотела Раиса отдать ему.

— Николай! — Ей показалось, что она крикнула, судорожно рванув дверь кабинета, а это был только шепот. — Николай!

И услышала:

— Оставь меня, прошу тебя, оставь!

Раиса крепко сжала пальцами виски, молча прошла к себе в комнату, плотно закрыла дверь. Бросилась на кровать и дала волю слезам.

Глава 19

Большое оранжевое солнце выплыло из-за дальнего края тайги и стало медленно подниматься над полями. Небо, до этого полыхавшее красноватыми отсветами, поголубело. На нем резко обозначались гряды легких матовых облачков. Они словно порисли над пашней, дожидая попутного ветра. Ночные тени, державшиеся возле одиноких деревьев у дороги, отступили, рассеялись.

И сразу в кустах резко крикнула иволга, словно дробуя отдохнувший за ночь голос. Коротко, несмело отозвался ему жаворонок, но, почуяв силу своей песни, взмыл над полями и там, никому не видимый, зацелкал, зазвенел серебряной трелью. Полились на землю ни с чем не сравнимые звуки песни, славящей солнце и жизнь.

На дорогу, на оброненные людьми зерна, с размаху бросилась шумная стайка воробьев. Степь просыпалась.

Надежда Григорьевна часто встречала день в поле, и каждый раз рассвет приходил в неповторимой игре красок и оттенков. Корнева шла по узкой тропе, проложенной у обочины дороги, наслаждалась свежестью раннего утра.

В том месте, где от большака начинался проселок, рос старый раскидистый дуб. Надежда Григорьевна остановилась, прислонилась спиной к дереву и любовалась рассветом. Ей хотелось запомнить все его переходы, цвет облаков, освещенных лучами восходящего солнца, и потемневший в этот час зубчатый край тайги, и нежную зелень травы, просвечивающую сквозь матовую росу. Казалось, что все эти краски постоянны и завтра будут такими же, как сегодня. Но наступал новый рассвет, а они не повторялись.

Надежда Григорьевна заметила большую лапчатую ветку дуба — с листьев свисали крупные капли росы. Возникло желание отряхнуть всю ветку на себя. Так когда-то, очень давно, бегая девчонкой по саду, она стряхивала на себя росу с черемухи. Надежда Григорьевна подняла руку и сильно тряхнула ветку. По спине от холодного росяного душа побежали мурашки. Надежда Григорьевна выскочила из-под дуба и засмеялась. Как хорошо!

Она вышла на пригорок и оглянулась. Степь серебрилась в сизой росе. Из села потянуло дымком — хозяйки топили печи. Прямо из-под ног выпорхнула пичужка и как-то неловко, словно подстреленная, на одном крыле перелетела через канаву.

«От гнезда отводит, — подумала Корнева. — Жизнь, всюду жизнь. Никому никогда не остановить ее!»

Надежда Григорьевна пошла дальше, прислушиваясь. Нет, тракторы еще не работали. До слуха лишь донеслись отдельные выхлопы моторов — трактористы готовили машины.

«Кто сегодня первым пойдет в борозду?» — думает Надежда Григорьевна и отчетливо слышит, как слева за небольшой сопкой ровно загудел мотор.

«Ого, Кузьма опередил Ньюшу! Трудно приходится парню: работает полевым бригадиром и Сергею помогает на тракторе».

Загудел второй мотор.

«А, Ньюша! С добрым утром, моя хорошая!» Теперь мысли Корневой приняли привычное направление. Она ускорила шаг, все еще прислушиваясь: пробовала угадывать по звуку, чей трактор. Сережа утверждал, что у каждой машины свой голос. Корнева с ним соглашалась, но сама различать моторы по голосам не умела. Зато отлично знала, где и чей трактор работает. Дорога обогнула сопку, и потянулись пашни. Это были лучшие земли колхоза, их называли «Зеленый гай». Сопка как бы граничила между таежным и степным районами. Тайга за эту сопку не пошла, давая возможность человеку заниматься тут извечным трудом хлебороба.

Ближе всех к Надежде Григорьевне оказался трактор Кузьмы. Вот он с большим пятикорпусным плугом прогрохотал мимо, Кузьма приветливо помахал рукой.

Надежда Григорьевна проследила взглядом, как врезаются в землю лемеха, разделяя мощные пласты земли. Черные, отливающие на солнце серебряным блеском, они медленно переворачивались, подгребая колючую щетку прошлогоднего жнивья.

Вороны, галки, скворцы кружились по следу трактора, опускались на землю, выискивая жирных червей. Их крик, и звук работающего мотора, и возгласы, которыми обменивались трактористы и прицепщики, голубизна неба — все это создавало ощущение прекрасного.

Есть что-то притягивающее в самом процессе пахоты. Хочется идти и неотрывно смотреть, как перевертываются эти бесконечные пласты земли.

Корнева пошла вслед за трактором, не отрывая глаз от лемехов. Трудно было идти по кромке развала пласта, еще труднее — по самому пласту. Ноги увязали в почве, земля насыпалась в башмаки, но Корнева все шла, ничего не замечая.

Трактор сделал разворот, послышался резкий выхлоп мотора. Кузьма, поравнявшись с Корневой, крикнул:

— Устанете, Надежда Григорьевна!

Она не поняла, о чем он, и тоже крикнула, переспрашивая:

— Что?

— Устанете идти за нами, — донеслось до нее уже издали.

Возглас Кузьмы вывел ее из задумчивости. В самом деле, чего ж это она идет за трактором; ей надо возвращаться на стан. А там закружили ее заботы дня, и только к вечеру Надежда Григорьевна вернулась на этот участок. Несла в руках мерку, заботливо сделанную для нее Андроничем.

Работа, кажется, нетрудная — ходи с меркой по полю да записывай замеры в тетрадь, но без привычки Надежда Григорьевна скоро почувствовала усталость. Ныло плечо; правая рука, что перебрасывала мерку, затекла. Болели ноги, натруженные ходьбой по вспаханной почве. С трудом довела работу до конца. Когда вернулась в село и зашла в контору колхоза, чтобы отдать бригадирам сведения, казалось, каждая косточка дает о себе знать.

Кузьма уже был здесь.

— Утомились, Надежда Григорьевна? — участливо спросил он.

— Есть немного, — ответила она улыбаясь. — Ничего, привыкну. Записывайте вот, кто сколько сегодня работал.

Кузьма записал данные к себе в тетрадь и отдельно на листок, который подал Вере Петровне.

— Ну, — сказала она, посмотрев на итог, — ежели так у нас дело пойдет, обижаться народ не станет.

Нюша первая среди трактористок не выключила трактор на время обеда, а осталась работать сама, отпустив сменщика. Об этом через полчаса оповестил трактористов экстренный «боевой листок». А через два дня уже никто из механизаторов не останавливал машину на обед, и сменный график был значительно перевыполнен.

Работа спорилась. За первую пятидневку было много запахано и засеяно. Вера Петровна торопила:

— Приналягте, роденькие, приналягте!

«Что уж она такая жадная? — недоумевала Корнева. — Ведь и так хорошо работают».

К вечеру шестого дня сева на поле приехал Воронов, отвел Корневу в сторону и тихонько сказал:

— Работаете вы, товарищи, отлично, да ведь в молчанку.

Надежда Григорьевна смотрела на Воронова, не понимая.

— Да, да, в молчанку, — повторил он. — Только вы одни и знаете, как у вас идут дела. Так нельзя. Люди должны знать, что делается у соседей, что у них хорошо, что плохо. Это совершенно необходимо для того, чтобы хорошее взять, плохое откинуть. Сев — это наступление, дорогой товарищ, как же можно в молчанку...

— Я понимаю, но... — начала было Корнева.

Старик перебил ее:

— Никаких «но». Почему бы той же Нюше Прониной или ее брату не вызвать на соревнование трактористов «Колоса» или даже «Зари»?!

— Это было бы замечательно, — проговорила Корнева, — но согласится ли Нюша.

— Опять «но». Как это не согласится? Надо, чтобы согласилась. Подумайте. Только не больно задерживайтесь с думами-то. Сев не ждет. Вот так. Ну, давайте руку, я поехал.

В обеденный перерыв Корнева передала Нюше свой разговор с Вороновым. Девушка не соглашалась:

— Боюсь я.

— Чего?

— Не справлюсь, оскандалюсь, ведь засмеют.

— Нюша! Ты же глупости говоришь. Ты же все время идешь с перевыполнением графика.

Но сразу убедить Нюшу было невозможно. Ни за что не хотел выступать инициатором соревнования и Сережа. Надежда Григорьевна решила отложить этот разговор до вечера, тем более что приехал Малышко, привез на поле свежие газеты и почту. Тоненький пакет с черной каймой он молча отдал Нюше. Она сразу поникла и опустилась на землю. К ней подошла Надежда Григорьевна.

Они сидели прямо на земле, и Нюша плакала на коленях Надежды Григорьевны. Никифор Спиридонович беспрерывно курил. Седая борода его тряслась. Наконец он подошел к Нюше и, низко наклоняясь над ней, сказал:

— Доченька, милая, горе великое, да ведь не помо- жешь Павлуньке слезами-то! Себя изведешь... Не плачь, доченька.

— Нету Павлуньки на свете... как же это нету? — простонала она, уткнувшись лицом в траву.

Вокруг них начали собираться люди. Надежда Григорьевна жестом остановила их, и ее поняли. Хлопцы первыми пошли к тракторам. За ними двинулись девчата. Услышав гул тракторов, Нюша встала, молча утерла лицо, поправила косынку и пошла к своей машине, низко наклонив голову. Плечи ее опустились, руки повисли, словно ушла из них вся сила. Идет, безразличная ко всему окружающему.

— Надежда Григорьевна! Куда уж ей на трактор? Ее бы до дому свезти... — шепнул Никифор Спиридонович. Корнева кивнула головой, подошла к ней.

— Пойдем на стан, Нюша.

Нюша тяжело подняла веки:

— Идемте, ежели надо. Мне все равно...

Когда сев подходил к концу, погода испортилась. С юга поползли тучи, подул резкий ветер, разваливший скирду прошлогодней соломы. Сухие желтые соломинки крутились в воздухе и медленно падали на землю. При- молкли птицы.

«Так вот почему торопила Вера Петровна. Неужто поломает нам дождь все планы?» — думала Корнева.

И дождь поломал. С шумом и грохотом ураган налетел на Долинки. Он обрушился на нежную, неокрепшую листву деревьев, отдирая ее от ветвей, на молодую траву, заноса ее песком. Два часа продолжался ливень и прекратился так же неожиданно, как и начался. Это была плохая примета. Хотя небо и посветлело, но люди опасно оглядывали горизонт. Надежда Григорьевна прибежала домой промокая до нитки. В дверях столкнулась с Прасковьей Ивановной.

— Иди, иди обсушивайся, я плиту протопила. Только в избе-читальне уборку кончила, он и полил. До дому не дошла, у тебя пришлось переждать, — рассказывала она своим обычным быстрым говором. — Давай стаскивай мокрую одежду-то. Эх, — вздохнула Науменко, — пойдет теперь лить, не даст и отсеяться. Ну, пошла я, — заторопилась она, — а то опять до дому не доберусь.

Действительно, скоро дождь полил снова. Шел он

всю ночь и весь следующий день. Земля уже не впитывала воду, и по улицам текли не ручьи, а настоящие реки. В Перекатной вода поднималась на глазах. Все полевые работы прекратились.

Прошли еще сутки, дождь не переставал. Только на пятые сутки немного прояснилось. Кузьма и Сергей вскочили на коней, Нюша тоже не осталась — и поскакали в поле.

В колхозной конторе, куда пришла Корнева, было полно народу. Разговор, видно, не клеился, и в комнате было тихо. Увидев Корневу, Вера Петровна хотела улыбнуться, но эта неудавшаяся улыбка еще больше подчеркнула общую настроенность.

— Поскакала наша разведка, что-то привезут... — вполголоса проговорила Вера Петровна.

— А что они могут привезти? — недоуменно спросила Корнева.

Вера Петровна покачала головой.

Послышался топот копыт, и через минуту Нюша, Кузьма и Сергей вошли в дом. Их сразу окружили, посыпались вопросы.

— Тихо, товарищи, — поднял руку Кузьма и, обращаясь к Вере Петровне, доложил: — Гектаров двадцать, Вера Петровна, но не сплошь — местами, а вот на том участке по балочке, за который вы боялись, очень плохо. Гектаров семь смыто до щебня. Теперь там и пахать нечего.

Только сейчас Надежда Григорьевна поняла, что ливень принес с собой беду. Полностью ее размеры она себе еще не представляла. Словно угадывая ее мысли, Смелик сказала:

— Поезжай, Надежда Григорьевна, туда. Замеры сделаешь, а заодно увидишь все сама, тогда поймешь, как тут в Приморье бывает. — Помолчала, подумала, потом добавила: — Вместе, однако, поедем... Ладно, могло быть и хуже. Ну что же, товарищи, — обратилась она к колхозникам, — давайте расходиться. Бригадиры, распределяйте народ — кого на ферму, кого на парники. Оставьте людей и возле амбаров, будем работать, где можно.

Ровное овсяное поле, засеянное Нюшей, было сплошь изрезано большими и мелкими канавками, по которым все еще шумно бежала вода.

На другом поле, где до ливня зеленела и кустилась

озимь, все покрылось песком, мелкой галькой и щебнем, принесенным водой. Кое-где озимь осталась нетронутой, и эти густые зеленые полянки еще больше подчеркивали печальный вид поля.

Но самое страшное было на участке, расположенном по небольшому склону сопки. Тут совсем не осталось почвы. Словно какая-то огромная лопата прошла по полю и сняла всю землю до подпочвенного слоя.

— Какой ужас! — вырвалось у Корневой.

— Никакого ужаса, — спокойно проговорила Вера Петровна, натягивая поводья, принуждая остановиться нетерпеливого коня.

— Стой, Рейд, стой. Никакого ужаса. Двадцать гектаров пересеем, еще не поздно, а сюда навоз будем возить. Почву станем делать заново. Не слыхала такого — узнаешь. Да, могло быть и хуже. Это только так — верхняя вода. В иной год Перекатная нас крепче наказывает, только за что вот, никак не пойму.

«Какая же ты трудная, приморская земля, — думала Корнева. — То даешь простор делам человека, то загнояешь его в тиски».

Глава 20

После ливня не скоро выехали долины в поле. Ливень словно смыл солнце. В туманные, серые и холодные дни почва не просыхала, а, как говорил Андронич, заки-сала. Каждое утро трактористы уходили в поле, но возвращались обратно. Почва превратилась в густое месиво, в котором машины не шли. Нельзя было ни пахать, ни сеять.

В эти трудные дни у Ньюши созрело твердое решение. Она подошла к Корневой:

— Надежда Григорьевна. Я вот думаю... Был бы с нами Павлунька, он бы стал соревноваться.

— Обязательно. Без этого ни в чем нет движения дальше, Ньюшенька.

— Я поняла. Так вот, давайте напишем в «Колос» и в «Зарю» про этот вызов на соревнование. Пусть не корят, что мы только со слабым колхозом хотим соревноваться. Поглядим, как трактористы в «Заре» развернутся. Ребята мои согласны...

Корнева крепко обняла девушку.

— Вскоре после ливня в колхоз приехал Курмышов.
— Здорово живете, — воскликнул он, входя в контору. — Сколько засеяли?

— До ливня было семьдесят пять процентов, а сейчас меньше, — ответила Вера Петровна.

— Снижение? — заговорил он с досадой. — Сейчас вы все готовы за счет ливня списать. Не выйдет, слышите, не выйдет! Никаких «сырых» настроений. — Его зычный голос прокатывался по всему дому колхозной конторы.

— В «Заре» сеют, в колхозе Димитрова сеют, а в «Таежном ключе», видите ли, сыро.

— Тракторы вьзнут, товарищ Курмышов, — пробовала объяснить Смелик, но Курмышов ее не слушал.

— Где Корнева? — спросил он одного из трех дюжих парней, только что вошедших в контору. — Где Корнева? — все тем же тоном повторил он. — Надо позвать!

— Она сейчас придет и без вызова, — проговорила Вера Петровна.

— Мне ее ждать некогда! — сердито бросил Курмышов.

— Да вот она, идет.

В дверях показалась Корнева.

— Легка на помине, за тобой уже посылать хотели, — проговорила Смелик.

— В чем дело? — спросила Корнева.

— В графике, — выпалил Курмышов. — Что же это у вас получается, Надежда Григорьевна, график-то сорван! С конца первыми хотите стоять по севу?

— Здравствуйте, товарищ Курмышов, — подчеркнуто спокойно проговорила Корнева, протягивая ему руку.

Председатель райисполкома смутился. «Фу ты, черт, — подумал он, — опять она меня поддела». Желая поправить ошибку, он встал и пожал ей руку. Парни в дверях засмеялись. Корнева указала на стул:

— Присядьте, вы, наверное, устали?

Он не уловил иронии, сел, обмахиваясь платком.

— Конечно устал, целый день мотаешься. Так в чем дело, Надежда Григорьевна?

— В ливне, товарищ Курмышов. Давно бы закончили, если бы не ливень.

— Ну, знаете, — перебил он, — от кого другого, но

от вас я подобных разговоров не ожидал. Вы же коммунист, избач, вы должны всю политическую работу с народом нацелить на решение важнейшей задачи сева, а вы что делаете? Поддаетесь «сырым» настроениям. Вы должны глубоко вникать во все, что делается.

— Вникает, товарищ Курмышов, — проговорила Смелик, — очень даже хорошо вникает, не обижаемся. Все наши дела у Надежды Григорьевны как на ладони. Она же у нас учетчиком работает.

Эти слова озадачили Курмышова. Он вопросительно смотрел то на Смелик, то на Корневу.

— То есть как это учетчиком? А кто же у вас избач? Почему мы ничего не знаем о вашем переходе на другую работу?

— А я и не думала оставлять работу избача, я совмещаю. У нас в колхозе не хватает людей. Я вам могу дать точные объяснения о причинах задержки сева и убытках, причиненных ливнем.

— Вы жмите график! Сейчас это основное, а все ливневые разговоры — в сторону! Ясно?

Корнева бросила взгляд на Смелик. Та покусывала губы. Парни по-прежнему стояли в дверях и в упор рассматривали Курмышова. Корнева заметила чуть сощуренные глаза Кузьмы и его насмешливый взгляд. Когда председатель райисполкома потребовал жать график, Кузьма не выдержал, протиснулся вперед и по-школьному поднял руку, согнув ее в локте.

— Разрешите два слова?

В наступившей тишине было слышно тяжелое дыхание Курмышова.

— Ну, что у вас? — обернулся он к Кузьме.

— То же, что и у вас, — ответил тот. — Ливень прошел, все раскисло, трактор пускать невозможно. Поедемте сейчас на поле, попробуем «жать график».

— Ах, вот что! — вскипел Курмышов. — Председатель райисполкома должен вас за ручку взять и в поле вести. Ничего себе, на высоте у вас дисциплина. — Он метнул в сторону Корневой недобрый взгляд. — Что ж, сделаем выводы.

— Вот, вот, мы о выводах и говорим, — подхватил Сергей. — Поедьте, сделаем выводы!

— Едемте, я вам сейчас докажу. — Курмышов направился к двери, на ходу надевая шапку.

— Ох-ох-хо, — шумно вздохнула Вера Петровна, — пока вы там будете доказывать, мне, видно, надо готовить волов вашу легковушку вырывать, — и, не обращая внимания на Курмышова, на секунду остановившегося в дверях, крикнула в окно проходившему мимо Корнеичу: — Корнеич, где быки? Готовь-ка пару, райсполкомовскую эмку будем тягать.

— Так ить она возле конторы на ходу?!

— Сейчас на ходу, а через час посмотрим.

Садясь в машину, Курмышов открыл дверцу для Корневой. Увидев, что желающих ехать набралось порядочно, крикнул:

— Ну, кто там еще?

— Ни, мы верхи, — ответил за всех Кузьма.

«Что ж он в самом деле, не видел, что ли, когда сюда ехал? — спрашивала себя Корнева. — «Жми график»... И что это за инструкция такая?»

Курмышов молчал. Он был глубоко убежден в своей правоте. Он от слова до слова вспомнил свой ночной разговор по телефону с крайзо. Из Владивостока намекали насчет «сырых» настроений. Для него это прозвучало почти командой. Курмышов не привык обдумывать приказы. И не только приказ был важен для него. Любую мысль вышестоящего начальника он, по его собственному выражению, принимал к исполнению. Что из того, что завтра при хорошей погоде можно будет сделать втрое больше, чем сегодня?! Во Владивостоке сказали — сеять. Значит, надо сеять, а сырость — ах, касатики, кто этому поверит!

В эту минуту машина въехала в разбитую колею, полную густой грязи, и тяжело села на диффер. Колеса вращались вхолостую.

— Эх! — вздохнул шофер. — Говорил я вам, товарищ председатель.

Курмышов открыл дверцы и, встав на крыло, крикнул:

— А ну, хлопцы, помогите!

Но как ни толкали хлопцы машину, сколько ни копали под ее «брюхом», снять эмку не могли.

— Без буксира не стянем, — заявил шофер, измазанный грязью.

— Черт возьми! — ругался Курмышов. — Неужели придется за быками посылать?!

Сергей как будто только того и ждал.

— Это можно, товарищ председатель, это мы мигом, — скороговоркой протараторил он, хитро подмигивая товарищам. — Зараз буде вам цоб-цобе! — закричал он, вскакивая на коня.

Надежда Григорьевна сидела в машине и давилась от смеха.

Волы действительно скоро пришли к месту происшествия. Хлопцы рассчитывали, что Курмышов не выйдет из машины. Корневу они сами не выпустили. Ко всеобщему удивлению, он вышел и тоже начал вместе со всеми толкать машину. На волов он кричал громче всех: «Цобэ-цоб-цобэ!» Время от времени он поглядывал на часы и вздыхал:

— Опаздываю, непростительно опаздываю!

«Так тебе и надо, — думали парни. — Жми свой график, а то пройдет заседание без тебя».

Но Курмышов спешил вовсе не на заседание.

На восемнадцать ноль-ноль секретарь крайкома партии назначил переключку районов по телефону. Курмышов во что бы то ни стало хотел находиться возле аппарата. Может, и он свое слово скажет секретарю. Прямо, мол, с полей — и к аппарату. Оперативность, черт побери!

Глава 21

Погода установилась только через несколько дней. Утром Корнева выглянула в окно и поразилась: село окутала густая молочная пелена. В двух шагах ничего нельзя было разобрать. Потом появились разрывы. Туман словно подрезало. Часть его поднималась кверху, рвалась в клочья, повисая на ветвях деревьев, на крышах домов. Другая часть прижималась к земле. Сырость проникала до самых костей. Корневой овладело гнетущее состояние. Работа не шла, ни за что не хотелось браться.

— Андронич, когда же солнышко будет? — спросила она старика.

— Сегодня будет, — ответил Андронич. — Часа в три жарко будет.

— Что-то не похоже.

Но вскоре Корнева заметила, что туман действитель-

но уходит. Светлело на глазах. Светлело как-то особенно, словно солнце было совсем близко, но все еще не показывалось. А к полудню оно поднялось над тайгой, яркое, горячее, и сразу вызвало сильное испарение земли.

— Вот, Григорьевна, примечай, — наставлял Андронич. — Вредные это воспарения для людей. Век живу здесь, а дышать в такую сырость и мне тяжело. Ежели ты, к примеру, нонче-завтра не свалишься — никакая тебя болесть в наших местах не одолеет.

«Так вот почему у меня такое тяжелое настроение и голову давит», — подумала Корнева.

Установилось тепло. Приехал агроном. Обсудили, где и чем пересеять, как расставить машины, чтобы в самый короткий срок закончить посевную. Люди опять переселились на полевой стан.

В эти напряженные дни Вера Петровна обратила внимание Корневой на перемены, происшедшие с Федором Зайцем. Ни от какой работы он не отказывался, выполнял по две нормы.

— За ум, видать, берется, — говорили женщины.

Давно он изменил свое отношение к Корневой. Теперь он не преследовал ее, наоборот — при каждом удобном случае обращался за советом, старался все время быть на глазах. Он добился даже того, чтобы в стенной газете о нем написали как о колхозном активисте.

Вместе с Верой Петровной Федор составил акт на пропавшее сено, сам передал дело прокурору. Он был спокоен, так как хорошо знал, кому продал сено. То были «чужаки» — не свои чернореченские шоферы, а «командированные» из Владивостока. Поди ищи теперь ветра в поле...

Откуда Федору было знать, что в больницу к Сергею Михайловичу Климову на следующее утро после пропажи долинского сена был доставлен шофер с тяжелыми ушибами. Его груженная наспех тяжелая машина с сеном перевернулась недалеко от Чернореченской.

Раиса уезжала из Чернореченской ярким июньским днем. В палисаднике цвела сирень. Густые пахучие кисти свешивались прямо на подоконник. Рядом в блестящей листве даурской березы пели птицы. Раиса склады-

вала чемодан и прислушивалась к их разноголосому гомону. Она ловила себя на том, что подолгу стоит над раскрытым чемоданом и держит в руках платье или простыню, не зная, как уложить. Наконец, взглянув на часы, поняла, что до поезда осталось мало времени. Скоро придет машина, а сборы еще не окончены. Тогда Раиса заспешила, лихорадочно заталкивая вещи куда попало. Заперла чемодан и устало опустилась на стул. Оглядела пустую комнату. Как ни странно, почувствовала какое-то облегчение, словно в давящем одиночестве, в котором она жила в последние дни, наступила разрядка.

Раиса подошла к раскрытому окну, прислушалась к птичьему гомону на березе.

«Чему они радуются?» — подумала Раиса и вдруг заметила маленькую птичку. Она покачивалась на пружинистой ветке сирени, наклоняя то вправо, то влево свою крохотную головку. Из вздрагивающего горлышка ее вылетали звуки, за которые пичужку назвали цикалкой. Звуки были удивительно чистые, веселые. Раиса горько улыбнулась. «Солнцу радуются, жизни. У каждой пичужки своя жизнь, только вот моя не удалась».

Пока Раиса стояла у окна, поджидая машину, многое вспомнилось ей. Вспомнилось, как четыре года назад ввел ее Быстров в эту самую комнату, как она хозяйничала тут.

Машина задержалась. Раиса пошла было в кабинет позвонить по телефону в гараж, но вспомнила, что все комнаты, кроме той, в которой она жила, заперты. Неделю тому назад Быстров переехал на другую квартиру. Потом пришли управдом, заведующая детским садом, плотник. Они ничего не сказали Раисе, укрывшейся в своей комнате, но она поняла все. Теперь уж действительно надо уезжать. Быстров сделал так, как говорил, — отдал домик под детсад, а ей подыскал квартиру. До малейшей подробности встал в памяти последний разговор.

— Я тебе говорю дело, — слышалось ей и сейчас. — Оставайся в Чернореченской. В райпотребсоюзе есть место, подучишься, будешь работать. Не хочешь жить одна, живи с медсестрами — у них есть свободная комната.

— Молчи! — закричала Раиса. — Уж не хочешь ли ты, чтобы я принимала помощь твоих друзей.

Быстров пристально смотрел на нее. У нее закружилась голова, она оперлась рукой о спинку стула, а он все не отводил глаз от ее лица, и Раиса поняла: он прощался, но не с ней, а с тем лучшим, что было у них, что могло расцвести и не расцвело, прощался со своей мечтой, красивой и чистой.

Что она могла сделать? Броситься к нему, просить прощения? Но жалостью не вернуть былого. И она сказала грубое, пошлое, что помимо ее сознания пришло на язык:

— Уйду, чтобы не дышать одним воздухом с тобой.

Он ничего не ответил. Повернулся и медленно вышел из комнаты. Она опустилась на пол и прижалась горячей щекой к холодному сидению стула.

Глухой хлопок входной двери убедил ее в том, что она осталась одна в пустом доме. Она заплакала...

Резкий сигнал машины оторвал Раису от тяжелых дум. Вошел Володя — помог вынести вещи. Она вернулась в комнату, посмотрела, все ли взято, потом заперла квартиру. Когда же надо было уже садиться в машину, Раиса почувствовала, что не может уехать, не увидав Быстрова. Вся поддавшись этому стремлению, она сказала шоферу:

— Володя, заедем в райком, мне надо... — хотела сказать «к мужу», но замялась и произнесла: — к Николаю Гавриловичу.

Володя удивленно взглянул на нее:

— Так ведь Николай Гаврилович в командировке. Разве вы не знали?

— Ах, да, я забыла, — невнятно пробормотала она.

На станции Володя помог ей сесть в переполненный вагон. Вещи кое-как рассовали, но самой Раисе сесть было некуда. Часть купе занимали два сотрудника милиции. Они везли арестованного. Везде сидели пассажиры так плотно, что нечего было и думать протиснуться среди них. Поезд пошел, а Раиса так и осталась стоять.

— Садитесь, гражданочка, — предложил один из милиционеров, отодвигаясь в самый дальний угол. — Поместимся как-нибудь...

Раиса поблагодарила и села с краю. Прислонившись к спинке сидения, попробовала дремать, но сон не шел. Взгляд упал на арестованного; где она его видела? И вдруг вспомнила. В прошлом году Быстров затянул ее

на районное совещание работников сельского хозяйства. И вот там этот человек... Ну да, конечно, он выступал и так смешно говорил: «На сейчасешный момент». Он тогда так и не кончил свою малопонятную речь. Истекло время, а больше не дали.

Глава 22

Прасковья Ивановна Науменко ходила по огороду Корневой, осматривая гряды с капустой.

— Ну и хозяйка, ну и насадила рассады, — ворчала она, то и дело нагибаясь и выдергивая пустышки. Сперва она собирала их в руку, как букет, но пустышек было так много, что Прасковья Ивановна стала бросать их прямо на тропу. Грядка оголилась.

— И наши хороши, — негодовала Науменко. — И у кого она такую рассаду брала? Ах, негодники, ах, подвели женщину!

— Кто это вас подвел, Прасковья Ивановна?

Науменко обернулась и увидела подходившую Надежду Григорьевну. В руках у нее была пустая холщовая сумочка, точь-в-точь такая, как у других колхозниц. В таких обычно в поле носят еду. Видно, Корнева возвращалась прямо с работы.

Увидев опустошенные грядки, она оторопела:

— Что вы делаете, Прасковья Ивановна?

— Дрянь выбрасываю, — спокойно ответила Науменко. — А ты вот куда смотрела, когда садила? Я тебе как говорила? Осмотри каждый корешочек: сердечко есть, листочек крепенький, развитый, а под ним другой, махонький, и мочка у корня хорошая — тогда сади. А ты что садила? Пустышки? Ну смотри: и этот пустой, и вот этот...

— Подумать только, какая красивая рассада была, — с досадой проговорила Надежда Григорьевна.

Прасковья Ивановна покачала головой:

— Э, Григорьевна, пустое-то всегда на первый взгляд пышным кажется. Ну, давай поправлять. Идем ко мне. Возьми у меня рассаду да засади все снова. Еще не поздно, вырастет.

Корнева стояла у грядки, опустив голову. День был очень трудным — много замеров, в обед провела бесе-

ду, выпустила стенгазету. Не было ни минуты отдыха, она очень устала.

— Нет, Прасковья Ивановна, не могу я сегодня, спасибо вам, но не могу.

— Это почему же? Устала, что ли? Да две сотни разве долго посадить. А как же наши женщины? Ведь они сейчас дотемна на своих огородах будут копать! Я тоже весь день на поле работала...

— Не знаю. Устала я, да и не выходит ничего у меня. Нынче опять не все замерила... — Она резко повернулась, подхватывая свалившийся с плеча платок, и пошла в комнату. Прасковья Ивановна — за ней.

Корнева присела у стола, подперев голову рукой. В комнате, всегда такой опрятной, царил беспорядок. Постель с утра не застелена. Посуда под полотенцем не мыта, плита давно не топлена, отчего в квартире пахнет нежилым.

— Не знаю, Прасковья Ивановна. Говорю вам, не получается, — отвечала Корнева. — Казалось, что все осилю, а вот не выходит. Вся неделя такая бешеная. Мне бы только с учетом справиться, где уж там дом да свой огород!

— Ух ты как! Раскатилась — и колес не видать! — насмешливо заговорила Прасковья Ивановна, садясь рядом с Корневой. — Ты это сама удумала? Да ежели все наши женщины так станут рассуждать, так это что же: семья пропадать должна? А у которой по четверо, по семеро детей, тогда что? Не дело говоришь, Григорьевна. Всему свое время — и домашней, и колхозной работе. Ляг попозже, встань пораньше. На то оно и лето. Все успеешь сделать, и кошки на душе скрести не станут. — Прасковья Ивановна наклонилась и заглянула ей в глаза: — Скребут они у тебя, наверное, а?

— И это есть.

— Вот в этом-то вся причина, — решительно проговорила Науменко и поднялась. — Ну, вот что, — продолжала она, берясь за совок. — Раз такое дело, давай плитку растопим, приберем, а капусту завтра посадим. До троицы все садить можно, а она еще далеко.

— До троицы? Почему до троицы?

— Как почему? Сроки такие. Ты наши здешние сроки примечай. Огурцы вон у тебя хорошие, ты их когда садила?

— Не помню, недели две назад.

— Ага, правильно, угадала, пять дней после никола хорошо садить, будут ранние.

Говоря это, Прасковья Ивановна быстро наводила порядок. Зашумела плита, мигом была застлана посеть, вымыта посуда. Поддаваясь кипучей энергии этой женщины, Надежда Григорьевна сама взялась за работу.

...Был поздний вечер, когда Надежда Григорьевна проводила Науменко домой. В воздухе стояла тишина, не колыхалась ни одна веточка. Вид темного неба, усыпанного звездами, успокаивал Корневу, приводил в равновесие. Остро пахло тополем и молодой травой. Обе женщины шли молча, каждая по-своему воспринимая весеннюю ночь.

Недалеко от своего дома Прасковья Ивановна приказала:

— Ступай, Григорьевна, спать. Да— чуть не забыла! — рассадой-то этой тебя кто наградил?

— Даже не знаю, чью я высадила, — вспоминая, как было дело, ответила Корнева. — Один пучок мне принес Юрка Смелик с наших колхозных парников, а другой? — Она схватила Прасковью Ивановну за руку. — Батюшки! Так это я, наверное, Федора Зайца рассадку высадила.

— Ах ты сукин сын! — плюнула Прасковья Ивановна. — И тут напакостил! Ступай, Григорьевна, спать, ступай.

Корнева вернулась домой. Долго стояла у распахнутого окна, потушив свет, чтобы в комнату не летела мошкара, и думала о том, как просто объяснила Прасковья Ивановна ее настроение. Конечно, дело не только в усталости, и даже совсем не в ней. Уставала она и раньше, но душу точила мысль: не выходит, не справлюсь, не сумею...

...Было и другое: видение большого цеха. Не города, нет. Воспоминание о разрушенных улицах, исковерканных, изрытых воронками от бомб мостовых бросало ее в дрожь... но цех?.. Стоило закрыть глаза — и она видела себя в светлом здании, слышала характерное жужжание станков, ощущала запах обрабатываемого металла. Она видела людей, среди которых прошли лучшие годы ее жизни. Все росла и росла горка их писем на ее этажерке.

Уже не один цех действует в Нагорном. Там возникло целое дочернее предприятие их родного завода, которое целиком работает на фронт.

Она сделала над собой усилие — видение исчезло, и представилось другое: она отчетливо увидела эту маленькую избу-читальню, опустевшую без нее, осиротевшую Веру Петровну.

Уйдет — образуется брешь. Потом она, конечно, заполнится, но не сразу. Не сразу так сживутся и работают люди, как сжились они.

Глава 23

Хлеба выколосились. В воздухе уже носился запах пшеничной пылицы. От малейшего дуновения ветра она поднималась и едва осязаемым слоем оседала на руках и лицах людей.

Надежда Григорьевна с Верой Петровной долго стояли у большого массива, любуясь высотой хлебов и величиной колосьев.

— Будет нынче хлебушек, — сказала Вера Петровна. — Вот, Григорьевна, смотри: большое дело сделали, а до пути его доводить еще ох как долго придется!

Надежда Григорьевна слушала молча.

Вот посеяли хлеба. Растут они, а сколько еще с ними работы, сколько тревоги за них. Кажется, целая жизнь пройдет, пока это зерно, которое еще не родилось, увидишь в закромах.

— Ты земле малое, а она тебе вдесятеро больше. Кто ее полюбит, от нее не уйдет, — задумчиво проговорила Вера Петровна.

Обе возвратились к тальнику, где был привязан Рейд. Путь их лежал к Синей сопке — надо было осмотреть покосы.

Вере Петровне давно хотелось показать эти места Надежде Григорьевне. Слева от дороги на перекате шумит Перекатная. Она бежит у подножия сопки, которые то поднимаются над противоположным берегом крутыми отвесными стенами, то спускаются к реке живописными пологими склонами. Эти склоны поросли невысоким кустарником и густой травой. Вправо от дороги тянутся поля.

У поворота река круто отходит от дороги и через большой перекат поворачивает к подножию хребта. В этом месте стоит вечный шум. Широко разливаясь по мелкому каменистому ложу с частыми невысокими порогами, река гудит, перекатываясь через камни. Перескакивая с порога на порог, она весело вздымает густую пыль брызг. От этого кажется, что над большим перекатом стоит постоянный туман. Он прикрывает собой и те места, где потише, через которые можно переправиться на другую сторону. Это заставляет даже опытных ездовых настороженно осматриваться, прежде чем пустить коней вброд.

— Примечай, Григорьевна, где брод, может когда одной ехать придется, — сказала она, осторожно пуская коня к воде.

Загремели по камням колеса. Вода вспенилась между спицами, швырнула в бедарку поток камней и гальки, будто пытаясь опрокинуть, но тщетно — Рейд уже выходил на противоположный берег.

Места становились все глуше и красивее. На сопках дремотно шумел кедрач, ласково перебирали тонкими ветвями даурские березы. Как гигантские свечи, взметнулись к небу лиственницы, а ближе к дороге, словно отбежали в молодости по любопытству от своих собратьев да так тут и остались на всю жизнь, — огромные белокрылые ильмы.

Пахло хвоей, травами и смолой. На солнце смолу густыми каплями источала кора елей.

С этого места дороги хорошо были видны сопки, одна выше другой. Самая высокая, окутанная синей дымкой, гордо вздымалась над всей округой, словно оглядывала безбрежное темно-зеленое море тайги.

— Вот она какая, Синяя сопка, всех в полон возьмет, — тихо сказала Вера Петровна, указывая кнутовищем на нее. — Эта сопка мне и Григория моего показала... Понимаешь, Надюша, росли мы с ним вместе, в школу бегали, жили в соседях, а увидела я его вот здесь, возле этой сопки... Бывает ведь так!

— Бывает, — отозвалась Корнева, отрываясь от чего-то своего.

Покос раскинулся в широком распадке между сопками. Высокая трава стояла в полном цветении — самое время косить.

Когда они вернулись в село, их встретил Андронич.

— Ну как, Петровна?

— На всех покосах трава поспела, косить пора.

— Значит, людей подымать надо.

— А справимся? — не вытерпела спросила Корнева. — К уборочной машины и инвентарь ремонтировать надо. Фермы к зиме готовить надо. Школу ремонтировать тоже надо. Сколько работы!

— Эх, матушка! — отвечал Андронич. — В деревне всегда так — лето в силу, мужик в пот. Ничего, не бойся! — подбадривал он. — Все успеем. К осени все хозяйство в кучу соберем, ежели, конечно, лениться не будем.

Этой мыслью Андронич всегда завершал свои рассуждения. Лень в человеке, по мнению Андронича, была залогом всех зол. «От лени до беды шаг недолог», — говорил он. Сам же он был неутомим в работе и умел организовать труд людей. Вера Петровна это хорошо знала и, когда снаряжала косцов в Дальний лог, бригадиром посылала Андронича.

В Долинках началась пора сенокоса. Лето стояло сухое и знойное. С утра было прохладно, а днем пекло. Машины и подводы двигались в облаках пыли. Толстым слоем она ложилась на придорожные травы и хлеба. Дождя не предвиделось. Траву, сваленную утром, к вечеру можно было переворачивать, а на следующий день копнить.

Люди радовались погоде. Все в Долинках помнили покос камыша зимой.

— Нет уж, повтора не будет, — твердо сказали комсомольцы.

«Боевые листки» и «молнии» мелькали теперь на полях, и в лугах, и на ферме. Они успевали рассказывать обо всем: кто сколько накосил, кто отстал, как идут дела у соседей, в «Колосе», и что надо долинкам, чтобы не ударить лицом в грязь.

Вечерами, когда на покосе затихала работа, наступало время песни. Она плыла над лугами то мечтательная, то задорная, то расплескивалась озорной частушкой.

Дальние урочища начинаются сразу за Синей сопкой. Глухая, нехоженная, неразбуженная тайга. Петляют, путаются меж корней едва приметные козы и кабаньи тропы. Вверху светло и шумно от птиц. Внизу

темно и тихо. Ураганному ветру и то трудно пробиться сквозь стену кедрача и ясеня.

Весь лес тут первого сорта. Строевой. Ему действительно цены нет. Но как взять его с сопок? Одна выше другой. Между ними крутые распадки.

— Дебря лес сразу не отдаст, — сказал про это место Андроныч. — Намучаются тут люди и лошади...

Смелик и Корнева сидят в председательской боковушке, думают, как решить эту задачу: взять лес во что бы то ни стало. На столе разграфленный лист бумаги — план лесозаготовок по месяцам. По сравнению с прошлым годом он значительно увеличен. Потому «Таежному ключу» и отвели лесосеки в дальних урочищах. Прикидывали так и эдак. Уверенности в успехе не было.

— Как ни гадай, а без ледянки нам не обойтись, — сказала Вера Петровна. Надежда Григорьевна теперь знает, что это значит. Конно-ледяными дорогами, а попросту ледянками пользуются лесозаготовители на севере. В Приморье это дело новое. Даже леспромхозы, имея специальные машины, только-только берутся за создание таких дорог. Зеленогорский леспромхоз преуспел. Прошлым летом на своих лесосеках леспромхозовцы нарезали колеи, а с первыми заморозками начали их заливку. Замораживать такую дорогу надо очень искусно. Ровный лед, словно рельсы, идет только по колеям. Под ногами у лошадей льда нет. Так подготовили десятки километров конно-ледяных дорог.

— Но ведь очень трудно строить ледянку. Как осилит? — спрашивает Корнева.

— Все равно надо пробовать. Иначе лес не возьмем, — твердо говорит Смелик.

Вскоре состоялось бюро райкома партии.

Докладывал Павел Петрович Быковский. Он возглавляет всю работу по лесозаготовкам в колхозах своей зоны. Несет полную ответственность за организацию работ и выполнение плана. Мнение Быковского в Долинках известно — он за постройку ледянки.

— Строить конно-ледяную дорогу в Дальних урочищах будет очень сложно, — докладывал он. — Это в полном смысле слова отвоевывать у тайги каждый погонный метр. Но другого решения вопроса у нас нет. Затратим силы и средства, но в ту же зиму, как только пойдет лес, получим отдачу.

Быковский обстоятельно изложил свой план, однако всеобщего одобрения не нашел. Многие считали, что постройку конно-ледяной дороги «Таежный ключ», «Колос» и многие другие хозяйства не осилит. Помешают летние дожди. Колея осыпется, ее замочит задолго до холодов. Да и весны в Приморье ранние — растает ледянка, не успев по-настоящему войти в строй.

Быстров дал высказаться всем. Выслушал все «за» и «против». Последней спросил мнение Смелик. Она ответила коротко:

— Я за ледянку. Без нее там лошади ноги переломают.

— И я за это, — поддержал Быстров. — Конечно, колхозу будет трудно. Обратимся за помощью к шефам, военным товарищам. Они не откажут.

С того дня и началось наступление на тайгу. Пришлось снять часть людей с сенокоса. Возглавил бригаду старый, опытный таежник, лучший в округе охотник Иван Фомич Седых. С ним восемь человек и три лошади. У военных достали большую палатку. Место для лагеря Седых выбрал на сопке под двумя огромными кедррами. Первым делом разложили дымокуры. Иван Фомич пришел в тайгу вместе с внуком, тоже Иваном, их так и зовут — Иван-маленький, Иван-большой. А этот маленький Иван — здоровенный голубоглазый детина, несмотря на свои шестнадцать лет, имеет в руках силу огромную. Парни подсмеиваются — и куда тебя только тянет. Гляди — выше деда!

— Нет, — отзывается Иван Фомич, — он только длиннее, а выше-то все-таки я.

Иван-младший пришел с товарищами. Молодым дружным ребятам не терпелось скорее начать дело. Первое важное поручение правления колхоза и комсомола в их жизни. Надежда Григорьевна им так и сказала:

— Дорогие мои, идете вы в тайгу на дело государственной важности. Не успеем в срок построить дорогу — задержим государству лес. Вы хорошо знаете, куда, на какие нужды идет он. Задержим мы здесь, и в самолетостроении какие-то части тоже не успеют в срок выйти с завода. Стало быть, сколько-то самолетов будет недодано фронту.

Иван-маленький шепнул Ивану-большому:

— Видишь, деда, как наша работа оборачивается — дело государственной важности. А то ты все твердил: «Мы лес корчевали, вам жизнь добывали, а вы на всем готовом...» Выходит, не на готовом. И нам приходится повоевать с тайгой.

— Ох ты воин! — отозвался Иван Фомич. — Ты сперва повоюй в полную силу, а потом и говори.

Это прозвучало как наставление. Ванюша понял: дед поблажки не даст. Раз дали слово — держись.

Трасса начиналась у излучины Перекатной. По всей будущей магистрали забили колышки. Первым валили громадный кедр. Запилили его старейшие. Иван Фомич, его помощник Михаил Артюхов, потом к резу подошли Ваня-маленький и Вася Назаренко. Этим долго не хотелось уступать место следующей паре. Но обычай есть обычай: первое дерево пилит вся бригада. Наконец подпиленный до конца кедр какую-то минуту-две еще стоял и рухнул с гудом, с шумом. «Эх, жалко тебя, друг, стоял бы, красовался, а надо...» — думал Иван Фомич.

Потом каждая пара пилила отведенные ей деревья. Сразу же обрубали ветви, убирали верхушку и комель — как говорят лесорубы про ту часть дерева, что прилегает к корню, раскряжевывали дерево, распиливали по нужному размеру. Получались строевые бревна — хлысты, как их называют. Захлестнутые особыми тросовыми петлями, эти бревна сволакивали лошадьми к верхнему складу — трелевали. Эта часть работы была очень трудной. Особенно тяжело было с первыми хлыстами. Лошадям тяжело спускаться с сопки без троп. Приходилось направлять коней в обход валунов, которых здесь было немало, следя за тем, чтобы хлыст ни за что не зацепился. Скоро, однако, наметились волокни. Трелевать стало легче. Штабеля у верхнего склада Перекатной стали заметно расти. Не прошло и месяца — образовалась просека, по которой пойдет ледянка.

Вечерами жгли костры. У парней ныли руки и плечи. Иван Фомич и Артюхов подставляли к огню свои поясицы, но никто не жаловался.

Настал день, когда Иван Фомич дал команду валку прекратить и начать резать колею. Это была самая трудная часть работы. Цепкие сплетения корней рубили топорами, раздирали крючьями и метр за метром копали колею. Тяжело работать согнувшись, а тут еще гнус одо-

левать. В особенно жаркие дни, когда от густых испарений нечем было дышать и у людей начинались головные боли, работу прекращали. Иван Фомич гнал всех в палатку отдыхать. Ночью работы возобновлялись при свете костров. Все дальше и дальше уходила колея от лагеря. Когда она пролегла на большей половине пути, ударил дождь. Этого больше всего боялся Фомич. Шел он вначале редкий, крупными каплями, гулко ударял по хвое, потом все сильнее и сильнее — и вот уже ливень обрушился на тайгу, на только что выкопанную с таким трудом колею.

— Все наверх к лагерю, — дал команду Иван Фомич. — Весь инструмент забрать, коней перегнать, быстрее, ребята, быстрее.

Едва успели добраться до лагеря и поставить в укрытие — под навес коней, как всех поразили новые, заглушавшие шум ливня звуки бурлящих потоков воды, треск увлекаемых ею сучьев, гул падающих подмытых деревьев. Это было разрушение. Кто-то из парней хотел выскочить из палатки посмотреть, что делается в тайге, но Иван Фомич загнал обратно:

— Жить, что ли, надоело!

К рассвету ливень стал утихать, а утром возобновился с новой силой. Только на четвертые сутки люди проснулись от полнейшей тишины. Иван Фомич вышел из палатки. На черном небе сверкали крупные звезды. Под ногами хлюпало и засасывало сапоги так, что ноги приходилось вытаскивать с трудом.

«Мать ты моя, — подумал Фомич, — это на сопке, и такое, а что же в низинах делается?»

Это все увидели чуть позже, когда пришли на трассу. Колею затащило песком и галькой, натащило на нее камни, поперек трассы навалило деревьев, вырванных с корнями. Люди молча смотрели на то, что натворила стихия. Казалось, ничего нельзя уже исправить. Иван Фомич первым нарушил молчание.

— Вот что, — сказал он. — Ливень навредил, но ледянку-то делать надо. Теперь легче станет нарезать колею. Начнем завтра все сначала.

На следующий день из Долинок прискакал Сережа Пронин. Он привез целый мешок провизии, белье и теплую одежду. Рассказал, что Вера Петровна с Надеждой Григорьевной сильно волнуются. Велели передать: если

кто заболевает, пусть немедленно возвращается в село. Но в лагере все были абсолютно здоровые. Работу продолжали с удвоенной энергией. Как говорил Иван Фомич — со злостью. Костры горели теперь день и ночь. Погода установилась. Почва просохла, но появилась новая угроза: колея начала осыпаться. Пришлось рубить жерди и закладывать ими колею. И так метр за метром. Тайга уступала напору людей. Трасса пробивалась все вперед и вперед, связывая дальние урочища с большим трактом.

Августовское марево... Вот уже несколько дней в «Тажном ключе» полным ходом идет жатва. Начали острожно, вручную, косами — выбирали, где поспелей. Потом Воронов с агрономом и Верой Петровной, проверив поля, дали команду пускать комбайны. Но всего хлеба машинами все равно не убрать. Есть места, куда агрегат не зайдет. Там либо пускают конные жатки, либо убирают вручную.

На току работа кипит день и ночь. Никто не знает, когда отдыхает Андронич. Вернулся с покоса, пропадает на току с утра до вечера. Хватает работы и учетчику. Надежде Григорьевне днем надо провести замеры, вечером оформить начисления, прочесть газеты, подготовить беседу. Жизнь в колхозе не идет, а мчится — и везде надо успеть. Нынче с утра на попутной машине Корнева поехала к Нюше. Там вчера не закончили обмер.

— ...Трах-тах-тах, трах-тах-тах, — стрекочет режущий аппарат комбайна. Слышно, как в бункер сыплется зерно. Агрегат поравнялся с Корневой.

— Нюша, я с тобой круг пройду, — крикнула она.

— Давайте, давайте! — Нюша махнула рукой и дала трактористу сигнал замедлить скорость. Надежда Григорьевна некоторое время шагала рядом с подножкой комбайна, не решаясь вскочить на ходу.

— Ну, давайте же! — поторопила ее Нюша и, спустившись с мостика, протянула ей руку.

Надежда Григорьевна поднялась наверх, встала рядом со штурвальной. Оглянулась. Вокруг бушуют хлеба, и комбайн действительно, как корабль, плывет в них.

Надежда Григорьевна набирает пригоршни зерна, пропуская его между пальцами, жмет в горстях, пересыпает с руки на руку.

— Какое зерно, а, Нюша!..

— Ага... Много нынче намолотим! — кричит Нюша и останавливает комбайн для разгрузки зерна в бестарки. — Прошли, кажется, совсем немного, а?

— Эх, — вздыхает она, — сколько времени уходит на эти остановки. А вон туда и не заедем, — указывает она на низину под самым лесом. — Не пройдет агрегат, придется вручную. Там с полгектара, не больше. Пришлите косца, Надежда Григорьевна, или девчат с серпами.

Надежде Григорьевне очень хотелось пройти с Нюшей еще круг, но времени нет.

На полевой стан она попала, когда обед уже заканчивался. Люди спешили, шутя на ходу с поварихой Дарьей Шумейко. Та кивнула Надежде Григорьевне, смеясь:

— Ты гляди, Григорьевна, на работу горазды и за столом молотят.

— Кто за столом молотит споро, тот и на руку скор, слыхала такое? — ответил шуткой на шутку Сережа Пронин и побежал с парнями и девушками купаться.

— Весело тут у вас, — заметила Надежда Григорьевна, устало опускаясь на скамейку возле стола. Дарья поставила перед ней миску борща:

— Ешь.

— Да у меня же есть свое из дома.

— Ешь, тебе говорят. Сама поди плиту топила после дождичка в четверг, а на какой неделе — не упомянешь.

— И это верно.

Вечер застал Надежду Григорьевну на току. Здесь хоть и много было народу, но все равно не хватало рабочих рук. Зерно, поступающее прямо от комбайна, требовало подработки — очистки и просушки.

— А ведь займутся этим делом анжинеры, когда война кончится, — хитровато прищурившись, заметил Андронич. — На мой бы характер, так зернышко из-под комбайна в мешочки да прямо на заготпункт, и чтоб чистенькое, как стеклышко. Вот это бы да-а!.. А ведь будет такое, вот посмотрите!

— Больно многого хочешь, Андронич, — поджимая губы, язвительно отозвалась Зайчиха, — забыл, как одними жатками да косами управлялись.

— Э-э, Степанида, на то, что раньше было, равнять-

ся не станем. Андроныч дело говорит. Придет время, убирать хлеба станут по-другому, — возразила ей соседка.

Прибыли подводы, их загрузили быстро. И пошел хлеб государству!

Глава 24

Весь день наблюдала Корнева за работой комбайнов. Круг — бункер — остановка. Слово формула: круг — бункер — остановка. Формула, в которой два первых положительных исходных упираются в третье — отрицательное, тормозящее. Надо убрать это третье, покончить с тормозом...

С этим-то и обратились к ней Ньюша и Кузьма. Они предложили необычный способ: не останавливая комбайн, вести разгрузку на ходу. Конные бестарки пойдут рядом с убавившей скоростью машиной. Выигрыш во времени очевиден. Ну а зерно? Просыплется на землю хоть немного, но страшно подумать, сколько центнеров может быть потеряно каждым комбайном за всю уборку.

Она медлила с ответом, потому что не могла решиться. Вскочила на попутную бестарку, поехала на ток к Андронычу.

— Как вы думаете, если... — и объяснила, чего хотят комбайнеры. Старик тоже ответил не сразу. Долго тер лоб рукой.

— Кто его знает, Григорьевна. Подумать, так оно вроде и хорошо, а как получится?

— Ну, а испытать все-таки надо бы.

С этим пошли к Вере Петровне. Та упорно стояла на своем — не могу дать согласие. Корнева ушла, даже не попытавшись убедить Смелик: не могла убеждать, раз не была уверена сама.

Это была трудная ночь. «То ли я делаю, — думала Корнева, — не становлюсь ли тормозом. Молодежь выдвигает новое, а я, партийный руководитель в селе, мешаю им. Ме-ша-ю». — Она отдельно произнесла в мыслях это слово, и оно показалось ей каким-то липучим, вязким. И это вязкое обволакивало ее всю, лишало энергии, опустошало душу.

«Что со мной? — спрашивала она себя, силясь определить состояние нерешительности. — Боязнь ответствен-

ности? Неумение руководить доверенным делом? Отсутствие опыта?..»

Не то, все не то. Опыт приходит, наживается самим человеком, если он этого хочет, если он твердо стоит на ногах. Видно, не хватает твердости. От этой мысли она физически почувствовала горечь во рту.

Встала с постели, распахнула окно. В комнату ворвались ночной холодок и запахи поля... Громко, протяжно закричала какая-то ночная птица, заливисто залаяла собака. И снова все стихло. В окно смотрели звезды, далекие и безразличные. Прислонившись спиной к косяку, она почувствовала страшную усталость. Она, Корнева, мешает молодым двигаться вперед. Мешает своим неумением ориентироваться в обстановке. Сегодня она не подержит молодых комбайнеров, завтра не сумеет понять другого требования, выдвинутого жизнью. Что же будет дальше?

«Нет, видно, не по мне дело. Избач в селе — это одно, а партийный руководитель — другое, очень большое, трудное. На этом деле человек за все в ответе. Видно, не по мне...»

— Надежда Григорьевна! Вставай, поехали, пора.

Вера Петровна легонько тормошила ее за плечо. Корнева открыла глаза. Кажется, только забылась, а уже утро. Они ведь условились — с самого раннего утра на полевой стан. Оделась, умылась за три минуты... Приготовленную с вечера еду взяла с собой. Вера Петровна еще не успела взять в руки вожжи, как Корнева вернулась к разговору, который так и не закончила вчера. Сегодня она чувствовала себя иначе. Решение принято. Она целиком встала на сторону молодых комбайнеров.

— Все-таки надо попробовать, чего ты боишься? — спросила Надежда Григорьевна.

— Потерь боюсь, — ответила Смелик. — Это кабы в машину, а то в пароконные подводы. Разве лошади к комбайну свой ход приспособят?

— А ездовой на что? Он будет принаравливать. Так тихонько подвода рядом с комбайном и пойдет, пока бестарка не наполнится зерном, — повторила Корнева тот самый довод, который приводила ей Нюша.

— Вот-вот, пока не наполнится! А в бункере-то зерна не на одну бестарку. И получится, что половина зерна — в бестарку, половина — на землю. Нету моего согласия!

— На такое мы и сами твоего слова не просим. Комбайнер-то на мостике, он и будет разгрузкой руководить... Ты протестуешь, а ведь сама еще не знаешь, как получится. Ну раз не удастся, ну два, а потом пойдет, зато какой выигрыш во времени! А за потери зерна ты не бойся, разве не видишь, как молодежь каждый килограмм бережет.

— Ну, боже ты мой! — не выдержав натиска, воскликнула Вера Петровна. — Ну чего ты ко мне причепилась? Иди говори с бригадиром и комбайнерами. Я ведь на мостике не стою!

— Ох, Вера Петровна, — тихо сказала Корнева. — Ты не только на мостике, ты на высоком посту стоишь, откуда тебе должно быть все наперед видно.

Нюша и Кузьма получили наконец добро.

Начали пробу. Вначале дело не шло, и разгрузку приходилось прекращать, но потом пустили комбайны на самую малую скорость. Ездовые приноровили к ней ход бестарок. Спустили хобот бункера. Примерились. Когда хобот был прямо над бестаркой, Нюша высыпала зерно. На землю ничего не просыпалось.

— Вот видите, выходит! — радостно закричала девушка.

Теперь агрегат совершенно не останавливался. Темпы уборки повысились. В «Колосе» узнали — только руками развели. Как-то поздним вечером на полевой стан заехал Быстров.

— Неужели кончаете? — спросил он.

— Подбираем, Николай Гаврилович, все подчистую, по-фронтovому! — ответила Смелик.

— Это действительно по-фронтovому... А в полове зерна не остается?

— Ну, Николай Гаврилович, себе-то мы не враги, — вступил в разговор Кузьма.

Быстров отошел с Надеждой Григорьевной в сторону.

— Вот что, — сказал он. — Вам придется написать в районную газету, как вы убираете хлеб. Все расскажите: и про полевой стан, и про подмену комбайнера во время обеда, и про загрузку на ходу. Обязательно. Вы в село идете? Могу подвезти. Только до трассы пойдем пешком, Володя там колесо меняет.

Они пошли прямо по стерне, приминая ногами колющее жнивье.

Нюше приходилось трудно. Трактористов не хватало. Надо было руководить бригадой на тракторе, но ни мать, ни товарищи никогда не слышали от нее жалоб.

Свое горе она переносила мужественно. Только как-то сразу повзрослела. Чем больше было работы, тем настойчивее становилась девушка.

Если ее «братки», как она называла членов своей бригады, весной могли пахать ночью, а в период уборки дать самую высокую выработку на комбайн, то почему они не могут убыстрить темпы осенней пахоты?

А осенней ночью сыро и холодно. Тоскливо за рулем трактора. Черные поля отливают при луне мертвенно-синим блеском. Она то спрячется в тучи, то выглянет. Вокруг луны серовато-розовое сияние — быть завтра ветру, а может быть, и утренник ударит. Потому и спешат трактористы закончить пахоту под зябь. Фары разрывают ночную мглу. Останови мотор, убери свет — и сопки, и кусты тальника, и вся эта тяжелая темнота стеной накинется на тракториста. Слышнее станет завывание ветра, словно плачет кто-то, хватая за душу.

Нюше Прониной первой в районе пришла в голову мысль о том, чтобы не останавливать агрегат на обед, будь то трактор с плугом, с сеялками или с комбайном. Всегда можно обеспечить подменщика. Это вызвало много разговоров и даже споров. Кое-кто не соглашался, утверждая, что и «мотору тоже не повредит постоять», но потом у доски показателей многие призадумались. Очень скоро люди убедились: дело не только в часовом перерыве на обед. Дело в потере нужного темпа, который после перерыва удавалось набрать не скоро. Когда это поняли, работа пошла иначе. Стало ясно, что долиницы выигрывают соревнование с трактористами «Зари» и «Колоса».

Нюша очень внимательно следила и за качеством работы. Все помнят, какой нагоняй учинила она брату, когда тот плохо запахал участок. Досталось тогда и полевому бригадиру, и Надежде Григорьевне как учетчику. Проезжая вечером мимо этого массива, Нюша вдруг заметила на середине полосу незапаханного колючего жнивья. Напрасно Надежда Григорьевна доказывала ей, что Сережа обещал исправить ее и просто не успел этого сделать. Нюша ничего не хотела слышать.

Как раз на ту пору (надо же было случиться такому)

к этому месту подъехал Воронов, остановил машину, вылез, осмотрел все, а потом на собрании пробрал трактористов.

— Это, — говорит, — у инициаторов соревнования да космы на поле!

Нюша готова была провалиться от стыда сквозь землю. Смущенный и расстроенный, Сережа клялся, что это у него в первый и последний раз. Этот урок не забыли.

Другой раз, тоже весной, Нюша крепко повздорила с трактористом Петром Демченко из-за того, что тот вел боронование под свеклу вдоль пахоты, а надо поперек.

При всем этом Нюша требовала от членов бригады безупречного состояния машин.

Воронов удивлялся:

— Ну и характер у девки! В прошлые годы опытные трактористы не всегда справлялись, а она — гляди, какие порядки завела!.. — Смотрел на нее и думал: «Эх, дочка, тебе бы учиться дальше, добрый бы из тебя вышел инженер!»

Проснувшись, как всегда, очень рано и оставаясь несколько минут в постели, Надежда Григорьевна почувствовала, что ею овладевает то настроение, которое она очень любила. Его трудно было выразить словами. Это было ожидание нового дня, чего-то особенно радостного, что должно было случиться в этот день. Она уже знала: ей будет легко работать, она сделает много, так много, что вечером покажется, будто не она одна, а кто-то еще, быстрый и сильный, помогал ей управиться со всей многообразной работой.

Она теперь понимала, что труд на земле не укладывается ни в какие рабочие часы. Он требует от человека всей его энергии. Только тогда он дает отдачу. Она велика, очень велика эта отдача. Люди видят ее осенью, когда убран весь хлеб, сдан государству, засыпан на семена, роздан на трудодни.

Ничего не пойдет под снег. Со всем управились долины. И радуется ее сердце, приросшее к земле!..

Холодное молоко и кусок серого хлеба — лучший завтрак Надежды Григорьевны. На бригадный стан она пошла через речку вброд. Легко, по-девичьи перескакивая с камня на камень, вышла на берег, поднялась на пригорок и остановилась пораженная.

В прозрачном сверкании тихого сентябрьского утра лес стоял расцвеченный всеми красками. Словно огромные костры, полыхали багряные клены. Бросая на всю округу желтые отсветы, пламенели листья дикого винограда. Лоза обвила ветви могучего дуба, прикрывая их листьями. Они, казалось, впитали весь жар солнца. С лозы свисали тугие черные гроздья. Высоко поднялась могучая крона дуба и там, на просторе, распустилась во всей своей красоте. Березы тихо осыпали на землю золотистые листья. Они кружились и медленно падали к ногам Надежды Григорьевны. Голубело безоблачное небо, и солнце, ласковое и лучистое, еще согревало землю.

Свершалось великое таинство — природа прощалась с летом. Счастлив человек, умеющий это понять и почувствовать.

И встал перед ней образ, когда-то в юности поразивший ее своей поэтичностью. В древности один мудрец сравнил людей с листьями могучего дерева. Чем сильнее пламенеют листья, тем крепче стоит дерево, тем глубже в землю уходят его корни. Сухой лист пламенеть не будет. Источать жар, взятый у солнца, могут только здоровые, сильные, сочные листья, которые откладывают почку для будущей смены.

Разве не то же происходит с сердцами человеческими?! Весь свой пламень отдают они могучему дереву — матери Родине. Так думала она, оставаясь с глазу на глаз с природой, чувствуя, как эта тайга, и речной перекат, и поля, исхоженные ею, наполняют все ее существо новой силой, облегчают душу, умудряют разум. Так свершалось в эти минуты другое таинство — познания природы, единения с ней.

Еще долго стояла она потрясенная. Потом подошла совсем близко к могучему дубу, приложила ладони к его шершавой коре, словно благодарила за новый прилив сил, и пошла по тропе, ведущей прямо в открытое поле.

Глава 25

Хлебозаготовки сдали. Вера Петровна держала в руках последнюю квитанцию, не замечая, как дрожат ее пальцы и горит лицо. Последняя квитанция, маленький листок бумажки, так много значивший для колхоза.

Выращенный хлеб измеришь, сдашь государству, распределишь на трудодни — все отразишь в документах. А в каком документе отразишь весь труд, что вложили женщины и подростки в этот хлеб? Чем измеришь их боль за него, их волнения и заботы о нем? Останутся ли в памяти этих подростков и детей, когда они станут взрослыми, те надежды матерей, которые всеял в их души этот листочек последней квитанции?

В лихую годину войны колхоз сумел полностью выполнить свой долг перед государством. Это ж надо понять и запомнить! И дети пусть запомнят, и внуки. Будет жить в их сердцах эта память — станет она для людей живым родником, из которого они будут черпать свою силу, станут стойкими, не убоятся трудного часа... Забудут — очерствеют их души...

Сидит Вера Петровна одна в своей боковушке, и мысли ее уже не плывут, а мчатся, обгоняя одна другую.

Хлеб сдали! А дальше-то как пойдет? Сойдутся ли все расчеты? Хватит ли семян. Надо ведь засыпать зерно еще и в тот, особый амбар страхового фонда. Сколько останется на трудодни? Боже ж мой! Как много этих «сколько». Тревожно и страшно от них на душе.

Вера Петровна открыла ящик стола. Подколола квитанции в особую папку, где хранились все остальные. Прислушалась. Из-за перегородки, отделяющей ее боковушку от бухгалтерии, отчетливо доносился стук костяшек на счетах.

Счетовод Иван Филоненко с Надеждой Григорьевной второй день скрупулезно считают каждый килограмм оставшегося зерна. У Веры Петровны тоже есть свои расчеты. По ним выходит граммов по 400 пшеницы на трудодень. Не густо, а что поделаешь. Смелют на муку — еще меньше будет.

400 граммов... Но ведь есть у нас еще и картошка. И мяса кусок найдется — как будто пытается она убедить и себя и всех вокруг. Понятно, не у каждого, но понемногу-то найдется. У кого нет, с тем поделимся. Где куенок, где ягненок, а то и бычка свалят. Опять же молоко... Продержимся, бабоньки, надо продержаться, родные!

Думает, а перед глазами мелькают дворы сельчан: Науменко, Малявко, Череды, Прониных, Калюжных, Шумейко. Будто заходит в избы. Знает все: и что в из-

бе, и что на дворе. Пустовато на дворе у Шумейко. Ох, Дарьюшка, тебе потрудней других будет. Сама четвертая. Детвора на печи сидит лестницей. Всем надо дать, всех накормить, согреть, ободрить... Хватит ли у колхоза сил на все? Положила руки на стол по-бабьи. Уронила на них голову. Расслабилась от усталости, от тоски, от жалости, что разрывает душу на части.

— Дзик-дзик, дзик, дзик, — стучат костяшки.

И опять поплыли думы о всех тех, кто смотрит на нее с надеждой. Подняла голову, поправила платок, подобралась вся. Никого не было в боковушке, никто не видел ее минутной слабости. И вдруг услышала:

— Ну, давайте ставить точку. Больше не сможем. Пошли к Вере Петровне.

У Смелик перехватило горло. Сейчас скажут. Сейчас будет ясно, по сколько на трудодень. Господи, хоть бы по 400 граммов! Только бы не меньше...

Надежда Григорьевна и Филоненко вошли в боковушку. Вера Петровна поднялась им навстречу. Лица обоих спокойны, сосредоточены.

— Вот, Вера Петровна, расчеты. — И счетовод положил на стол исписанный цифрами листок бумаги.

Она взглянула на первую строчку и не поверила.

— Что?..

— Да-да, — проговорила Надежда Григорьевна, — точно, Вера Петровна. По пятьсот граммов.

На какое-то мгновение в комнатенке установилась полнейшая тишина. Словно не дыша принимали все трое этот итог. Потом облегченно вздохнули.

Путаные, отрывочные мысли проносились с такой быстротой, что Вере Петровне показалось: сейчас, сию минуту еще сильнее закружится голова, и она упадет прямо на пол. Невольно она вытянула руку, словно хотела ухватиться за край стола, но овладела собой; опустилась на стул, продолжая думать взволнованно и радостно о тех, чьи руки вырастили этот хлеб. Уж нынче легче будет зимовать!.. И тут же пришла другая мысль, суровая, подчинявшая себе все чувства.

— Тогда... тогда, мы сможем еще хоть немного... — заговорила Смелик.

Оба поняли, о чем она. Филоненко потупился.

— Пока мы ничего не сможем, Вера Петровна, — твердо сказала Корнева. — Люди сами решат.

Но всем своим существом Смелик почувствовала, что Корнева согласна с ней, и думает так же, и поддержит ее.

А как решат женщины? Согласятся ли они уменьшить и без того скудную долю и отдать фронту хлеб сверх плана. У всех в памяти прошлая горемычная зима, полуголодная и холодная. К лету во многих семьях муки вовсе не осталось. Ели деруны — оладьи из сырой тертой картошки. Все жили одной надеждой на новый урожай. Вот он получен. 500 граммов на трудодень. Побольше прошлогоднего. А выходит — опять надо садиться на те же 350 граммов, как в прошлом году?.. Где силы брать? А надо, надо! Хлеб нужен фронту! Дойдет ли это до сознания каждой?

— Ладно, Надежда Григорьевна, — спокойно сказала Смелик, — собирай людей, пусть все сами и решают, — и вышла из боковушки.

А то, что было потом, останется в памяти на всю жизнь. Доклада никакого не было. Разговор шел по-семейному.

— Женщины, солдатки, — обратилась Вера Петровна к собравшимся, — сработали мы этот год неплохо, очень неплохо. Все свои заповеди перед государством выполнили, и семян припасли, и страховой фонд засыпали. Трудодень наш потянул 500 граммов. В каждой семье и картошка, и капуста, и другие овощи найдутся. И коровушки есть, и овечки.

Установившаяся было в зале напряженная тишина сменилась вначале приглушенным, потом все более нарастающим говором женщин.

— Да чего там говорить, перезимуем, слава богу! — громко сказал кто-то из задних рядов.

— Не об том речь, что перезимуем, — это ясно. А вот подумайте, женщины, как нам хозяйничать, чтоб хоть немножко хлеба выгадать да сдать сверх плана. Мужики-то наши фашистов пушками да танками, а мы хлебом для армии. Хлеб-то он не только оборона, хлеб — это же наше наступление по всему фронту. Кто мужикам подсобит, если не мы. Солдатки, дорогие вы мои, скажите свое слово.

«Сейчас зашумят, заволнуются, заговорят все разом», — подумала Корнева, оглядывая ряды сельчан, между которыми и яблоко не уронишь. Но в конторе

вдруг установилась тишина. Даже те, кто минуту назад щелкал семечки, сплевывая кожуру в кулак, словно оцепенели и остались сидеть со сжатыми руками. Тишина была тягостной, и не только потому, что председательница ждала ответа, а потому что и она сама, Вера Смелик, и старики Малявко, и Дарья Шумейко — все, кто сидел в тот час в конторе, считали, как умели, свои граммы. Сколько их оставить на каждый день, чтобы хватило хоть не до новины, а хотя бы до лета, до свежей картошки. Уж не досыта, где там, только бы продержаться.

Выгадать, выгадать 100—150 граммов, после помола останется совсем мало, это значит маленький кусок хлеба утром и в обед, вечером только самым маленьким ребятишкам. Кто постарше — поест картошки. Хлеб, чистый хлеб, будет по праздникам, а так, в будни, тесто на треть с картошкой.

Хлебушко, хлебушко, чистый хлебушко! Да придет ли тот день, когда мать сможет нарезать его без нормы большими ломтями полную тарелку. Доживут ли матери до того дня, когда дети будут смело брать с тарелки куски хлеба, не спрашивая робко: «Маманя, это мой кусочек?»

По комнате пронесся тяжелый вздох Дарьи Шумейко. Выпрямилась, подняла лицо Настасья Демьяновна Еременко. Скупые слезы катились по впалым ее щекам. Хотела было поправить сползший с головы платок, да опять задумалась, скрестив на груди руки.

Вера Петровна тихонько опустила на стул, разгладила рукой красную скатерть, потом дотронулась ладонью до лба, словно хотела поддержать разболевшуюся голову. Молчала, прислушиваясь к тишине и вздохам женщин. Каждый вздох — материнская боль.

И вдруг в тишине раздался надтреснутый, как звон разбитого стекла, голос Степаниды Заяц:

— Ну, давайте, давайте выделяйте сверх плана. Забирайте последние граммы. Детей оголодите. Пока что болеют, а потом в ямки закапывать начнем, — выкрикнула она от двери, возле которой стояла, прислонившись к косяку.

Словно бомба взорвалась в конторе.

— Ты что, очумела, говорить такое!

— Бабы, не слушайте ее, по-своему сделаем,

— Иди, иди, уж тебя-то не оголодишь.

Вот когда зашумели женщины, заспорили, закричали.

К столу проталкивалась Дарья Шумейко. Подошла, повернулась к людям, отерла рот рукой, закусила губы, снова обтерла их. В конторе стало тихо. Все знали, что она скажет, и ждали, казалось, именно ее слова. И она сказала негодуя, волнуясь и в то же время решительно, твердо, как все продумавшая мать:

— Трое у меня, а все равно согласна. Не помрем на миру с голоду, — и пошла к своему месту.

— Помереть, Дарьюшка, не дадим ни тебе, ни кому другому, — громко, так, чтобы все слышали, сказала Прасковья Ивановна Науменко. — А для фронта хлеба уделить можно.

Тут опять заговорили во всех рядах.

— Конечно, уделим.

— Мужикам-то потрудней нашего.

— Не слушайте Зайчиху, бабы.

— Тише, тише, — опять выкрикивала Вера Петровна, еще сильнее стуча карандашом. Но это никого не успокаивало. Говорили друг с другом громко, страстно, усиливая гул, который уже никто не в силах был унять до той самой поры, пока все не выговорятся. Корнева заметила, как Степанида Заяц, оттиснутая от двери, скорехонько завязала тугим узлом пуховый платок на голове и, работая локтями и плечами, пробиралась к выходу.

Улучив момент относительной тишины, Вера Петровна заговорила:

— Давайте по порядку.

Тут и было решено оставить на трудодень по 370 граммов, остальной хлеб сдать государству. За Дарью Шумейко и других многодетных дополнительный хлеб сдать из фондов колхоза.

Долго не могла уснуть в ту ночь Надежда Григорьевна. Лежала с открытыми глазами, устремленными в темноту. Много мыслей теснилось в голове. Но одна подчиняла себе все: не рвутся снаряды над приморской землей, не тащат женщины в убежища сонных детей в часы ночных тревог. Но хлебают женщины лиха и в далеком тылу.

К собранию по итогам соревнования готовились, как к празднику. Приехала комиссия из МТС, представители

других колхозов. Приехал и Быстров с Курмышовым. Они привезли знамя и свежий номер районной газеты «Путь Ильича». «Победители соревнований» — эти жирные буквы протянулись через всю полосу, посвященную колхозу «Таежный ключ».

Воронов долго и пространно говорил:

— «Таежный ключ» хорошо справился со всеми хозяйственными задачами, вовремя закончил хлебопоставки, создал твердую основу для высокого урожая в будущем году. Вы загляните к ним в амбары, какое добротное зерно засыпано на семена. А зябь? Ведь под весь яровой клин запахали.

Он горячо поздравил механизаторов. Все громко и долго аплодировали.

Слово взял Быстров:

— Вот, товарищи, вы успешно закончили все работы. Хорошо готовитесь к лесозаготовкам. До холодов успели построить конно-ледяную дорогу. Это здорово. Начали рубить барак и конюшню. Надо думать, осилите и это. Скажу прямо: есть все основания надеяться на то, что со своим планом лесозаготовок вы справитесь. Раньше других колхозов управились с осенней пахотой. Пахали весь световой день и ночи прихватывали. А мне помнится, что кое-кто был против этого...

Едва Николай Гаврилович окончил свою речь, совершенно неожиданно для всех к столу подошел тракторист Петр Демченко.

— Ну, допустим, я первый возражал против новых дел в нашей бригаде, — громко сказал он, — против подменщика, против ночной пахоты. Злился, что ребята на собрании резолюцию вынесли о борьбе за качество тракторных работ. Мне это показалось обидным, будто не доверяют трактористам. Было такое дело... А потом увидел, что неправ. Иначе нельзя работать. И не я один до этого додумался. Все мы как-то иначе стали относиться к делу, — сказал и пошел к своему месту, облегченный тем, что признался наконец в своих прежних сомнениях. А к столу уже шла Дарья Шумейко.

— Петро про трактористов говорил, — начала она, — а мне надо сказать про себя. Кто меня тут не знает? А чем я была известная? Куча детей мал мала меньше. Старый-то председатель меня иждивенкой звал. Обвиняли со всех сторон, будто я из лодырей лодырь.

А сейчас кто скажет, что у меня трудодней мало? Да у меня вся жизнь пошла по-другому, потому что отношение к человеку у нас стало другое. Помогли мне, детей в детсад взяли, на работу стали звать, да еще и советовались со мной. Силу мне дали в руки, товарищи! И говорю я теперь спасибо людям великое!..

Последних слов ее уже никто не слышал. Все аплодировали.

Наступила торжественная минута. Николай Гаврилович вручил Вере Петровне переходящее Красное знамя района.

Перед концертом художественной самодеятельности Быстров отозвал в сторону Корневу:

— Вас, Надежда Григорьевна, вызывают во Владивосток на краевое совещание культпросветработников. Надо будет выступить.

— Да о чем же я буду говорить, Николай Гаврилович? — спросила она, растерявшись.

— Как о чем? Вот обо всем об этом...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Раиса не сказала своей знакомой Марте Леонидовне истинную причину приезда во Владивосток. Та догадалась об этом сама, взглянув на ее объемистый чемодан и измученное лицо.

Стоя на пороге, Раиса думала только об одном — спать... Где-нибудь — на диване, на стульях, на полу — только бы уснуть, забыть все пережитое. Хозяйка угадала ее состояние и поспешила уложить гостью отдыхать.

Сон сморил ее сразу. Проснувшись она от яркого солнца. Еще в полусне Раиса силилась понять, откуда так много света, тепла. Ведь раньше ветви даурской березы и густые кусты сирени не пропускали в ее комнату так много солнечных лучей. Открыв глаза, она поняла, что ни берез, ни сирени здесь нет, нет и ее комнаты. Есть чужая постель, чужая женщина, которую она, Раиса, должна благодарить за этот временный приют. Надо было вставать и как-то начинать жить. Она села на постели, опустив ноги на коврик, и стала одеваться. В дверь тихо постучали.

— Одну минуту, — отозвалась Раиса, накидывая платье. — Войдите!

В комнату вошла девочка-подросток, бледная, тоненькая, с большими черными глазами и длинной косой.

— Проснулись? Вставайте чай пить. Марта Леонидовна на работе. Мы соседи. Она меня попросила, чтобы я вам все показала.

— Спасибо, я сейчас.

Девочка ушла. Раиса оглядела комнату, сплошь заставленную мягкой мебелью, в коврах на стенах и на полу. Сильно пахло духами, и Раиса почувствовала, что у нее начинает болеть голова. Она вышла на кухню к умывальнику. На столе стоял стакан, на блюдечке два кусочка сахара, тоненький ломтик хлеба и немного консервированной колбасы.

Вошла девочка, сказала, какой чайник взять на плите, показала на еду:

— Вот это вам, и ещё... — девочка запнулась.

— Что? — спросила Раиса.

— Марта Леонидовна сказала, чтобы вы до ее прихода обязательно поменяли карточки на городские, по вашим сельским здесь хлеб не отпускают, и...

Она опустила глаза, видимо поручение соседки было неприятно. Раисе стало жаль ее. Она подошла, взяла ее за плечи:

— Говори, девочка, все говори. Тебя как зовут?

— Машенька.

— А меня Раисой. Вот и познакомились. Так что еще?

— Еще она сказала, что если сегодня не обменяете карточки, то идите на базар и поменяйте что-нибудь из ваших вещей на хлеб. Она кормить вас не может, — чуть слышно закончила Машенька.

Раиса все поняла.

— Спасибо, Машенька, объясни мне, как пройти в карточное бюро?

— А поесть? Так же нельзя! — сказала Машенька.

— Можно, девочка, — ответила Раиса, одевая жакетку. К Марте Леонидовне она вернулась поздно вечером, положила на стол свой дневной паек хлеба. Голова у нее кружилась, ноги подкашивались, весь день она ничего не ела.

— Что уж вы так, надо было позавтракать, — недовольно заметила Марта Леонидовна. — Разве Машенька не передала?

— Все передала.

— Значит, не все. Одним хлебом сыт не будешь.

— Я не успела сегодня сходить на базар, очень долго не выдавали карточки. А вообще, Марта Леонидовна, я, видимо, вас стесняю, я уйду куда-нибудь, — сказала Раиса.

— Нет, нет, что вы, живите, пока не устроитесь, что я, не русский человек, что ли?

Раиса заметила: в дверях кухни, где происходил этот разговор, стоит Машенька с пожилой женщиной, видимо матерью. Заметила их и Марта Леонидовна и поспешила увести Раису в свою комнату.

Жить у Марты Леонидовны оказалось трудно. Хозяйка учитывала каждый ломтик Раисиного же хлеба, каждый кусочек сахару. Все чаще и чаще уходила Раи-

са в комнату Варвары Игнатьевны — матери Машеньки. Ее все больше тянуло к этим простым людям. Варвара Игнатьевна работала на заводе. Машенька училась. Обе жили одной надеждой — кончится война, вернется с фронта отец. В один из вечеров Раиса рассказала Варваре Игнатьевне все о себе, та просто, по-матерински, ответила:

— Тебе, дочка, работать надо, на самостоятельную дорогу выходить. Ошиблась, ну что ж теперь делать? Без работы не проживешь. И не только потому, что есть будет нечего, а в глаза-то людям как станешь смотреть?

Очень скоро Варвара Игнатьевна нашла Раисе работу — надомницей в художественной мастерской. Два раза в неделю Раиса должна была приходиться в мастерскую, брать заказы и выполнять их дома. Эта работа устраивала ее потому, что на людях ей быть не хотелось. Вечерами они с Машенькой ходили гулять по Ленинской улице. Она помнила эту улицу такой, какой она была в довоенное время — веселой, ярко освещенной, с нарядно одетыми женщинами, с музыкой, льющей из скверов и кинотеатров, с зеркальными витринами магазинов, светящимися разноцветными огнями.

Теперь город стоял погруженный в темноту. Черные громады домов с наглухо затемненными окнами, казалось, подпирали крышами такое же темное небо и сжимали улицу. На перекрестках стояли фонари с крохотными синими лампочками, закрытыми козырьками. Лица людей, проходивших под этими фонарями, казались мертвенно-синими. Такой же слабый мертвящий свет излучали и открытые двери трамваев. Темной была и бухта. Порой черное небо над ней разрезали лучи прожекторов.

Война...

Иногда Раисе снился Быстров. Она бросалась к нему: «Коля, Коля, возьми меня отсюда!» — Он поворачивался к ней, и она видела, что это вовсе не Быстров. Раиса просыпалась и долго плакала, уткнувшись в подушку.

Однажды поздним вечером они сидели с Машенькой одни. Девушка вдруг обхватила Раису за шею и горячо зашептала:

— Пойдемте на завод. Мне уже шестнадцать лет, я учусь в восьмом классе, но ушла бы на завод. Через

месяц-полтора там будет набор учеников, пойдем, а?

Раиса обняла девочку, которая стала ее другом. Они сидели в полутемной комнате, как две сестры.

— Конечно пойдем, — ответила Раиса и сама удивилась решимости, пробудившейся в ней. — Пойдем, — повторила она, — будем работать в цехе.

С этой минуты желание поступить на завод овладело ею. Она побывала в отделе кадров, договорилась о работе ученицей токаря, но надо было ждать больше месяца.

Остаться у Марты Леонидовны Раиса больше не могла.

— Живи у нас, пока устроишься, — сказала как-то Варвара Игнатьевна. Она взглянула на исхудавшее лицо Раисы и добавила: — Здорово тебя, дочка, жизнь с места сдвинула!

— А может, у меня никогда и не было этого места? — с горечью сказала Раиса.

— Работы не забоишься — найдешь свое место. К человеку радость через дело идет, а когда его нет, так не жизнь у него, а туман.

— Да, да, туман...

— Машенька! — позвала Варвара Игнатьевна, — поставь на плитку чайник да свари картошки, поедим.

И Раиса стала жить с Варварой Игнатьевной и Машенькой. В их маленькой, просто обставленной комнате всегда царил порядок, не было ничего лишнего. На стенах висело много фотографий. Привлекал внимание снимок человека в рабочей спецовке. В углу на этажерке с книгами — его второй портрет. Здесь он был снят в легкой рубашке рядом с Машенькой, очень похожей на отца. Около карточки стояла массивная пепельница, в которой лежал обкуренный янтарный мундштук. На вешалке висела та самая рабочая спецовка и кепка, в которой фотографировался отец. Висели так, будто он только что прикасался к ним. Вот сейчас войдет перед сменой, оденет спецовку, подойдет к этажерке, возьмет мундштук, может быть еще успеет полистать вон ту книгу, что лежит отдельно от других...

Раиса поразилась тому, что в семье все живет этим человеком. А какое чуткое и любящее сердце надо иметь матери для того, чтобы годами поддерживать это ощущение близости с отцом...

Осень подкралась к городу незаметно. Еще стояли жаркие дни, как в самом начале лета, сверкала гладь Амурского залива. Легкий ветерок пронесил по улицам влажное дыхание океана, но в садах и скверах уже сыпались с деревьев листья. Пожух и примялся дерн по краям клумб, поникли головки увядших цветов. В городе говорили, что осень нынче ранняя.

Трамвай, обогнув кольцо привокзальной площади, остановился у небольшого сквера против памятника Владимиру Ильичу Ленину. Корнева вышла из вагона. До конца обеденного перерыва было еще далеко, и она пошла в сквер. Выбрала место, откуда хорошо была видна вся площадь и часть бухты Золотой рог, и села на скамейку. На противоположной стороне площади возвышался русский терем — здание железнодорожного вокзала. Орнамент, украшавший стены терема, играл на солнце яркими красками. Солнечные лучи дробились в зеркальных стеклах больших окон и маленьких слуховых оконцев, прорубленных возле резных башенок.

К вокзалу часто подходили поезда. Из сквера их не было видно. Линия железной дороги пролегла внизу, у самого берега моря. С площади к ней вели две широкие крутые лестницы. Приход поездов угадывался по клубам пара, стремительно поднимавшимся ввысь и мгновенно таявшим в соленом морском воздухе.

Сигналы, деловитое пыхтение паровозов смешивались с гулом торгового порта, который был отделен от линии железной дороги только забором.

Порт придавал Владивостку особый колорит, особую прелесть, которую человек, хоть немного поживший здесь, уже никогда не мог забыть.

«Пора», — подумала Надежда Григорьевна, взглянув на часы. Надо было идти в крайзо.

Семинар, участницей которого она была, закончился, но в краевом отделе сельского хозяйства надо было выяснить еще несколько вопросов.

В кабинете главного агронома четыре стола. Все завалены бумагами, сводками, отчетами. На столе начальника чуть просторнее, чем на других. Немолодой, с одутловатым лицом человек говорит медленно, нужные слова подбирает не сразу.

Корнева говорит ему:

— Снимите вы из плана нашего колхоза периллу и

клещевину, ведь одни убытки терпим. И озимый клин надо сократить. А вот о рисосеянии надо было бы подумать, ведь в пойме Перекатной когда-то были рисовые плантации. Нам важно, чтобы вы нас поддержали.

— Я лично все ваши просьбы постараюсь поддержать, но что из этого получится — не знаю.

— И еще...

— А что еще? — Надежде Григорьевне показалось, что в его голосе прозвучали нотки испуга.

— Техника нам нужна, Иван Сергеевич, — впервые назвала она его по имени. — Кустарниковый плуг нужен, канавокопатель. Пора ведь за луга браться. Надо их улучшать.

— Пора-то пора, да уж больно много вам надо. Все требуют, всем надо, а где мы все это возьмем? Да к тому же техника — это не моя компетенция. Вам следует пройти к заместителю начальника крайзо по технике. Это по коридору направо.

Корневой почудилось, что он только того и ждал, чтобы переправить ее, периферийного работника, в другой кабинет и избавиться себя от лишних хлопот.

Иван Сергеевич поднял трубку и спросил:

— Захар Владимирович? Ты один? Мы к тебе зайдем сейчас с одним товарищем из района, примешь? Ну вот спасибо. Идемте, Надежда Григорьевна. Только предупреждаю, упирайте на МТС. В один колхоз такие машины не дадут. Только в МТС! А на Воронова мы с вами нажмем.

«Похоже, толк будет!» — подумала она, выходя вместе с агрономом в длинный коридор.

За столом просторного кабинета сидел седой человек с военной выправкой. Густые брови, уходящие далеко к вискам, тоже с проседью, тонкие сжатые губы придавали лицу суровое выражение. Но как только он поднял на вошедших темно-карие глаза и улыбнулся, Надежда Григорьевна почувствовала: вовсе он не суровый, а наоборот, очень добрый, хороший человек.

— Входите, входите... — Он приподнялся. — С чем пожаловали?

— Вот, Захар Владимирович, из Долинок, из «Таежного ключа» Надежда Григорьевна Корнева к вам.

Захар Владимирович Зарубин внимательно выслушал ее.

— Техника нам нужна, кустарниковый плуг, канавокопатель.

— Не новые для нас вопросы. Воронов их уже ставил. Хорошо, подумаем, — ответил он. — Считаю, что месяца на два мы сможем дать в МТС плуг и канавокопатель. Многого за этот срок вы, конечно, не сделаете, но кое-что успеете. — Он позвонил. Вошла секретарша. — Соедините меня с директором Зареченской.

Секретарша ушла, а через минуту резко зазвонил телефон.

— Вот он. Сейчас решим ваш вопрос, — Зарубин заговорщически подмигнул Корневой.

Из телефонного разговора она поняла: Зарубин раньше уже говорил с директором Зареченской МТС о переброске машин. Сейчас он прямо-таки наседавал на него.

— Ты мне, дорогой товарищ, не волянь, ты скажи прямо, дашь или нет? — говорил он. — Что? Объем работ? Вот потому, что у тебя на эти два месяца уменьшается объем работ, мы и возьмем кое-какие машины... Давай оформляй командировку людям и машинам в Кедровскую МТС. Договорилсь?.. Очень хорошо. Решено.

Он положил трубку, улыбнулся Корневой:

— Вот так вот, Надежда Григорьевна, будут вам машины. А как с планами?

— С планами кое-как справляемся, но ведь не растем. Что было пять лет назад, то и есть. За артелью закреплено навечно до двенадцати тысяч гектаров, а пахотных земель — полторы тысячи. Почему МТС не ведет расчистку лугов, кустарников, осушку болот на таких условиях, которые были бы выгодны колхозам? И агрономов не хватает. Ну что может сделать один участковый агроном, если у него три-четыре колхоза?

Вопросов накопилось множество, и Корнева увлеклась, рассказывая о делах и нуждах долинцев.

Они говорили долго. Зарубин много курил, отгоняя от нее рукой дым папиросы. Делал он это очень неуклюже, порой не мог справиться с густым сизым шлейфом и гнал его не от Корневой, а на нее. Смущался при этом, что смешило Надежду Григорьевну. Говорили о севооборотах, о страшном отставании животноводства. Оба прекрасно понимали, что на месте все решить нельзя, но немало можно сделать и самим, наведя порядок в земель-

ном пользовании, улучшив уход за животными, организовав труд людей.

Многое объяснил Корневой Захар Владимирович. Прощаясь, она подумала: «Толковый человек, помочь нам может по-настоящему».

Она вышла на улицу. К вечеру привокзальная площадь стала еще многолюднее. Проходя через сквер, Корнева увидела на скамейке жену Быстрова.

— Раиса Львовна!..

Зябко кутаясь в поношенный жакет, Раиса спешила в мастерскую сдавать заказ. На душе у нее было тоскливо. Вчера в отделе кадров завода сказали, что набор учеников задержится еще дней на десять. Это ожидание выматывало все силы. Недоедание, а подчас и самая настоящая голодовка давали себя знать. Раиса похудела, пальцы, державшие иглу, уже не бегали так проворно по полотну, как раньше. Она уже не могла выполнять заказы в срок, что заметно сказалось на зароботке.

Свое утро она начинала мыслью о Быстрове. Среди дня спрашивала себя, чем он сейчас занят. Вечером она желала ему спокойной ночи, а сама долго не могла заснуть.

Проходя по скверу, прислушиваясь к шелесту листьев, она будила в памяти картины другой осени, проведенной в Чернореченской. Они втроем: Николай Гаврилович, доктор Климов и она — ездили в тайгу. Стоял прозрачный, очень теплый день. В тайге было тихо и торжественно. Деревья, поздние, но все еще яркие цветы, травы — казалось, все замерло, боясь нарушить величие прощания природы с лучшей своей порой. Тайга провожала лето огнем красок.

Они спустились в ложбину, где росли папоротники. Широкие зеленые листья были сказочно красивы. Николай Гаврилович, срывая их, восхищался, обращаясь к своим спутникам:

— Рая, доктор, смотрите, какой великолепный экземпляр «страусового пера». Его, конечно, в середину букета. А ты, «стрелочка», поместишься вот тут сбоку. А это что за густота? Посмотрите, какое переплетение тончайших стеблей, настоящая травяная бахрома. Друзья, вы знаете этот папоротник? Это же «щетка шайтана». В ботанике он зовется, конечно, не так, а на-

род так и зовет: «щетка шайтана». Смешно, правда?

Они долго ходили по тайге, по распадкам и балочкам, собирали пышный осенний букет, прислушиваясь к ритмичному стуку дятлов, долбивших сухостойные деревья.

Вышли к шумливой Перекатной. Берега ее поросли черемухой и ильмами. Много было здесь и корейского тополя. Николай Гаврилович сказал, что это дерево первым встречает весну, распуская все свои листья в то время, когда другие деревья стоят еще голыми, зато оно первым встречает и осень.

Раиса хорошо помнила выражение лица Николая в то время, когда он, прислонившись к стволу старой раскидистой черемухи, любовался рекой.

Эта картина, вырванная памятью из пережитого, так захватила Раису, что она ощутила запах прелой осенней листвы.

Раисе казалось, что она шла очень быстро, а на самом деле еле передвигалась по аллее сквера. Почувствовав головокружение, она опустилась на скамью. Засунула в карман озябшую руку и нащупала маленький сверток. Машенька, милая девочка, положила его. Сухой, густо посыпанный солью черный кусочек подкрепил ее.

В ту минуту, когда Раиса собирала с клочка бумаги последние хлебные крошки, она вдруг услышала голос, удивленно воскликнувший:

— Раиса Львовна?

Раиса подняла лицо и встретила с женщиной, которую знала по Чернореченской.

— Товарищ Корнева!

— Я, здравствуйте! — ответила Надежда Григорьевна, садясь рядом. — Боже, как вы изменились?!

Корнева видела, как задрожали руки Раисы.

— Вы живете во Владивостоке, работаете?

— Да, надомницей в мастерской, — еле слышно выдавила Раиса.

— Вам, наверное, очень трудно? — в голосе Корневой звучало участие.

— А кому сейчас легко? — глухо спросила Раиса, радуясь в душе этой встрече. — Кому легко? — повторила она. Лоб Раисы пересекла глубокая складка, вокруг красивого рта пролегли морщинки. — Дело не в том, Надежда Григорьевна, что нелегко...

— А в чем же?

— В страшной тоске, Надежда Григорьевна. — Она замолчала, видимо собираясь с мыслями. С каждой минутой Корнева все больше удивлялась переменам в Раисе. Нет ни прежних завитушек, ни маникюра. Есть женщина с больной, тоскующей душой... Что делать? Что придумать?..

— Вы не хотели бы вернуться в район?

Раиса молчала. Молчала долго. Корнева могла только догадываться, что передумала она в эти минуты.

— Я не знаю, что вам ответить, — сказала Раиса наконец. — Меня очень тянет туда. Но ехать-то мне некуда. Найду ли я там работу? Я не могу вернуться к Быстрову. Мне надо искать свое место.

И вдруг совсем по-девчьи, смахнув со лба волосы, уткнулась лицом в колени Надежды Григорьевны и беззвучно заплакала.

«Эх, натерпелась же ты, видно, достаточно», — подумала Корнева, глядя на вздрагивающие худые плечи Раисы.

— Вот что, — твердо сказала она. — Поедьте к нам в Долинки. Жить у меня будете, а работу вам подберем. Ну, хотя бы учетчиком в бригаде.

Раиса подняла лицо и смотрела на Надежду Григорьевну широко раскрытыми глазами, словно не верила. Ей казалось, что это сон.

— Ну? Решено? — затормошила ее Корнева.

— Надежда Григорьевна, я никогда не думала... я с радостью поеду...

Она хотела улыбнуться и не смогла, губы дрожали.

— Ну, вот и хорошо. Уедем завтра же. Я тут была на семинаре культпросветработников. Получим литературу и поедем. Успеете собраться?

— Да мне нечего собирать, только... — Раиса замялась.

— Что только?

— Надежда Григорьевна, — смущаясь, сказала Раиса, — я вас очень прошу, о моем приезде ничего Быстрову не сообщать.

«Вот начинается твоя борьба за него», — подумала Корнева.

Уезжали они ночью. Тоска, изнуравшая Раису, сменилась надеждой.

Глава 2

В Чернореченскую прибыли на рассвете. Небо хмурилось. Затянутое серыми низкими тучами, оно сулило снег. Морозило. Выйдя из вагона, Раиса скоро озябла. Идти на станцию и ждать там, пока Корнева подыщет оказию в Долинки, она наотрез отказалась. Тогда Надежда Григорьевна решила идти на элеватор. Возле него стояли машины.

— Сою сдают, — сказала Надежда Григорьевна, перехватив взгляд Раисы.

У поворота Раиса осталась ждать. Надежда Григорьевна несколько раз оглядывалась на ее маленькую фигурку. Очень скоро нашли попутную машину. Забралась в кузов, накрылись с головой брезентом и так, прижавшись друг к другу, поехали.

— Сейчас приедем, плиту затопим, чай пить станем, — крикнула Надежда Григорьевна в самое ухо Раисы. Раиса не ответила, закивала головой и еще крепче прижалась к Надежде Григорьевне. Ей было хорошо, хотя от холода дрожала каждая косточка.

Доехали быстро. В домике Корневой, как всегда, было тепло и уютно. Прасковья Ивановна с вечера протопила плиту. Надежда Григорьевна подбросила дров. Они весело затрещали. Зашумел чайник.

— Ну, — сказала Надежда Григорьевна, когда обе поели и напились горячего чая, — отдохайте, а я пойду.

Вера Петровна стояла на крыльце правления колхоза и отдавала распоряжения конюху. Увидев подходившую Корневу, воскликнула:

— Приехала! А я жду, что позвонишь со станции.

— Приехала, Вера Петровна, и не одна, идем к тебе.

Они пришли в правление, и там Корнева рассказала о Раисе.

— Помочь ей надо, думаю не откажешь, — заключила она.

— Пусть живет, работы хватит. Не об этом речь. А вот как на это Николай Гаврилович посмотрит?

— А он до поры до времени ничего не должен знать. В бригаде мы с тобой так и объявим: учетчик Раиса Львовна Аникина, зовите Раей. — Обе засмеялись.

— А ты уже все продумала.

— Было время, и ты за меня многое продумывала.

— То так, — сказала Смелик, ласково глядя на подругу.

Вечером Надежда Григорьевна разыскала Ньюшу Пронину и тоже рассказала о Раисе:

— Ты постарайся, чтобы ее ни о чем не спрашивали.

На другой день Раиса вышла на работу. В стареньком ватнике и варежках она ничем не отличалась от других девушек.

— Сперва поработаешь помощником учетчика, приглядишься, потом и сама научишься дело вести, — сказала ей Вера Петровна.

— А кто учетчик? — спросила Раиса.

— Да вон кто. — И Вера Петровна указала на Корневу. — Она у нас и избач, и учетчик, и партийный работник.

Прямой работы, которой должен заниматься учетчик, сейчас было мало. Главное, чем были заняты люди, — это подготовкой зерна к весне. На току стояли старенькие веялки, которые приводили в движение руками. Ток был небольшой, семенного зерна не так много, и учитывать его переработку не составляло труда. Не раздумывая долго, Раиса примкнула к девушкам, очищающим зерно, вместе с другими оттаскивала мешки. Вначале не все получалось у нее, а потом дело пошло.

Вечером Надежда Григорьевна сообщила:

— Ну вот, записали тебе первый трудовой день.

Как обрадовалась Раиса и этому «ты», и своему первому трудовому дню!..

В канун 26-й годовщины Октября Ньюшу и Кузьму приняли кандидатами в члены КПСС. Теперь в колхозе была партийная группа.

Партгруппоргом избрали Надежду Григорьевну. Ко всему этому за Ньюшиной бригадой осталось переходящее Красное знамя МТС за первенство в социалистическом соревновании трактористов. Районная газета «Путь Ильича» посвятила этому целую полосу. На руке Ньюши поблескивали часы — подарок дирекции МТС.

Утром Ньюша забежала к Надежде Григорьевне, но та уже ушла в школу посмотреть, как идет подготовка к вечеру. Дома была одна Раиса.

— Раиса, приходи в школу пораньше, смотри не

опаздывай. До начала собрания мы еще раз спевку проведем, — с порога крикнула Нюша.

— А если я не приду, Нюшенька?

— Ну, ну, не выдумывай. Хор у нас небольшой, твоего голоса не будет, споем хуже.

Но не только ради этого звала она Раису. Она знала, что на торжественное собрание должен приехать Николай Гаврилович.

Знала об этом и Корнева, но Раисе никто ничего не говорил.

Нюша ушла, а Раиса убрала комнату, достала из чемодана коврик, вышитый для Надежды Григорьевны, прибила на стенку к ее кровати. Раисе очень хотелось сделать Надежде Григорьевне что-то приятное. Она приготовила обед. Задумала ради праздника нажарить картошки, но баночка, в которой хранилось масло, оказалась пустой. Раиса вертела ее в руках, раздумывая, что можно сделать без жиров. За этим занятием ее и застала Надежда Григорьевна.

— Ты чего это грустишь над пустой банкой? — засмеялась она. Расхохоталась и Раиса:

— Да вот решаю проблему, что можно сделать без жира и чтобы было вкусно.

Надежда Григорьевна взглянула на стенку и увидела коврик. Она порывисто обняла Раису:

— Спасибо. Хорошо мне с тобой. Ты понимаешь, я ведь тоже одна. Друзей много, а все-таки одна.

Раиса всей душой привязалась к Корневой. На работе она старалась изо всех сил, думая прежде всего о том, как обрадуется Надежда Григорьевна ее успехам или, наоборот, огорчится ее неудачам.

Раису зачислили на работу учетчицей. Шло время... Она научилась управлять лошадьё и вместе с другими девушками возила дрова из тайги, удобрения на поля, даже ездила на базу за горючим. Кузьма обещал:

— Погоди, Раиса, к весне у тебя десять специальностей будет.

С молодежьё Раиса сдружилась быстро.

Днем 7 Ноября к ним зашла Прасковья Ивановна. Раиса приветливо встретила ее. Эта женщина строго, по-матерински относилась к ней. Она ни о чем не спрашивала, но тогда же, в первый день приезда, сказала просто, ободряюще:

— Ничего, дочка, не робей! Счастье-то не всегда сразу к человеку приходит.

В Прасковье Ивановне Раиса находила сходство с Варварой Игнатьевной, и оттого ее еще больше тянуло к Науменко. Она всегда помогала советом.

— Смотри крути веялку так, чтобы вся рука и плечо работали. Тогда больше сделаешь и легче будет, — говорила она на току. Или:

— Взнуздай лошадь, раз в поле едешь, а вожжи ослабь, не на бегах ведь!

Увидев однажды, как Раиса бьется над поленом и никак не может его расколоть, Прасковья Ивановна преподала ей целый урок:

— Ударь колуном в самую середину, да покрепче. Через плечо подыми да со всей силы на обух — вот оно у тебя и разлетится.

— С праздником, дочки! — проговорила Прасковья Ивановна, подходя прямо к шкафчику с посудой. Достала большую эмалированную миску, наполнила доверху тыквенными и подсолнечными семечками, освобождая свои бездонные карманы, и поставила на стол. — Грызьте. Каленые!

От чая Прасковья Ивановна наотрез отказалась, но не уходила. Надежда Григорьевна поняла, что ей хочется что-то сказать.

— Я вижу, Прасковья Ивановна, у тебя нынче настроение хорошее, — сказала Корнева, ставя на стол чашки и тарелку с кусками сушеной тыквы. С ней пили чай вместо сахара.

— Ох, уж и не знаю, то ли радоваться, то ли горевать! — ответила Науменко, не переставая грызть семечки. — Сон я чудной видела, будто девки полотна вокруг нашей хаты настелили и мой Назар идет по ним, да мимо. Вот и терзаюсь, что будет?

— А то и будет, что твой Назар вернется домой жив и невредим. Встречать его все будем. Только тебе уже надо будет тогда пол-литра расстараться, — смеясь сказала Корнева.

В окно постучал Корнеич:

— Надежда Григорьевна, идите в правление к телефону, вас из райкома требуют.

Корнева взглянула на Раису. Та сидела неподвижно, зажав в пальцах зерно подсолнечника.

— Я сейчас, Корнеич, входи, — крикнула Надежда Григорьевна в форточку.

— Не, мне недосуг, дежурю.

«Что бы это могло быть?» — думала Надежда Григорьевна по дороге в правление. Впервые за все то время, что она знала Быстрова, ей хотелось, чтобы он сегодня не приезжал.

Навстречу ей в школу на утренник бежала стайка ребят. Они еще издали шумно поздоровались. Надежда Григорьевна проводила детвору взглядом.

— Кто звонит? — спросила она Корнеича, зайдя в правление, но тут увидела ожидавшую ее на столе трубку. — Алло, алло!

— Товарищ Корнева, сейчас будете говорить.

Она узнала голос Быстрова:

— Надежда Григорьевна, с праздником!

— Спасибо! И вас поздравляю, — ответила она.

— Извините, пожалуйста, что я вас тревожу сегодня, но могу сказать вам только: подготовьте ко всему самому хорошему Прасковью Ивановну Науменко.

— Неужели!..

— Я говорю, ко всему самому хорошему, вот и все. Ну, до вечера.

— До вечера, — неуверенно проговорила Корнева, все еще находившаяся во власти нахлынувшего чувства.

— Николай Гаврилович, пусть меня соединят с доктором Климовым.

— Хотите его поздравить?

— Да.

— Пожалуйста!

Но доктора Климова ни в больнице, ни дома не оказалось.

Вернувшись, Корнева застала Раису сидящей у окна все в той же позе томительного ожидания.

— Он приедет? — спросила она, не сводя с Корневой глаз.

— Приедет. Пойдешь? — Надежда Григорьевна положила обе руки ей на плечи.

— Не знаю, — тихо ответила Раиса, — наверное, не пойду.

— Может, и лучше, что не пойдешь.

Но Раиса пошла. Случилось это помимо ее воли. Едва райкомовская машина остановилась возле школы и

из нее вышли трое — доктор Климов, Быстров и какой-то солдат, — как вездесущие мальчишки тотчас понеслись во все концы села:

— Дядя Назар с фронта вернулся! Идите все в школу, он там!

Раиса несла в это время воду из колодца и все слышала. А в следующую минуту ее настиг Сережа Пронин:

— Ты чего не собираешься? Иди в школу! Ведь дядя Назар приехал с фронта, понимаешь?

И она поддалась тому же порыву, который охватил всех сельчан, — встретить дядю Назара, услышать, что он скажет...

«Вот и сбился твой сон, Прасковья Ивановна», — подумала она, радуясь за Науменко.

— Иди, Сережа, я сейчас.

Собрание открыли раньше намеченного. В президиуме рядом с Николаем Гавриловичем, Смелик и Корневой сидел Назар Науменко с Нюшей, а чуть позади — Прасковья Ивановна. Прасковья Ивановна ничего не слышала, никого не видела. Наклонясь к мужу, она то гладила его забинтованную левую руку, то снимала с гимнастерки невидимую пылинку. Губы ее шевелились. Назар сидел глубоко взволнованный. Он оглядывал празднично убранную школу, гирлянды из еловых веток и флажков, видел нарядно одетых сельчан, кивал им головой, и глубокая радость переполняла его сердце.

Надежда Григорьевна открыла собрание и предоставила слово Быстрову.

— Дорогие товарищи, разрешите от имени районной партийной организации сердечно поздравить вас с праздником двадцать шестой годовщины Великого Октября!

Раиса смотрела на него, напряженно вслушиваясь в каждое слово.

— Товарищи! Наши успехи велики. Красная Армия с боями подходит к западным границам нашей Родины. Но нельзя нам успокаиваться, впереди решающие битвы — борьба за окончательную победу потребует от всех нас, от нашей армии, от нашего народа еще больших усилий и подвигов.

Раиса вглядывалась в родное, близкое лицо, и ей казалось, что все, о чем говорит Быстров, обращено только к ней. Она забыла обо всем и видела и слышала только его.

Очнулась Раиса лишь тогда, когда зал загремел аплодисментами и Быстров пошел к столу президиума.

Со своего места поднялся дядя Назар:

— Товарищи мои! Други! Мыслей у меня много, а вот сказать как — не знаю. Ну, прежде всего передам я вам от наших солдат с фронта, которые еще в окопах лежат, великое спасибо и потом... — Аплодисменты заглушили его. Он подождал, пока стихнет шум, и продолжал: — Я когда уезжал на фронт, очень за колхозных коней боялся. Одни женщины да подростки дома остаются, как справятся? Думал, и половины полей не засеете, хлеб не уберете. Да и на ферме, думал, дела захиреют. А увидел такое, что и глазам не верю. И засеяли все, что положено, да еще в заполье, говорят, клин прихватили, и убрали все, и с государством до великого праздника рассчитались, и на скот у вас падежу никакого нет. Одним словом, хозяйевали как надо. Спасибо вам, женщины, еще раз превеликое. Теперь меня к себе в помощь принимайте... Мне хоть фашисты одну руку искорежили, зато другая цела — силы хватит. Располагайте мной, как найдете нужным.

Поднялся невообразимый шум. Люди кричали, хлопали в ладоши, желали дяде Назару здоровья.

Официальную часть закрыли, начался концерт. В хор Раиса не пошла. Нюша хотела позвать ее, но Надежда Григорьевна остановила:

— Не надо, Нюшенька, не по себе ей.

Теперь Быстров и его товарищи сидели в первом ряду, и Раиса уже не видела его лица. Но пока он был в зале, уйти домой не могла.

После концерта Вера Петровна пригласила гостей зайти к ней. Николай Гаврилович стал было отказываться, но Надежда Григорьевна взяла его под руку:

— Никаких возражений, Николай Гаврилович, хозяева тут мы.

Пройдя несколько шагов, Надежда Григорьевна вдруг «вспомнила», что не договорилась о чем-то с Нюшей, и, извинившись, повернула назад.

Но шла она не к Нюше. Ей надо было взглянуть на Раису.

При свете луны она увидела ее на дороге. В черном коротком полушубке и белом шерстяном платке Раиса брела в сторону, противоположную от дома.

— Раюша!

Раиса не остановилась.

— Рая, ты куда?

Теперь она испуганно оглянулась:

— Я? Никуда.

— Иди домой, хватит с тебя волнений. Я немного задержусь у Веры Петровны.

— Ему никто не сказал?

Надежда Григорьевна не узнала ее голоса. Хрип-лый, он показался ей чужим.

— Нет, — ответила она быстро. — Раз ты не хочешь, постараемся, чтобы никто не сказал, но все равно, рано или поздно...

— Потом, потом, — перебила ее Раиса и заторопила: — Идите, Надежда Григорьевна, идите, а я пойду домой...

С той минуты, когда Надежда Григорьевна увидела выходящих из машины Быстрова, Климова и незнакомого ей еще Назара Науменко, ею овладело удивительно хорошее настроение. Для нее приезд Сергея Михайловича был полной неожиданностью. Она радостно жала его руку и повторяла:

— Как хорошо, что приехал, умница, что приехал. Я звонила, так разве вас найдешь?!

За столом у Веры Петровны они сидели рядом. Напротив разместились: Быстров, дядя Назар и другие гости. Хозяйничала Прасковья Ивановна.

— Ну, Надежда Григорьевна, ты велела пол-литра, а мы ради праздника побольше испьем, — смеясь сказала Прасковья Ивановна, ставя на оба конца стола по бутылке водки.

— Надежда Григорьевна велела водку? — Николай Гаврилович не мог скрыть удивления. Корнева и Науменко расхохотались.

Поднимая рюмку, дядя Назар просто сказал:

— За твое здоровье, Надежда Григорьевна. Нам про тебя на фронт жены писали. Очень мы рады, что ты у нас в колхозе прижилась.

— И я рад за вас, — тихо сказал Корневой Сергей Михайлович. — Ведь это тот самый передний край, который вы искали.

Лепешки из темной муки, жареная картошка, кисель из ягод дикого винограда — все казалось необычно вкус-

ным. Опять друзья были вместе, опять им было хорошо.

Стали прощаться. Надежда Григорьевна и доктор Климов вышли первыми. Оба в эту минуту вспомнили тот вечер, когда в саду у тети Поли ярко светила луна.

И Климов не удержался. Прижал ее к себе и поцеловал.

Никто не заметил в переулке легкую тень от маленькой фигурки.

Раиса не могла не взглянуть еще раз на Быстрова. Она заметила, что Николай Гаврилович одет в то же старенькое пальто с вытертым воротником.

«Холодно тебе в нем, наверно», — подумала она.

Попрошавшись, Николай Гаврилович и доктор сели в машину. Раиса проводила взглядом эмку и побежала по переулку. Когда вернулась Надежда Григорьевна, она уже была дома. В первый раз за много дней она подошла к зеркалу. Никто никогда не узнал о том, как провела она этот вечер. Даже Надежде Григорьевне она ничего не сказала.

«Так, значит, ты работаешь учетчицей в полевой бригаде, это хорошо. Но знаешь ли ты, как хлеб сеют? Трактора и сеялки ты, конечно, видела, а вот как зерно сеять надо, да чего в почву положить, да как за посевами ходить — всего этого ты, однако, не знаешь. А знать надо. Учись, Раиса, дознавайся до всего, тогда дело по-настоящему будешь держать в руках. Не станешь учиться, не ты им, а оно тобой помыкать начнет. От этого мало проку. Ты уже не обижайся на меня за эти слова, я ведь много тебя старше. Ну дай бог тебе всего хорошего. Варвара».

А внизу было приписано:

«Раиса! У нас большая радость. От папы пришло письмо, он долго лежал в госпитале, теперь выздоравливает, скоро приедет. Целую крепко и жду писем. Маша».

Раиса несколько раз прочитала это коротенькое, теплое письмо друзей. Слова Варвары Игнатьевны заставили ее задуматься. На самом деле, прошло около трех месяцев, как она здесь, а узнала она немного. А что дальше?

Как-то в свободный вечер она заговорила об этом с Надеждой Григорьевной.

— Ну, выкладывай, что тебя больше всего интересует?

— Все, — коротко ответила Раиса.
— Это как же понять?
— Вот, — она протянула Надежде Григорьевне письмо Варвары Игнатьевны. Та внимательно его прочитала.

— Правильно пишет, — сказала она, возвращая письмо Раисе. — Только вот что: всего сразу не узнаешь. Можно перечитать сотни книг, исписать десятки тетрадей, но пока своими руками не посеешь и не убереешь хлеб, основного не узнаешь. Чертовски интересное дело сельское хозяйство! Все эти растения, сперва маленькие и нежные, захватывают тебя всю целиком, и настоящие знания приходят через собственные наблюдения.

В дверь постучали. Вошел Юрка:

— Надежда Григорьевна, опять я до вас. Задача по физике вроде легкая, а решить не могу.

— Ну давай.

Но сколько она ни вчитывалась в условие задачи, решить ее не могла.

— Дайте мне взглянуть, — попросила Раиса, подходя к столу. — По физике я вроде ничего шла, может что и осталось в памяти. — Она углубилась в учебник. Думала и машинально рисовала карандашом какой-то квадрат. Сверху приделала полукруг, сбоку провела линию. Посмотрела — вышла веялка. Пририсовала к ней ручку.

«Ты старайся, чтобы все плечо работало», — внезапно прозвучали в ее ушах слова Прасковьи Ивановны.

— Юрка! Чего же мы ищем, тут же действуют рычаги.

Теперь они быстро решили задачу.

— Вот спасибо, Раиса Львовна, помогли.

— Да ничего я тебе не помогла, чуть только подсказала.

Юрка ушел. Продолжая прерванный разговор, Надежда Григорьевна сказала:

— Быстро все сразу не осилишь. Вместе, Рая, будем за книгами сидеть.

Глава 3

Уже давно из Дальних урочищ ушла первая бригада колхозников, построившая конно-ледяную дорогу, жильё и сарай для лошадей. Эту бригаду сменила другая, толь-

ко бригадир Иван Фомич Седых и его помощник Михаил Федорович Артюхов, которого все звали дядей Михайлом, остались прежние.

Людей теперь тут много, располагают они достаточным количеством лошадей. Берегут лесорубы свою ледянку пуще глаза. Ее постоянно поливают водой, метут голиками, чтобы лед был как зеркало. Из самых глубин вывозится по этой дороге лес к верхнему складу. Санки, нагруженные бревнами, легко скользят по отполированному льду.

Лес валили широкой пилой — краскотом. Как деды и прадеды. Работа изнуряющая. Наметят деревья, навалют, а потом начинают обрубать сучья, сталкивать лошаадьми бревна. Пока с одной делянки трелюют, другая ждет. Работа движется медленно. А леса требуется все больше и больше. Передовые леспромхозы один за другим переходили на более прогрессивную организацию труда — бригадный метод, при котором весь цикл работ и начинает и завершает сама бригада.

Мысли о такой бригаде не давали покоя Быковскому. Он знал: трудностей здесь не избежать, хотя бы потому, что в леспромхозах бригады постоянные, а на колхозных лесосеках люди меняются. Одни едут домой, другие их подменяют.

— Ну если не бригада, то, по крайней мере, звено, — думал Быковский.

Быстров, разделяющий в душе все его поиски, посоветовал, однако, раньше съездить в леспромхозы, изучить бригадный метод.

Как-то так получилось, что испытывать новый метод решили не в «Заре», не в «Колосе», не в других колхозах, а именно в «Гаежном ключе».

Быковский раздобыл лучковые пилы, привез их на лесосеку. Иван Фомич, много слышавший о новом методе, решил попытать счастье. Вызвал из села внука и его дружков. Первым стал на валку сам. Поначалу неудобно было держать ручку лучковой пилы. Потом он почувствовал, что узкий лучок устраняет вертикальный зажим, обязательный при широком краскоте. Это придало силы. Она как-то экономилась в руках и плечах. Организовали работу так. Иван Фомич валил, Артюхов отмечал и раскряжевывал, двое подручных рубили и убирали сучья. Работа пошла вдвое быстрее. Потом организовали еще

три такие бригады. Одну из них возглавил Иван-маленький. Уже в первую неделю темпы лесозаготовок заметно повысились.

Вера Петровна, приехавшая на лесосеку посмотреть, что тут делается, обрадовалась. Тут же предложила: отпустить в село на отдых не по одному человеку из бригады, а всю бригаду. Ее место займет другая, которая придет на лесосеку с новыми силами.

— Это все отлично, — одобрил Иван-маленький. — Только уж сменяться надо после того, как выработаем свою делянку. А то как же будем учет вести.

— И это верно, — согласилась Вера Петровна.

— Вот, Вера Петровна, идет наш лес, — проговорил Иван. — Сделают вон из моего хлыстика, — он указал глазами на огромное бревно, которое лошади тащили мимо них, — крыло или там еще что, и придет час, взмоет в синеву самолет, а может, в ночь полетит прямо на вражеские батареи, бомбить их будет... не зря мы, стало быть, тут на лесосеках...

Лес шел беспрерывно. Решалась главная задача зимы. Но, кажется, долинцам никогда еще не было так трудно с людьми, как в тот год. Рабочих рук везде не хватало. Все, кто мог трудиться, ходили на колхозные работы, и все равно, куда ни кинь взгляд — то недоделано, то неисправно.

Тревожное положение создалось на конном дворе. Рождался молодняк — отличные жеребята, которых надо было вырастить и сдать Красной Армии, а за молодняком некому было ухаживать. Один конюх не справлялся. И тут пришла к Смелик директор школы Татьяна Федоровна Силаева. Пришла она к Вере Петровне в тот момент, когда та сидела в своей боковушке расстроенная, удрученная.

— У вас такой вид, как будто случилось что-то страшное, — участливо сказала Силаева, как только они поздоровались.

— Да нет, — отвечала Смелик. — Вроде бы ничего не случилось, да уж очень мучает нехватка людей. Сижу вот и думаю, кого бы мне на конный двор поставить, где взять хотя бы человек пять-шесть. Всех перебрала. Из леса не отзовешь, с молочной фермы не снимешь, из кузницы нельзя. Кто на разных работах стоит, так ведь тоже загружен по горло.

— А я за этим и пришла, — спокойно сказала Силаева. — Давайте-ка, Вера Петровна, потолкуем. Мы с Надеждой Григорьевной посоветовались, а что если на конный двор прикрепить наших старших школьников. Народился жеребенок — вот и пусть ухаживают за ним двое, трое ребят. Ведь стимул-то какой — самим выращивать коней для Красной Армии! Заинтересуются ребята. Большая помощь будет колхозу.

Вера Петровна смотрела на нее во все глаза. Как же это она сама раньше недодумалась. Конечно же ребята помогут. Сейчас на конном дворе управляется старик Лучков. Уж он-то сумеет ребят организовать.

— Господи! Я не знаю, как вас благодарить. Это же выход, Татьяна Федоровна! Такой выход, — заговорила Смелик.

— Ну вот и хорошо, — ответила Силаева. — Давайте сходим на конный двор, посмотрим все сами.

Неприглядную картину они увидели в сарае. Кругом грязь, на потолке тенета с пауками. У жеребят сырая подстилка. Тяжелый воздух.

— Старик не справляется, — горько заметила Смелик.

— Ну ясно, — отвечая на свои мысли, проговорила Силаева. — Порядок надо навести, с этого и начнем.

И пришли на ферму галчата — как звал их старик Лучков — четырнадцати-пятнадцатилетние ребята. Шумели-то они действительно как галки. И смех, и песни зазвучали на конном дворе, а рассуждали, как взрослые. В том, что они будут ухаживать за жеребятами, предназначенными для Красной Армии, они видели задание Родины. Получали его только те, кто хорошо учился. Оно было почетным и ответственным. Это до глубины души потрясло старика Лучкова. Он сам готов был теперь дневать и ночевать здесь.

Уже через месяц конный двор нельзя было узнать. Сарай вычищен, проветрен. Кругом порядок. Стены побелены, на стене возле каждого жеребенка — бирка, на которой крупно выведены слова «Лошадь фронту», кличка жеребенка и фамилии тех, кто за ним ухаживает. Кличку давали по всем правилам. Образовывали от первых слогов имен отца и матери.

— Вот тебе и галчата! — радовалась Вера Петровна. А сердце сжималось. Ведь устают ребята: и учатся, и работают. А что поделаешь — война.

Глава 4

Зима стояла неровная и малоснежная. Держались суровые морозы, трескалась почва, а окна домов покрывались ледяными узорами. Они не успевали оттаивать на скупом солнце. Утрами, когда мороз становился еще крепче, дым из труб столбом поднимался кверху. В воздухе раздавались резкие, как пистолетные выстрелы, звуки — трещали стволы деревьев. Стонала тайга.

Трудно приходилось людям в такой мороз, но еще труднее в те дни, когда с Перекатной начинал дуть порывистый ветер. Он пробирался под одежду, выдувая последнее тепло.

Тайга вокруг села зловеще гудела. Ветер трепал вершины могучих кедров, лутал их ветви, сдирал и осыпал на землю хвою. Гнулись обнаженные вершины ясеней, тяжело ухали и скрипели раскинутыми во все стороны сучьями коренастые дубы. Ветер силился согнуть, сломать, сокрушить все на своем пути. Злобно выл он вокруг пихт, кудрявых и неподатливых. Собравшись с силой, яростно ударял по сухостойному тополи. Дерево охало, хрустело ветвями и валилось.

Лютует зима. Зверь залег в норы, зарылся в землю, в сухой лист, в мох, чтобы было теплее. Волки и те перебрались поближе к человеческому жилью.

...Шумит тайга вокруг Долинок, кипит по улицам колючая вихрастая поземь. Тут бы снегу насыпать в сугробы, укрыть ими остывшую землю, пускай тогда бушуют морозы! А снега мало. Половина зимы прошла, а ни одного хорошего снегопада не было.

Стоит такая погода неделю, другую, а потом вдруг оттепель. Солнце поднимается, окна оттаивают, ребятишки, как воробьи, из хат на дорогу высыпают. Людям вроде и легче. Только боятся этих оттепелей старые хлеборобы, особенно в малоснежные зимы. Ничего хорошего они не несут ни озими, ни клеверам.

Это знал и доктор Климов.

Если медицина была профессией, то поля, хлеба, фермы были его страстным увлечением. Агрономы и колхозники, приходя к нему на прием, после разговора о недугах непременно рассказывали что-нибудь свое, советовались с ним. Летом иной раз приходили к нему в сад полюбоваться на ранетки, на виноград или загля-

путь на грядки с чудесными помидорами. Чего только не было в саду у доктора Климова: яблони, груши, георгины, гладиолусы, розы и многое, многое другое.

Как-то он возвращался от больного. Ехал на попутной машине. Возле Долинок слез и пешком углубился в тайгу. Хотелось немного побродить по зимнему лесу.

Утро выдалось тихое. Сергей Михайлович долго стоял на еле приметной тропе, любуясь утренней тайгой. Вверх и вниз по стволу пробежал дятел, выскивая трещину поглубже, вот он зацепился коготком за верхний покров коры и стал долбить назойливо и ритмично:

— Тук-тук-тук.

И сразу на сухую траву под деревом посыпались коричневые крошки расклеванной коры.

— Стучишь? — громко сказал Сергей Михайлович, весь отдаваясь чувству свободы и слияния с окружающим миром. — Ну стучи, стучи! — Он даже подмигнул птице от удовольствия.

Остро пахло хвоей и примороженной прелой листвой.

Он пошел дальше и скоро вышел в поле. По обе стороны дороги тянулись большие массивы озимой ржи. «Вот, кстати, взгляну, как она зимует, матушка рожь», — подумал он.

Но что это? Впереди на пригорке поле светилось холодным ледяным блеском. Сергей Михайлович прибавил шаг. Подошел ближе и остановился пораженный. Снег покрывал поле тонким слоем, у дороги он лежал довольно плотным валом, середина же массива была почти оголена. Во время оттепели снег подтаивал, поля увлажнялись, а к утру их покрывала тонкая плотная корка льда, намертво сковывающая растения. Климов пошел сначала вдоль массива. Наклоняясь, он просматривал подо льдом промерзшие растения. Кое-где перевернутые ветром еще с осени, перерезанные льдом, жалкие пучки их вылезли наружу и торчали из-под ледяной брони колючей щетиной. Было ясно, что много растений погибло.

Сергей Михайлович прикинул взглядом, сколько тут гектаров озимых. Они заняли широкую долину. Сопки в этом месте отступали далеко к горизонту, где-то возле них петляла Перекатная, а здесь раскинулись широкие колхозные поля. «Какой урон!» — думал Сергей Михайлович. От недавнего его поэтического настроения не осталось и следа. Охотничьим ножом он вырезал квадрат

почвы с озимой рожью. В кармане нашлась старая газета. Он завернул пласт и пошел в село.

Темнело и морозило. Километрах в пяти от села его нагнала подвода. Лошадью правила женщина в полущубке, обвязанная платком по самые глаза.

— Эй, красавица, подвези-ка меня, придется к вам в Долинки заезжать.

— Пожалуйста, — кивнула женщина и, останавливая лошадь, отвернулась.

— Да, дорогой товарищ, плохо зимуют ваши озимые, — сказал Климов немного погодя.

— Почему?

— Снегу мало, почвы голодные, а вообще-то агрономы должны разобраться, почему. Да-а, неприятно, очень неприятно.

Разговор не клеился, ехали молча.

— А почему, милая, вы порожняком едете? — вдруг спросил он. — Разве нельзя везти в село сено?

Женщина резко дернула вожжи:

— Как это нельзя? До зарезу нужно, а вот мы порожняком прохлаждаемся по милости Курмышова. Зла у меня на него не хватает.

— Чем же он вас так прогневил?

— Да не только меня, всюду он палки в колеса вставляет. Пред-се-да-тель! Была бы моя воля, я бы его за десять километров к исполкому не допустила.

Климов напряженно вслушивался. Ее голос показался ему знакомым.

— А вы женщина с ядом, — заметил он.

— Будешь тут с ядом!

— Ну чем же он все-таки вас прогневил? — повторил свой вопрос Климов.

— Да хотя бы тем, что наряд на веревки нам в райпотребсоюзе застопорил. Попробуйте без веревок сено возить... Но-о, Карюха! — стегнула она кнутом лошадь.

Поехали рысью. Климов не нашелся, что ответить. Так молча и подъехали к конному двору. Климов поблагодарил свою спутницу и пошел прямо к правлению колхоза. Женщина проводила его долгим взглядом.

— Не узнал? Ну и не надо! — сердито подумала Раиса и начала распрягать лошадь.

Веры Петровны в конторе уже не было. Климов пошел к ней домой.

— Думала я, что будет выпадение, но не столько. Ах ты какая напасть!—сокрушалась Вера Петровна, рассматривая лежащую перед ней на газете почву с озимыми, что принес Климов.

— А помочь уже ничем нельзя? — спросил он.

Смелик покачала головой.

— Зимой ничего не предпримешь, весной пораньше проборонуем, посмотрим, может кое-что и подправим. Ну спасибо вам, Сергей Михайлович. Раздевайтесь, однако, поешьте вместе с нами.

— Нет, Вера Петровна, пора отправляться, уже вечер, а мне еще тридцать километров добираться.

— Так вы что, пешком?

— Пешком.

— Ах батюшки! — всплеснула руками Вера Петровна. — Вот была забота!

Климов засмеялся:

— Была, была охота побродить по тайге. Уже давно так не отдыхал. Да, — вдруг вспомнил он, — чего это у вас так Курмышова не любят?

— А вы откуда знаете?

— Да вот подвозила меня сейчас одна ваша девушка, так очень она обижалась на него за какие-то веревки.

— Вон что! — протянула Вера Петровна. — Ну так она права. Вы понимаете, что он наделал? Райпотребсоюзу велел колхозам отказать, и веревки переслали куда-то в другое место. Кто успел, тот получил, а мы не успели — вот девушки и обижаются.

— Так, — задумчиво проговорил Климов. — И все?

— Да нет, не все. Не любит его народ. Какой-то он... ну, как бы это сказать... — Она никак не могла подыскать нужное слово. — В общем, формалистикой занимается. Ему бы только сводки, а что за ними люди стоят, это его не трогает. Знаете, как его у нас прозвали? Умрешь — не придумаешь: Жми График.

— Как, как?

— Жми График, — повторила Смелик. — Это все потому, что у него первые и последние слова: «Жми график».

Климов хохотал.

Вера Петровна захлопотала у печи, очень ей хотелось накормить доктора, но Сергей Михайлович заторопился:

— Пора!

— Да нет, куда же вы пойдете? — проговорила она и окликнула сына: — Юрка, ты уроки выучил?

— Выучил, маманя.

— А коня отвел?

— Нет, еще не успел.

— Ну так езжай на моей бедарке, подвези Сергея Михайловича до переезда, а там машины всю ночь бегают — пересядет.

Кусок озими, принесенный Климовым, без лишних слов подтверждал правоту агронома. Он доказывал, что расходы, понесенные на минеральные удобрения, окупятся с лихвой. И люди вроде бы соглашались, а на заседаниях правления били отбой: денег, мол, мало, с минеральными удобрениями можно повременить. Не выгодно колхозу нести большие затраты на удобрения.

— А вот это выгодно? — шептала Смелик. — Сколько теперь убытку понесем?!

На смену этим мыслям пришли другие. Рожь вымерзает и у них, и в «Заре», и в «Колосе». Может, вместо ржи что-нибудь другое сеять надо? Вера Петровна вспомнила, как прошлой весной она сказала об этом Курмышову, но вместо ответа получила нагоняй и приказ засеять рожью полностью весь озимый клин. Он даже прислал ей контрольные цифры плана озимого сева. На углу разграфленного листка с цифрами — резолюция: «Выполнить безоговорочно!»

«Выполнить, выполнить... Ну вот сеем да пересеваем», — зло думала Вера Петровна.

Утром позвонила в МТС. Рассказала директору о своем горе.

— Это не только у вас, такое дело во многих колхозах, — попытался он утешить ее.

— Так это же еще хуже, — ответила Смелик, — только и ты, товарищ Воронов, хорош. Землю вы нам обрабатываете, это верно, а подумать о ней вместе с нами не хотите.

— Вот что, Вера Петровна, — сказала Корнева. — Давай-ка по этому поводу проведем очередное агротехническое занятие. И пусть Воронов сам его проведет. Он у нас редко бывает. Вот сведем его с нашими людьми, пусть тогда разберется что к чему.

И занятие состоялось. Вера Петровна заранее съез-

дила на озимый клин. Привезла пробы с семенного участка. В МТС сделали анализ почв с различных массивов.

Воронов не сразу разгадал маневр Корневой и Смирлик, а когда понял их намерения и хотел поручить провести это занятие агроному, было поздно.

И вот он стоит на виду у всех, в руках у него пробирки с анализами почв. Высоко поднимая то одну, то другую, чтобы все видели, он говорит:

— Пахотный слой на некоторых ваших массивах едва достигает 18—20 см. Даже при самых благоприятных условиях вы будете иметь на этих участках не больше восьми-девяти центнеров ржи.

В зале зашумели.

К столу подошла Татьяна Федоровна Силаева. Она вела агрокружок.

— Для того чтобы было яснее, товарищи, — сказала она, — посмотрите вот на эту пробу ржи, взятую недавно с такого семенного участка. Видите, в тепле почва оттаяла, растения пробудились к жизни и начали зеленеть. Но в рост пошли далеко не все. Очень многие кустики ржи погибли. Можно определить, сколько растений выжило, а какой процент погиб. Товарищ Зубенко, подсчитайте, — предложила она, зная, что он больше всех членов правления добивался урезывания средств на закупку минеральных удобрений.

— Считаю сперва все растения, — проговорил Воронов, садясь на табурет.

Сидор начал считать вслух. Растений было сто двадцать.

— Теперь считай погибшие, — сказал Воронов.

Воцарилась мертвая тишина.

— Десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, — считал Сидор, заметно волнуясь. Вот он остановился, оглядел всех и спросил:

— Что же это такое, товарищи?

— А то, — встал со своего места Воронов, — что двадцать восемь процентов озимой ржи уже погибло. Не следовало вам, товарищи, в прошлом году скупиться на удобрения. Рожь бы зимовала лучше. Удобрять, удобрять и еще раз удобрять, — сказал он, желая на этом закончить занятия.

Но с задних рядов послышался голос Нюши Прониной:

— Да у нас органических удобрений не хватает. Если бы мы их вывезли, так вы бы наших почв не узнали. — Пробираясь к столу, она громко доказывала: — Мы и половину того, что надо, не вывезли. Не осилили, товарищ директор, а вы нам не помогли. Вот вы постоянно твердите о качестве обработки земли, а о структуре почвы у вас душа не болит. Это вроде не ваше дело! А мы думаем, это и ваше, и наше дело.

В зале зашумели:

— Верно! Правильно!

— Тише вы! — закричала Вера Петровна, но Корнева остановила ее.

— Ничего, Вера, пусть страсти побушуют, иногда полезно.

— А почему МТС не может помочь нам возить корма? Ведь машины сейчас не очень загружены, — громко спросила Раиса со своего места.

— Одну минуту, — Воронов поднял руку. Стало тише. — Во-первых, подвоз удобрений и кормов не входит в обязанности станции. Во-вторых, у нас нет свободных машин. В-третьих, товарищи, эти вопросы не по существу.

— Так мы ж вас очень редко видим, — выпалил Кузьма и, поднявшись во весь свой могучий рост, пошел к столу.

— Дор-ро-гу Малявочке, — не преминул пошутить кто-то из комсомольцев.

Видя, что Воронов раздраженно закрывает свою папку, Кузьма очень спокойно попросил:

— Одну минуту, товарищ директор. Мы с вами редко видимся, а побеседовать надо. Вы говорите, машин нет, а мы говорим — трактора есть. Надо как следует наладить их ремонт, и тогда можно будет дать пару тракторов колхозу. Вот, пожалуйста, у Нюши Прониной в бригаде три трактора свободно могли бы еще работать, а вы потребовали загнать их на ремонт. Места в мастерской для них до сих пор нет. Трактора стоят на приколе, а люди болтаются.

— У нас нет тележек для тракторов, — буркнул Воронов.

— Ну вот, тележек нет, — продолжал Кузьма. — У вас вечно чего-нибудь нет. А как говорил Николай Гаврилович? Он говорил нам: слова «не можем» нет, есть

слово «не хотим». Так как: не можем или не хотим наладить тракторы и помочь колхозу в тех работах, которые не предусмотрены договором и не особенно выгодны станций?

Он замолчал. Воронов был обескуражен.

— Ну хорошо, товарищи, что-нибудь придумаем. Вы же не ставили раньше так вопрос.

— Как не ставили? — возмутилась Смелик. — А когда МТС с нами договор заключила, мы о чем говорили? Запомню, Наум Павлович? Каждый год об этом твердим!

Вернувшись из Долинок, Воронов вызвал к себе в кабинет заведующего мастерской, старшего механика и завгара:

— Чтобы завтра же послали в Долинки две трехтонки. Черт с ними, пускай возят! — приказал он.

Глава 5

Отсутствие в районе правильных севооборотов мало беспокоило Курмышова. Но постоянные напоминания о них Быстрова не давали спокойно жить. В прошлом году всю вину за нарушение чередования культур удалось свалить на дожди. После весенних ливней многие поля пришлось пересевать. Тогда обошлось. А вот обойдется или нет нынче?

Чем больше он думал об этом, тем сумрачнее становилось у него на душе. Дело заключалось, конечно, не в одних севооборотах. Курмышов хорошо понимал, что отношение к использованию земли характеризует его стиль руководства. Признаться в этом он не хотел и никогда не соглашался с тем, что его заедает текучка.

— Севообороты, севообороты, — рассуждал Курмышов, — сейчас не до них. Пшеничку я должен государству каждый год давать. А с какого она поля — с севооборота или заполья, — не все ли равно? Кто скажет, что Курмышов плохо работает?

В последнее время его стали волновать вопросы Быстрова. Секретарь райкома не шумел, не кричал, но спрашивал так, что Курмышову было ясно: ему не доверяют, как раньше.

Так, совсем недавно Николай Гаврилович спросил:

— Почему не все колхозы получили веревки по наряду?

— А если я тебя спрошу, Николай Гаврилович, почему не все колхозы получили веревки? — ответил с раздражением Курмышов. — Откуда я знаю? Кому надо, те получили. У меня есть дела поважнее веревок. В каждую мелочь я совать нос не буду.

Он стоял перед столом Быстрова в позе человека, которому просто мешают работать. Быстров пристально посмотрел на него:

— Видишь ли, Платон Петрович, когда председатель райисполкома аннулирует наряды на веревки, лишает большую половину колхозов в районе возможности возить сено к фермам, — это не мелочь. И если тот же председатель, боясь нарушить хорошие отношения, ну скажем, с председателем крайпотребсоюза, делает то, что угодно ему, — это тоже не мелочь.

— Я никаких нарядов не аннулировал, — вспыхнул Курмышов.

— А вот это что? — тихо и очень веско произнес Быстров. Он открыл ящик стола, вынул наряд колхоза «Таежный ключ» и показал его Курмышову: — Кто накладывал резолюцию и кто подписывал?

— Ну допустим, я. Какого же черта они не ехали за этими веревками! Райпотребсоюз ждать не мог.

— Кто это тебе сказал? — усмехнулся Быстров. — Неделя не такой уж большой срок, веревки на базе лежали всего семь дней. Ты же прекрасно знаешь, что добивались мы наряда на эти веревки через краевые организации, а ты их переадресовал, даже ни с кем не посоветовавшись!

— Ну, это уж слишком, я никуда их не переадресовывал.

— Конечно, но это сделали другие с твоего ведома. Короче говоря, Платон Петрович, ты занимаешься не тем, чем нужно. Подумай об этом.

Курмышов долго сидел у себя в кабинете, уставив глаза в одну точку, монотонно постукивая пальцами по столу.

Вскоре в Долинки без всякого предупреждения приехала комиссия по проверке культпросветработы. Она нашла, что учет работы в избачитальне не налажен и что вообще массово-политическая работа в селе запущена.

на. Обо всем этом Корнева прочитала в выводах комиссии, когда через две недели увидела акт, на котором была резолюция Курмышова: «Заведующему Чернореченским районо тов. Петровскому. Потребуйте от Корневой немедленно исправить положение. Безобразия! За что она получает деньги?»

— Гром-то не из тучи, — сказала Надежда Григорьевна Раисе, которая негодуяще вертела в руках этот «документ».

— Надежда Григорьевна, я этого Курмышова никогда не любила, а теперь просто ненавижу! — воскликнула Раиса.

— Напрасно, — спокойно ответила Корнева. — Ненависть — высокое чувство и разменивать его на мелочи не стоит.

Глава 6

Анастасии Демьяновне Ереминой все труднее становилось заведовать фермой. Попробуй управься дома по хозяйству, и с малышом, и на колхозной работе. Она не раз просила Веру Петровну перевести ее на работу полегче.

— Внучек-то у меня крохотный, болеет, в ясли его не снесешь. Ну, как у меня помрет?.. Тогда и я жить не буду, — говорила она, сдерживая слезы.

Вера Петровна всем сердцем рада была бы помочь ей, но замены не было, отпустить Анастасию с фермы она не могла.

Назар Петрович Науменко явился как нельзя кстати. Он было заикнулся о прежней работе, но Вера Петровна решительно запротестовала:

— Нет, теперь там и без тебя обойдутся, а ты, Назар Петрович, иди-ка на молочную ферму, Ереминой тяжело.

Назар Петрович не мог отказаться, только попросил Анастасию не уходить с фермы совсем, пока не разберется в делах.

И вот оба ходят по обширной территории молочной фермы. Невдалеке на пригорке высятся скирды сена и соломы.

— Нынешний год — с кормами. Силосу тоже много заложили, — говорит Анастасия Демьяновна. — Ох,

Петрович, как мы прошлую зиму бедовали! Кабы не комсомольцы, половины скота недосчитались бы!

— Слышал, слышал...

— Вот за одну яму силоса я боюсь, чегой-то долго ее закладывали, — тихо сказала Еремина.

— А ну пойдем посмотрим.

Осмотрели яму.

«Скоро надо будет открывать, а как? — подумал Науменко, оглядывая гору замерзшего грунта поверх ямы. — Эх, наших бы подрывников сюда».

— Как достаете-то, пешнями¹, что ли, долбите? — спросил он Еремину.

— А то как же. Самое тяжелое дело — зимой ямы силосные открывать.

— Так у вас же воинский гарнизон рядом, попросите — подорвут.

— Кто его знает...

Просматривая в молочной списки, он обратил внимание на то, что доярки часто менялись.

«Непорядок, — думал Науменко, — надо бы закрепить состав бригады».

Шаг за шагом он стал наводить на ферме порядок. Коммунисты (теперь их было уже пятеро) поддержали Науменко. Казалось, все шло на лад. Но вот Назара Петровича вызвали на краевое совещание животноводов во Владивосток, а тут, как на грех, приболела и Еремина. Старшей на ферме осталась Марийка Черета.

Выдался хороший, теплый день. Доярки решили открыть силосную яму. Кликнули на помощь Корненча. Тот охотно согласился. Общими усилиями яма была открыта, и никто не обратил внимания на необычный запах силоса и на его цвет. Дали его коровам после вечерней дойки: едят, ну и ладно. Доярки спокойно разошлись по домам. Ночью сильный стук разбудил Надежду Григорьевну и Раису — в дверях стоял бледный, испуганный Корненч. Задохнувшись от быстрого бега, он скороговоркой сказал:

— Коровы погибают, дует их, бегите, водить надо, водить...

То, что они увидели на ферме, было страшно. Заболевших коров уже выгнали во двор. Одни из них испу-

¹ Пешня — лом.

ганно, с жутким подвыванием мычали, другие — раздутые, казалось, до предела — падали на передние ноги и задыхались. Доярки старались их поднять и голосили, причитая, как над покойником. Кто-то кричал:

— Нож, нож давайте, пропарывать будем!

— Водите, сердешные, водите! — истошно вопил Корнеич.

— Ах ты, господи, что будем делать?

В сизом свете предрассветного часа в руках людей тускло мерцали огоньки ламп «летучая мышь». Крики, плач, свистящее дыхание погибающих животных...

Надежда Григорьевна подбежала к Смелик.

— Вера, останови панику, крикни им, что надо делать!

— Водить, только водить. Этих трех, — указала она на лежащих коров, — уже не спасем. Проколы не помогли, сейчас прирежем.

— Вера Петровна, не надо, — умоляюще закричала Раиса, услышав эти слова.

— Нет, дочка, надо, этих не отстоим, — решительно сказала Смелик. — Кузьма, Сергей, вы готовы?

— Готовы.

— Режьте, — махнула она рукой.

Раиса схватилась за голову, закрыла уши. Доярки заголосили еще сильнее.

— Раиса, беги сейчас же за людьми, стучись во все дома, пусть идут сюда все, — Вера Петровна громко отдавала распоряжения. — Марийка, Ксения! Проверяйте каждую корову. Водите заболевших! Да не голосите вы, как скаженные! Спасать скот надо.

Обвязав рога веревками, заболевших коров водили по территории фермы, но тут было тесно. Тогда их вывели на улицу. Народ прибывал. У женщин в руках появились бутылки соевого масла, захваченные из дома. У многих это было последнее масло, но оно могло спасти коров. Разжав животным рты, его вливали в горло и снова водили коров по разбуженным улицам тихих Доллинок. Обежав обе улицы, Раиса вернулась на ферму.

Ей в руки сейчас же кто-то сунул конец веревки, и она вместе с другими повела корову. Выходя из ворот, увидела спешивших на ферму учителей. Татьяна Федоровна, отстав от молодежи, на ходу перевязывала платок.

— Батюшки!—вскрикнула она, увидев раздутые бока коровы, которую вела Раиса, и побежала еще быстрее.

К утру мороз усилился. У женщин сводило ноги, коченели пальцы рук, но никто не ушел греться.

Было еще темно, когда у фермы остановилась райкомовская машина. Ветеринарный врач первым подбежал к сараю, около которого свежевали тушу коровы. Рядом лежали две другие, только что прирезанные. Взглянув на них, он все понял.

— Тимпанит от испорченного силоса, — коротко объяснил врач своему спутнику.

Это был Быстров. Дежурный по райкому доложил ему, что в Долинках беда, режут скот.

К ветеринарному врачу подводили то одну, то другую корову, которым не помогали обычные средства. Он делал проколы. После этого бока животного постепенно спадали, корова начинала дышать ровнее.

Николай Гаврилович увидел Веру Петровну и Корневу и подошел к ним узнать, как было дело.

Рассвело. В широкие ворота женщина с трудом вводила корову. Брови и ресницы у нее заиндевели, и вся она в своем черном шубнячке походила на школьницу.

— Товарищ врач, не спа-да-дает, — сказала она, еле двигая заочевеншими губами и дрожа всем телом. Увидев Быстрова, она покачнулась, но он поддержал ее.

— Не упаду, Николай Гаврилович, не бойся, — услышал он голос, от которого его самого бросило в дрожь. Он неловко держал ее за рукав шубняка.

— Раиса, ты? Не может быть...

— Все может быть, Коля. Только об этом потом, сейчас видишь, беда у нас.

Быстров стоял ошеломленный, а Раиса уже помогала ветеринарному врачу.

— Раиса... Раиса Львовна у вас давно? — спросил он у Веры Петровны, сам не узнавая своего голоса.

— Давненько, Николай Гаврилович. Учетчиком у нас работает, а вообще на любую работу идет безотказно.

Никто не знал, сколько прошло времени. Наконец врач сказал:

— Ну, кажется все. Заводите, женщины, коров в стойла. Николай Гаврилович, — обратился он к Быстрову, — вы уезжайте, а я до вечера побуду здесь.

Быстров взглянул на Раису. Она едва держалась на ногах.

— А вам греться, греться, — сказал врач Раисе, — вы страшно промерзли. Николай Гаврилович, подвезите ее до дома.

— Да-да, конечно, — спохватился Быстров.

— А где Надежда Григорьевна? — спросила Раиса и, увидев Корневу у ворот, пошла к ней. — Едем домой, Надежда Григорьевна! Шикарно, в машине, — попыталась она пошутить.

Быстров помог Раисе сесть и сам сел рядом. Володя с любопытством посмотрел на них.

Только сейчас Раиса почувствовала, как устала и как счастлива. Миновала большая беда, беда всего колхоза, и Коля сидит рядом. Пусть не так произошла их встреча, как мечталось, пусть не те слова сказала она — это неважно. Важно то, что она любит его, очень любит.

А Быстров не мог отвести глаз от ее лица, словно видел его в первый раз. Да, пожалуй, так и было. Такой он увидел Раису впервые.

Володя затормозил.

— Николай Гаврилович, я поеду заправлюсь, а то не доберемся до дому, ночью-то некогда было, — попросил Володя.

— Да-да, конечно...

Вошли в дом. Быстров помог Раисе снять шубу. У нее совсем не слушались руки. Посадил ее поближе к плите. В скромном платье, с простой прической, она выглядела еще моложе, чем была. Но как изменилась! Как хорош теперь этот освободившийся от завитушек лоб. «Раиса и не Раиса», — думал он, стоя рядом.

Вдруг она побледнела, сникла как-то вся сразу и, если бы не Николай Гаврилович, успевший подхватить ее, упала бы на раскаленную плиту. Он перенес ее на кровать. Вошла Надежда Григорьевна и ужаснулась. Лицо Раисы из мертвенно-бледного становилось багровым. На виске в тоненькой голубой жилке часто-часто пульсировала кровь. Лоб горел, а Раису бил озноб.

— Доктора, Николай Гаврилович... — каким-то изменившимся, не своим голосом сказала Надежда Григорьевна.

Услышав Володины гудки, Быстров выбежал на дорогу.

— Немедленно доктора, Раисе очень плохо, — распорядился он. Машина умчалась в Чернореченскую. Быстров вернулся в комнату. На табуретке возле кровати уже стояла миска с холодной водой. Надежда Григорьевна беспрерывно обкладывала мокрым полотенцем голову Раисы. Быстров сел в угол, чтобы не мешать Надежде Григорьевне.

Он видел, как Надежда Григорьевна бесшумно двигалась по комнате: подложила в плиту дров, поставила чайник, поправила Раисе подушку, потеплее укрыла ее — а сам все думал и думал.

— Круто пришлось ей в жизни, Николай Гаврилович, ох круто, — только и сказала она за то время, что ждали врача.

Приехал Климов. Обо всем, что произошло, он уже знал от Володи. Он определил двустороннее воспаление легких.

— Надо бы в больницу, — услышал Быстров голос Климова, — но в таком состоянии ее везти нельзя. Сейчас мы сделаем все, что нужно, а дальше будете давать ей вот это. — Он подробно объяснил Надежде Григорьевне, что и как делать. Раиса уснула. Надежда Григорьевна позвала Володю и заставила всех троих выпить горячего чаю.

Климов не менее Быстрова был удивлен встречей с Раисой. Взволновало его и то, что Надежда Григорьевна столько времени ничего не говорила о ней. Он подал Быстрову знак, они оделись и вышли на улицу.

Было раннее утро. Володя, хоть и прогревал всю ночь мотор, но завел машину не сразу. Оба они какое-то время стояли молча, глядя на полыхающий восток. Утро занималось тихое и ясное, будто в Долинках ничего и не случилось.

Как только закончили освеживание туш прирезанных коров, Вера Петровна сейчас же отправила мясо в Чернореченскую, в райпотребсоюз, но прежде его надо было доставить в лабораторию. Повез туши Кузьма Малявко. Вместе с ним поехал и ветеринарный врач. Он вез пробы злополучного силоса.

Только после того как на ферме все успокоилось и доярки начали утреннюю дойку, а скотники взялись за приборку всей территории, Вера Петровна пошла домой. На нее было страшно смотреть. Лицо посинело, гла-

за ввалились, спутанные волосы выбились из-под платка, падали космами на глаза. У нее уже не было силправлять их. Она шла по улице, вконец обессиленная. У конторы увидела выскочившую из переулка эмку Быстрова и подумала: «До сей поры был здесь... Значит, у Надежды Григорьевны что-то случилось...» — и решительно повернула к Корневой. В домике было тихо. Надежда Григорьевна сидела у плиты.

— Вера, — громким шепотом произнесла она, увидев входившую Смелик. — Ты на себя не похожа! Сейчас же раздевайся, ложись в постель, грейся!

— Я на минуту, дома еще не была. Что у вас тут? Надежда Григорьевна, рассказывая, разматывала с головы Веры Петровны платок, снимала шубейку. Потом усадила к столу, напоила крутым морковным чаем с молоком и, несмотря на сопротивление, уложила в постель.

— Так ведь дети испугаются, что меня до сей поры дома нет, — уже в полудреме проговорила Смелик.

— Сейчас схожу к тебе и успокою их, — сказала Надежда Григорьевна.

Вернулась она быстро. Обе женщины спали. Она постелила себе на полу у плиты кое-какую одежду, легла и постаралась уснуть. «Сегодня будет тоже трудный день», — подумала она, засыпая.

А на другой день село потрясла весть о том, что Вера Петровна безвозмездно сдала в колхоз свою корову. Женщины охнули — ведь ребятишки же! Кто-то пояснил, что она сказала: «Как-нибудь перебьемся, покупать будем молоко, а к весне телка отелится».

— Перебьемся, — повторила Марийка Черета, — где уж перебится, когда сама пятая. Нет, бабоньки, что-то тут надо придумать, — и ушла к своим дояркам.

Надежда Григорьевна услышала об этом от Прасковьи Ивановны Науменко. Оставив ее возле Раисы, она поспешила в контору. У коновязи увидела Корнеича и Веру Петровну. Он торопливо привязывал свою корову. Конец веревки был очень длинный, и Корнеич, закручивая его, чтобы не болтался по снегу, мотал головой, видно не соглашаясь с тем, что говорила ему Вера Петровна.

— Нет уж, — услышала Корнева, когда подошла ближе. — ты, Петровна, как хочешь, а нашу корову примай. Люди-то вон на танки да на самолеты свои сбережения жертвуют. Ну, у нас до старухой средств столько

нет, а вот коровку на общую ферму пожалуйста. Вон какая беда у колхоза, как же не помочь, нет уж, ты оформляй, от чистого сердца, от души просим.

— Да ведь трудно же вам будет, — настаивала Вера Петровна.

— Обдумали. Выдюжим.

— Надежда Григорьевна, смотри, что получается... — взволнованно заговорила Смелик и удивленно воскликнула, — батюшки, Настасья Демьяновна свою корову ведет.

Надежда Григорьевна и Корнейч оглянулись. К колхозной конторе подходила Еремина. Корова важно зышагивала за хозяйкой. К конторе спешили люди. Они подошли как-то сразу и плотной стеной стали у коновязи. Еремина не спеша привязала корову рядом с коровой Корнейча и подошла к обомлевшей Смелик:

— Принимай и наш дар, Вера Петровна. И не спрашивай ничего. С невесткой живем. На дворе еще корова есть. Такой урон колхоз понес. Разве сердце стерпит.

— То ж и я говорю, — вставил Корнейч.

— Принимай, принимай, Петровна.

— Оформляй.

— Вот и не будет у нас никаких убытков. А то там Курмышов поди уж акты строчит, — слышались голоса.

Вера Петровна стояла растерянная и счастливая. По щекам ее текли слезы. Голова низко клонилась. Потом женщина выпрямилась и громко сказала:

— Спасибо вам, люди, за колхоз спасибо, за себя, за всех нас. Отвели мы, выходит, колхозную беду... Спасибо!

Надежда Григорьевна стояла потрясенная.

— А ты чего стоишь на холоду сама не своя, — спросила Корневу тетка Федосья Пронина. — Правда, что ли, Раиса крепко заболела?

— Правда, очень ей плохо...

Ближе к вечеру к Вере Петровне пришла Марийка.

— Принимай гостью, Вера Петровна, — весело сказала она. Вера Петровна стояла у поленницы и набирала дрова.

— Гостью? Что ж, проходи.

— Да нет. Мою-то гостью не в горницу, а в хлеву-

шок надо. — И она кивнула головой за угол дома, где стояла ее молоденькая корова.

— Господи, да вы что? — Дрова с рук с грохотом упали на снег. — Вы что, сговорились?

— Конечно, а ты как думала? Не одна же я решила. Принимай вот месяца на полтора, а там Дуня Власова свою приведет, так и протянем до отела твоей Белочки. Нельзя же тебе с четырьмя ребятишками без коровы сидеть... Ну, чего стоишь, гостья наша, харчи ваши!

Второй раз в этот день, а может и за все то время, что стала председателем, плакала Вера Петровна, не стыдясь своих слез.

Из Долинок Быстров приехал прямо домой. Позвонил дежурному в райком партни, что уснет часа два и придет. Но уснуть так и не смог. Встал, умылся, словно ошпарился холодной водой, и пошел в райком. Здесь, в привычной рабочей обстановке, он думал обрести то равновесие, которого ему так не доставало сегодня. Но и работать не смог. Он стал ходить по кабинету, силясь привести в порядок мысли. Все смешалось, все спуталось в его жизни. Он думал о Раисе, а за ней вставала большая колхозная беда и, как возмездие, — суд. Возмездие? За что? Кого судить?..

Многие в райкоме уже знали о случившемся, угадывали состояние Быстрова. Сочувствовали ему. И хотя он еще никого не вызывал, но к нему в кабинет заходил то один, то другой. У каждого был какой-то вопрос или сообщение. Быстров понимал, что идут они, чтобы отвлечь его, может быть чем-то облегчить его состояние, и был благодарен людям.

Заведующий районным земельным отделом Боков и прокурор Диденко пришли вместе, поздоровались. Боков сразу сказал:

— Анализ силоса, Николай Гаврилович, подтвердил определение ветврача: первый слой испорчен. На почве были трещины, видимо проник воздух, влага. Ветврач сделал заключения, что злого умысла здесь нет.

— Да, я знаю, что нет.

— Очень важное заключение, — заметил прокурор, — определена основная причина события, а уже в условиях, породивших ее, разберемся постепенно. Кому поручено вести расследование этого дела?

— Пока никому, может Курмышов...

— Нет, — перебил его прокурор, — Курмышов еще никого не послал. Николай Гаврилович, пришлите в Долинки ветеринарного врача. Он там был, по существу уже начал эту работу, пусть продолжает. Мой совет — сейчас же пошлите его. — Помолчал и добавил: — Павел Борисович Краснов внушает доверие. Он будет активен. Ну, пошли, — кивнул он Бокову.

Быстров видел, как устало идет Диденко. «Старику трудно, — подумал он. — Много ездит по району. Но знает людей, знает каждое хозяйство... И организатор талантливый.

Ведь если придется... — но эту мысль перебила другая. — А почему он сказал: «Сейчас же пошлите его?» — Быстров не успел до конца додумать и эту мысль, как Диденко, пропустив вперед Бокова, обернулся, повторил твердо:

— Пошлите Краснова сейчас же, — и вышел из кабинета.

Через час Краснов выехал в Долинки. Быстров позвонил Курмышову. В кабинете его не было. Не было и дома.

— Странно, где же он? — удивился Быстров. — Когда придет, попросите его позвонить мне, — сказал он секретарю.

Курмышов позвонил не скоро. О том, что произошло в Долинках, он узнал одним из первых. Судьба наконец-то улыбалась ему. Уж теперь все увидят, какой колхоз имеет неограниченные потенциальные возможности роста, а какой разваливается. Он тут же подумал о том, что в Долинки нужно послать для расследования всего этого дела человека, который не подведет. Но кого? Перед глазами сразу возник Гуляйденъ — надо бы ему позвонить. Но откуда? Из исполкома или из квартиры звонить неудобно. Услышат, скажут, подтасовывает Курмышов. С этими мыслями он и вышел на улицу в обеденный перерыв. Шел и думал: откуда бы позвонить? Не заметил, как очутился возле райпотребсоюза. Взглянул на часы и понял — самое подходящее время и место. Прошел прямо в кабинет председателя райпотребсоюза. Тот удивился:

— Сказали бы, Платон Петрович, мы бы сами принесли все, что надо.

— А мне, собственно, ничего и не надо. Я зашел взглянуть на наряды на веревки. Помнишь, мы куда-то отправляли оставшиеся веревки.

— Так ведь по вашему приказанию, — несмело начал председатель райпотребсоюза, но Курмышов перебил его:

— При чем тут мое приказание. Я хочу посмотреть, какие колхозы взяли, какие нет. Придвинув к себе папку с нарядами, Курмышов углубился в изучение документов. Потом, словно спохватившись, сказал:

— Слушай, а чего обедать не идешь? Иди, иди, я посмотрю эти бумажки и уйду. Положу папку тебе в стол. Дело несекретное.

Оставшись один, он тут же вызвал «Зарю». Гордея Никоновича нашли не сразу. Курмышов злился. Каждую минуту в кабинет могли войти люди, а возможность свидетелей этого, не очень приятного для него, разговора исключалась. Наконец он услышал знакомое: «Слухаю» — и тут же стал объяснять, что должен делать Гуляйденя, если его пошлют в «Таежный ключ». Он говорил «если», потому что не был уверен, что члены бюро согласятся с этой кандидатурой. Не знал, как посмотрит на это поручение и сам Гуляйденя. А тот согласился сразу. Курмышов облегченно вздохнул и пошел домой обедать. Первая часть дела была решена.

Только в конце рабочего дня он появился в кабинете секретаря райкома, когда там были многие члены бюро.

— А вот наконец и Платон Петрович, — проговорил Быстров, — где это ты пропадаешь? Мы тут хотели с тобой посоветоваться, кого послать в «Таежный ключ» расследовать все происшедшее, но ты как в воду канул. Полдня звоню, тебя ищут.

— И кого же решили послать, — выдавил Курмышов.

— Уже послали. — Он сделал паузу. — Туда поехал ветеринарный врач Краснов.

Курмышов дернул головой, тяжело опускаясь на стул.

— Судить их всех там надо. Такой урон, такие убытки колхозу. Разваливают все хозяйство. — Он не договорил, прервал резкий звонок телефона.

— Товарищ Быстров, докладывает Краснов. — Быстров повернул трубку и держал ее так, чтобы все слышали. — В «Таежном ключе» все в порядке. Молочное

стадо полностью восстановлено. Колхозники безвозмездно сдали колхозу личных коров. Я осмотрел всех. Коровы отличные, хорошо доятся. Так что валовой надой молока не уменьшится. Таким образом, никаких потерь нет, убытков тоже.

По кабинету пронесся вздох облегчения. Краснов попросил разрешения остаться еще на пару дней в Долинках помочь животноводам.

— Пожалуйста, — охотно разрешил Быстров и положил трубку. И тут же люди заговорили, закурили, не спрашивая ни то разрешения, не скрывая свою радость.

— Товарищи, так это же выходит, нет состава преступления, — громко заговорил Боков, — судить-то людей не за что!

— Судить, может, и не за что, но обсуждать на бюро все равно будем, — твердо сказал Быстров.

Члены бюро расходились с чувством, совсем не похожим на то, с которым час назад вошли сюда.

После той страшной ночи на ферме Надежду Григорьевну нельзя было узнать. Она сразу как-то постарела, осунулась, лишилась сна. Шаг за шагом, минута за минутой восстанавливая в памяти все события, она отчетливо видела виновника беды. Это была она сама. Она хорошо помнила, как мучили Веру Петровну сомнения, как не хотела она соглашаться на отъезд во Владивосток Назара Петровича Науменко.

— Кто останется старшим? — говорила Смелик. — Ведь Анастасия Демьяновна болеет. Вчера вон совсем не ходила на работу. Лежала. Я уж ей предлагала поехать в Чернореченскую больницу — не хочет. Говорит, отлежусь.

— Смотри, Надежда Григорьевна, может кого из молодых на совещание пошлем. — В ее голосе слышались тревожные нотки. Уж кому, как не партийному секретарю, прислушаться к ним. А вот не прислушалась. Сама же первая поспешила разуведить председателя колхоза. Ну что случится за 2—3 дня?

Кормов — в досталь, все у фермы, никакая пурга не страшна. Нельзя же так работать и все время оглядываться. А поездка много даст Назару Петровичу. Ему руководить большим делом, его вызывают — пусть едет.

— То так, — соглашалась Вера Петровна и все-таки до самого вечера в этот день командировочного удостоверения не подписывала. Сходила на ферму, убедилась, что там действительно все в порядке — и силоса в старой яме достаточно, так что дояркам не трудно будет. Учет Марийка ведет отлично, доярки все на своих местах, через денек-два Еремина выйдет. Все отлажено, вроде бы и бояться нечего.

И поехал Назар Петрович.

А выходит, не все отлажено. Самое главное не отлажено — дисциплина. Доярки допустили самовольство. Но ведь и они по-своему правы. Силос-то кончался. Вот и хотели открыть новую яму заранее. Не тогда же открывать, когда корм раздавать. Доярок Корнева могла оправдать, себя — нет.

...Быстров закрыл заседание бюро.

Все шумно поднялись, заспешили к выходу. Защелкали портсигары: два часа не курили. Уходя, оглядывались на Корневу. Она все так же сидела у стола, опершись подбородком на согнутую руку. Не поднимался со своего места и Быстров. Он вертел в пальцах карандаш и думал — первый выговор в ее жизни да еще и строгий.

— Надежда Григорьевна! Заседание бюро закрыто, — громко сказал он.

— Знаю, — отозвалась она. Он посмотрел на ее бледное, уставшее лицо и сказал мягко, желая хоть чем-нибудь ободрить ее.

— Возвращайтесь и работайте.

Корнева не ответила. Кивнула головой, тяжело поднялась и вышла из кабинета. За ней пошла и Смелик. Ей было не легче. Выговор был вынесен и ей.

Глава 7

В конце рабочего дня, когда Быстров собрался уже уходить, позвонил Климов.

— Николай Гаврилович, дай мне, пожалуйста, машину часа на полтора-два?

— Куда хочешь ехать?

— В Долинки. Надо взглянуть на Раису.

— Выходи, вместе поедем.

— И ты?

— Я сказал, вместе поедем.

Раиса они застали дома одну, она сидела на табуретке возле кровати над перевернутым листом старых обоев, расчерченным на равные прямоугольники с надписями: фосфорные, калийные, азотные, органические. Рядом лежала стопка маленьких картонных квадратиков. Ими Раиса закрывала прямоугольники на большом листе.

Увидев Климова и Быстрова, она обрадовалась.

— Чем это вы занимаетесь? — спросил Климов.

— Да вот систему удобрений никак не могу освоить, не дается это мне.

— А, может быть, все-таки подождать, пока совсем восстановятся силы, — сказал Быстров, всматриваясь в лицо Раисы.

— Агротехникой вы будете заниматься позже, а сейчас принимайте гостей и давайте я вас послушаю, — говорил Климов, снимая пальто.

После осмотра он не спеша сложил свой чемоданчик.

— Я, пожалуй, забегу сейчас к Вере Петровне, не терпится поскорее взглянуть на медпункт, — сказал он, берясь за пальто. — Вы, Николай Гаврилович, подождите меня здесь.

Он вышел.

Быстров и Раиса остались вдвоем. Николай Гаврилович ходил по комнате.

— Раиса! — Он остановился и сел рядом с ней. — Расскажи, как ты жила все это время?

— Как жила? Да, пожалуй, хорошо жила. Во всяком случае, многому научилась. — И она сбивчиво рассказала о пережитом.

Он взял ее руки в свои.

— Рая!.. — чуть слышно проговорил Быстров и не закончил. Вошел Климов.

— Пора ехать, — сказал он.

Раиса повернулась, и Николай Гаврилович увидел, что глаза ее влажны.

— Выздоровлявай, — тихо сказал он.

— Спасибо вам обоим, — ответила Раиса.

Вечером к ним зашла Вера Петровна — радостная, довольная. Из лаборатории пришли анализы семян. По чистоте и по всхожести зерно соответствовало кондициям.

— Солнышко нынче совсем по-весеннему греет, так что готовься, Раиса, по полям с «козой» ходить, — говорила Вера Петровна.

— Да уж придется поля померить, узнать, за что учетчику трудодни идут, — вторила Надежда Григорьевна.

— Не запугаете, дайте только на ноги покрепче встать, — отшучивалась Раиса.

Из кузницы на бригадный двор отправили последние бороны. Тракторы, машины, инвентарь — все было готово к севу. Оба бригадира — Кузьма и Нюша — вручили трактористам маршруты. На заседании правления колхоза Вера Петровна еще раз проверила расстановку людей. Везде все ждали только команды.

Вера Петровна гордилась семенами, выращенными колхозом. Эти высокие по чистоте и всхожести семена лежали в амбарах Андроньча, готовые к отправке в поле. «Таежный ключ» не был семенным хозяйством, но Вера Петровна мечтала об этом и упорно шла к цели. И вот семена есть. Пока их немного, только на посев и небольшой резерв на всякий случай.

Звонок из районного центра прозвучал совершенно неожиданно. Звонил Курмышов. Его короткое: «Смелик мне!»... — не предвещало ничего хорошего. Вера Петровна взяла трубку. Корнева, Нюша и Кузьма по выражению ее лица угадали, что речь идет об очень важном и неприятном.

— Не дам, товарищ Курмышов! Нет у нас, понимаете, только самим и очень немного резервного фонда... Дайте нам провести посадку собственными семенами. Неужели вы не понимаете?

Она старалась говорить спокойно, но все в ней кипело. Видимо, ее доводы не могли убедить Курмышова. Он повысил голос. Из трубки, которую Вера Петровна держала теперь так, чтобы все слышали, неслись угрозы:

— Ответственность за срыв ляжет на вас! Ответите по суду!

— И ответу, — не выдержав, закричала Смелик и бросила трубку. — Не испугаешь меня судом. На моей стороне он будет... Слыхали, товарищи, судом грозитя за то, что семенной картофель не могу в «Зарю» отдать. Ишь ты — Гуляйденъ за ним сегодня приедет!

В контору вошел участковый агроном.

— Вот, как нельзя кстати, — бросила ему Вера Петровна.

Надежда Григорьевна не удержалась, позвонила Быстрову:

— Мы все, Николай Гаврилович, не можем прийти в себя от нового распоряжения Курмышова. У нас забирают семенной картофель.

— Как забирают?..

И тогда Корнева пересказала ему все, чему свидетельницей только что была.

Быстров, не перебивая, выслушал ее.

— Пока картофель никому не отпускайте. Я позволю вам позже, — сказал он.

Через час прибыл Гуляйдень.

— Здоровьечко вам! — низко поклонился он, едва переступив порог.

— Здравствуйте, — холодно отозвалась Смелик. — Что, уже по картошку приехал?

— По картошку...

— Ничего не выйдет, нет у нас лишних семян.

— Ну, как это нет, когда сам Платон Петрович дал мне указание.

— Ну вот, к Платону Петровичу поезжай, а у нас нет.

— Полно дурить, Вера Петровна, не зря же я ехал. Вот сяду и буду сидеть, а без семян не вернусь.

— Садитесь, пожалуйста, места не просидите, — ядовито проговорила Ньюша, подавая ему стул.

Гуляйдень разозлился:

— Мне тут с вами шутковать некогда. Звоните Курмышову, не то в райком, куда хотите, а картошку давайте!

— Мы звонить не будем, нам сейчас позвонят, — все тем же тоном, хитровато сощуриив глаза, ответила ему Ньюша.

— Ух ты, какие вы важные персоны, «нам позвонят», — не удержался Гуляйдень.

А телефон действительно зазвонил.

Смелик сняла трубку.

— Участковый агроном? Здесь... Да, закончили полную проверку в натуре. Излишков нет. Есть резервный фонд, не превышающий установленного процента. Акт

направить вам? Хорошо... Гуляйденъ прибыл, товарищ Быстров. Вот сидит против меня, требует семян... Ясно! Спасибо. — Она повесила трубку. — Вот так, Гордей Нионович. Зря приехали, нету у нас лишних семян.

— Знаю, слышал, — мрачно ответил он.

— А на будущий год наверняка будут, — продолжала Вера Петровна. — Приезжайте, дадим без всякого начальства. И сейчас бы дали, да нечего. Надо бы вам не с Платоном Петровичем, а со мной сперва поговорить.

Но Гуляйденъ уже не слушал. Буркнув себе что-то под нос, он вышел.

— Эх председатель! Ума палата, да запертая, а ключ потерян, — с усмешкой проговорила Нюша.

Глава 8

Приближение весны рождало у Раисы какое-то тревожное ожидание.

Когда кто-нибудь возле нее произносил имя Быстрова, ей становилось радостно. Она думала о нем с нежностью, и все вокруг, казалось, было связано с ним: фермы, поля, машины, люди, работающие на них, — все говорило о его неистощимой энергии, о его неукротимой любви к делу, к жизни... Теперь-то Раиса понимала значение двух таких коротких слов — «свое дело».

Последнее время вспоминалось только все лучшее, что было у них с Быстровым.

Раиса никому не могла рассказать о своем душевном состоянии. Даже с Надеждой Григорьевной она не говорила об этом. Но каждый день приобрел для нее новый смысл, и, когда вечером она подавала Вере Петровне итог работы всей бригады за день, а в стопках трудовых книжек колхозников аккуратно ставились в ряд трудоводни, она думала: «Неужели все это сделала я?».

А весна 1944 года была быстрой, буйной. Отцвела черемуха. Отсеяли зерновые, готовились к севу сои. У Раисы прибывало работы. Она радовалась этому. В поле с народом все грустное отходило на второй план.

Надежда Григорьевна поздно возвращалась домой. Однажды она пришла с заседания правления колхоза очень расстроенная и разбудила Раису.

— Ну, Рая, что будем делать?... — сказала Корнева, садясь к ней на кровать. — Не удалось убедить... Объяснили массив в Поперечной пади неудобницей и бросают весь клин, понимаешь?

— Как, под залежь пускают, что ли? — Раиса села на кровати, обхватив колени руками.

— Не хотят обрабатывать и все.

— Что же теперь делать?

— Сама еще не знаю, что делать. Главное — и Вера Петровна не решается бороться за эту землю. Боятся, что и время, и труд уьем зря... Что ж, ее понять можно. Дорожит колхозной копеечкой... А ведь землю эту можно вернуть к жизни... Хочешь, завтра пойдем в Поперечную падь? Часиков в шесть я тебя разбуджу?

— Обязательно, — ответила Раиса.

Утро выдалось росистое. Молодая трава отливала серебром. Ступишь в таз с водой ноги опустишь. Тишина в поле нарушалась трелями жаворонка. Из-за сопки поднималось солнце. С обочины дороги, откуда роса уже сошла, подавали свой голос кузнечики.

Прошли озими. После раннего боронования и подкормки они хорошо двинулись в рост, хотя и были изрежены. Раиса залюбовалась этим зеленым разливом хлебов.

— Красиво? — спросила Корнева.

— Очень.

— Подожди, сейчас увидишь другое.

Они свернули в Поперечную падь. Миновали небольшой пригорок и остановились от неожиданности: перед ними расстилалась мертвая земля. Серая растрескавшаяся почва с торчащими прошлогодними кустами сухой полыни наводила уныние. Здесь и птиц было мало.

— Почему она такая, Надежда Григорьевна?

Корнева вздохнула:

— Я об этом агрономов спрашивала. Говорят, пахотный слой невелик. Почва очень истощена. Органических веществ в ней мало. К тому же поля неправильно использовались. Сеяли и сеяли на них зерновые, а об удобрении земли не беспокоились. Взяли от нее, как хищники, все, что могли, а сейчас бросить хотят. Жалко мне эту землю!

Она нагнулась, с трудом наскребла горсть земли, показала ее Раисе.

— Смотри! — Корнева наклонила ладонь, и на траву посыпалась мелкая серая пыль.

— Надежда Григорьевна, — вдруг оживилась Раиса, — а если сюда навозить удобрений, а?

Корнева горько улыбнулась:

— Так вот о том и разговор, что не хотят. Не убедила я их. Не хотят возиться с этой землей.

Из Поперечной пади они пошли прямо на полевой стан. Надежда Григорьевна уехала в село с попутной подводой, а Раиса отозвала в сторону Кузьму и Нюшу и рассказала о том, что видела.

Кузьма сидел на бревне и тер пальцами висок.

— Надо бы самим навозить удобрений, сколько сможем. Подключим к этому делу мальчишек.

— А семена?

— Ну это в наших руках. Будем строго экономить на всех участках, высеивать только норму. Сэкономленное — туда! Дело тут не только в этих пятнадцати гектарах, а еще и в том, чтобы отбить охоту у таких правленцев, как Зубенко, идти по легкой дорожке.

Кузьма зло сплюнул и поднялся с бревна:

— Решено — будет у нас на том клину соя.

После этого разговора Кузьма и Нюша стали возвращаться домой с поля очень поздно. С ними задерживалась и Раиса.

Сою в тот год сеяли раньше обычного. Почва хорошо прогрелась, погода стояла отличная.

Андроныч щедро отпускал семена. К концу первого же дня сева от Кузьмы прискакал посыльный — Юрка Смелик:

— Андроныч! Сои не хватило, давай добавку!

— Как так? — удивился Андроныч.

— Ну как... В мешках, видно, меньше было. Не хватает и все... Да что у тебя, сои, что ли, нет?

— А с кем же я отправлю? — спросил Андроныч.

— Кузьма сказал, чтобы я Резвого на конюшню отвел, а семена сам привез.

— Ну, тогда лады, — согласился Андроныч.

Минут через двадцать подвода, нагруженная мешками с соей, ушла с колхозного двора. Юрка не поехал улицей, а свернул на проселок, ведущий в Поперечную падь.

В эти дни Раиса отлично освоила новую специальность — сеяльщика. Настал час, когда она вернулась

домой сияющая. С шумом повесила в сенцах свою «козу» и вошла в комнату:

— Кончили.

— Что кончили?—спросила Надежда Григорьевна.— Сою-то еще сеют.

— Да мы там один массив закончили. Скоро совсем отсеемся. — Ей очень хотелось рассказать Надежде Григорьевне, какой именно массив закончили, но она была связана словом с товарищами.

— У тебя, я вижу, хорошее настроение, — проговорила Надежда Григорьевна, откладывая в сторону газеты.

— А я нынче мало с «козой» ходила, — отозвалась Раиса, заглядывая в кастрюли на плите.

— Это как же так, значит, завтра вдвойне придется работать?

— Нет, — покачала головой Раиса, пережевывая хлеб. — Я вашими прошлогодними промерами пользовалась. Везде колышки понабиты. Вот спасибо-то!

Утром в Долинки позвонили из райкома комсомола. Во Владивостоке созывалось совещание комсомольско-молодежного актива. Долинцы должны были выслать трех представителей. Нюша в эти дни плохо себя чувствовала, температурила и ехать не могла. На Кузьму легло руководство обеими бригадами. Поехать должны были Дуня Власова и Раиса.

— Удобно ли мне ехать? — говорила она Нюше. — Ведь из комсомольского возраста вышла.

— Ну вот, теперь будем считать годы. Разве в этом дело? Поезжай, Раиса. Потом все нам расскажешь.

Раиса волновалась. Первый раз в жизни она выполняла такое поручение.

Владивосток встретил их радушно. Участников совещания ждали в театре. Раиса шла по знакомой улице вместе с Дуней Власовой. Они издали увидели красное полотнище, растянутое на фронтоне театра: «Привет комсомольско-молодежным активистам края!».

Дуня Власова и Быстров были избраны в президиум. «Разве он здесь? Когда же он приехал?» — подумала Раиса. Она прижала к груди черную лакированную сумочку, стараясь унять биение сердца. А оно все стучало и стучало. «Сейчас он пройдет мимо. Лучше никуда не смотреть. Господи, почему я так волнуюсь?».

Быстров прошел строгий, сосредоточенный. Он не заметил Раису, а она проводила его долгим взглядом.

Начался доклад. Секретарь крайкома комсомола говорил о роли молодежи в жизни страны, о мужестве бойцов на фронте, говорил о том, что и в тылу молодежь стала опорой Родине. Раиса вслушивалась в эти слова и, сама того не замечая, кивала головой.

А потом парни и девушки поднимались на трибуну, рассказывали о своих успехах и тревогах, как и чем они помогали Родине.

Вдруг она услышала, что председатель предоставил слово Дуне Власовой.

Дуня свободно и просто говорила, как после ухода комсомольцев на фронт в селе заново создана комсомольская организация, какая ответственность за колхоз легла на плечи парней и девушек.

Но вот она заговорила о тех, кого Долинки послали на фронт. Павлуша, Николай Власов. Голос ее дрогнул. Она судорожно мяла в пальцах белый кружевной платочек...

— Здесь в зале находится моя подруга, Раиса Аникина. Она продолжит, а мне трудно. Муж мой там... — услышала Раиса.

Кто-то из президиума протянул Дуне стакан воды, помог ей сойти с трибуны.

— Товарищ Аникина, пройдите на трибуну! — слышался голос председательствующего.

Раиса растерялась. Она не готовилась к выступлению. Но, вспомнив Ньюшино лицо у Павлунькиной вешки, Анастасию Демьяновну Еремину и ее внучонка, у которого еще до рождения война отняла отца, поднялась на трибуну:

— У долинских ребят и девчат нет сейчас большего счастья, чем сознавать, что ты заменил тех, кто на фронте. Не каждому это удалось понять сразу. Иному очень трудно было встать на свою дорогу. По себе знаю!.. Мы солдаты тыла...

Она говорила о молодежи маленького таежного села, но это были дела и думы молодежи всего Приморья.

Ей долго аплодировали, но она не слышала аплодисментов, не видела лиц сидящих в президиуме. Не помня себя, вернулась на свое место.

Едва дождавшись перерыва, Быстров выбежал в

зал — Раисы уже не было. Он бросился в фойе, но нигде не мог ее найти. Не видел он и Дуни Власовой.

Прозвенел третий звонок. Неужели ушли?.. Заняв свое место в президиуме, Быстров напряженно всматривался в зал,

Вот они обе. И Дуня, и Раиса. Дуня что-то сказала подруге и прошла на сцену. Встретившись взглядом с Быстровым, Раиса вздрогнула и опустила голову. Она долго сидела так, не решаясь снова взглянуть на сцену.

Когда совещание окончилось, Раиса задержалась в зале, поджидая Дуню. Подошел Быстров...

Долго они бродили в этот вечер по городу. Она рассказывала о себе, о том, что пережила в последний год.

Во второй половине следующего дня, как и было условлено, Раиса подошла к большому зданию на углу Ленинской и улицы Первого мая. Здесь ее увидел Володя:

— Садитесь в машину, Раиса Львовна. Николай Гаврилович сказал, что сейчас выйдет.

Раиса не спит, притихла... Ей видны и звезды, и темный силуэт Николая. Ей никогда не было так хорошо. Быстров крепко держит ее руку. Вот он, уставший, отклонился на спинку сиденья. Она не отстранилась, а лишь немного повернулась, чтобы ему было удобнее.

В Долинки приехали ночью. У своего дома вышла Дуня, потом подъехали к дому Раисы...

— Приедешь? — очень тихо спросила она.

— Обязательно! — так же тихо ответил он.

Быстров сел в машину только тогда, когда в окнах зажегся свет.

— Ну, Володя, поехали домой в Чернореченскую.

Глава 9

Лето входило в свою лучшую пору. Вовремя выпавшие дожди быстро погнали в рост хлеба. Поднялись овощи в огородах. На бахчах раскинулись кружевные арбузные плети. А в полях и в лугах все цело, набирало силу. Цветов в эту пору множество: на склонах сопкок, на лугах и болотах, по обочинам дорог. Огромные букеты душистых пионов видны в окнах домов, в кабинках автомобилей.

В лугах горьковатый запах полынка смешивается со сладким запахом белого клевера, над которым тучами вьются пчелы. Травы шуршат, волнуются. От легкого ветра по ним, как по речному разливу, бегут волны.

В травах неумолчно кричат кузнечики. В бездонной синеве небес от зари до зари поют, заливаются жаворонки.

Птичьим гомоном наполнена и тайга.

Вера Петровна и Андронич полдня объезжали поля. Рожь уже пошла в трубку. А пшеница!.. Зеленой стеной стоит матушка. Будет нынче хлеб!

Доехали до картофельных полей и остановили коня в изумлении: не поле, а вспененное море расстиралось перед ними. Буйный розовый и сиреневый цвет картофеля источает медовый запах.

— Ты посмотри, что делается! — любясь полями, говорит Вера Петровна. — Вот уж действительно бужет природа.

— Не согласный, — заявляет Андронич, удобнее усаживаясь в бедарке. — Не согласный. Бушевать она зимой будет, а сейчас она ликует, Петровна!

— Ну пусть ликует, — согласилась с ним Вера Петровна и предложила: — Давай-ка, Андронич, сократим путь и проедем через Поперечную падь.

— А что ж, и поедем... Ну, милой, давай! — окликнул он коня, легонько хлопнув вожжой.

У старой липы поворот в Поперечную падь. Дорога тут хуже. Бедарку подбрасывало, трясло.

— Ну уж и выбрала путя, всего растрясет, — сказал Андронич.

— Зато близко, — отозвалась Вера Петровна и вздохнула. — Совесть меня мучает за этот клин, Андронич. Шутка ли, такую землю бросить. Люди за каждый гектар бьются, а мы пятнадцать бросили.

— Так ведь на ей же ничего не родится, труд только переводим.

— Должно родиться, Андронич, если удобрить как положено. Думаешь, я не понимаю? Вот только сил не хватает... Когда война кончится, придут наши, и тогда уж не то что Поперечную падь, тогда мы все болота в Дальнем логу высушим. Ох, Андронич, — тихонько говорит она, словно жалуется на судьбу, — тяжело бабам без мужиков управляться. Другой раз к сердцу подсту-

пит — взвыла бы, а нельзя. И снова за дело. Вцепишься в него обеими руками — вроде бы и легче.

— Тебе, Петровна, надо во всех случаях крепиться. Тебя народ уважает, дело тебе большое доверил.

В Поперечную падь добрались в сумерки. Вера Петровна глазам своим не поверила: вместо брошенного выработанного клина раскинулись посеvy ровной, хорошо обработанной сои.

— Вот те на! Кто ж это тут старался? Ведь на правлении... Кто ж им семена дал?.. Ты знал? — накинулась она на Андронича.

— Истинный бог, не причастный! — отвечал Андронич, удивленный не меньше Веры Петровны.

— Н-ну, дознаюся! — не унималась Вера Петровна.

— Ты погоди сердчать! — перебил ее Андронич. — Ты сперва разберись что к чему. Может, жалко кому стало эту землю, вот и не захотели ждать, пока война кончится. Вишь ты! Соя какая!

Андронич спрыгнул на землю, вырвал крепкий высокий куст и разглядывал его со всех сторон:

— Гляди-ка, корни какие, и стебель сытый. Не иначе, как удобрения подсыпали, минералов. Правду говорю!

— Да я и сама вижу... — уже спокойно сказала Вера Петровна. — Одно скажу, смелый человек! Да не один он тут, конечно, орудовал. Молодцы, ей-богу молодцы, — она была уверена, что без Кузьмы и Нюши тут дело не обошлось, но кто зачинщик?..

Хоть и поздно вернулась в село, однако Вера Петровна сейчас же послала Юрку за Надеждой Григорьевной и обоими бригадирами. Юрка сразу понял, в чем дело.

— Мамадя до вашего клина добралась, послала меня за Кузьмой и Нюшей, — шепнул он Раисе, прежде чем идти в дом звать Надежду Григорьевну. — Дознаться-то дозналась, ворчит, а все равно веселая.

— Вы ничего не знаете и ни за что отвечать не будете, — предупредила бригадиров Раиса, перехватив их на улице. — За все отвечу я. Придет время, еще и спасибо нам скажут. Вот увидите.

— Может, и скажут, — согласился Кузьма. — Только уж как хочешь, а отвечать будем вместе.

И сколько ни спрашивала их Вера Петровна, ни один из бригадиров ничего не сказал: не знаем и все.

Тогда Вера Петровна послала за Раисой.

Та явилась мгновенно.

— Ты замеряла клин в Поперечной пади? Кому начисляла трудодни за пахоту и сев сои?

— В первый раз слышу?! — невозмутимо ответила Раиса. — И не замеряла, и никому ничего не начисляла.

— У них узнаешь, как же! Черта лысого они рассказывают, если уж решили втихую действовать. Только вот зачем, никак не могу понять? — раздраженно говорила Смелик Надежде Григорьевне, когда молодежь ушла.

— А там что, действительно хорошая соя? — спокойно спросила Надежда Григорьевна.

— Отличная.

— А чего же тогда шум поднимать? Никакой беды нет, — заметила Корнева.

Утром Вера Петровна отдала Раисе распоряжение. Замерить и составить акт на обработанный участок.

— Будет сделано, Вера Петровна, только попозже. Уж очень много работы, — ответила Раиса.

Через пять дней вечером все трое явились в контору и положили перед Верой Петровной акт.

— Трудодни выведены в общем количестве. Не знаю, кому начислять, — невозмутимо докладывала Раиса. — Земля брошенная, ни в какую бригаду не включена, в посевном плане не значится, в сводки по выполнению разных работ не включалась. — Все это она изложила строго официальным тоном. Потом перевела дыхание, оглядела всех и уже с хитринкой продолжала: — Итог вот здесь: за вывозку удобрений, за пахоту, за посев, за подкормку. — Она на секунду остановилась и, подмигнув друзьям, медленно закончила: — И за перепашку сидерального пара.

— Как?! — в один голос крикнули Вера Петровна и Андронич.

— Очень просто, — отвечала Раиса, — трактором ХТЗ с трехкорпусным плугом. Все как положено.

— Ну чего мне с ними делать-то?

— С кем это.

— Ну, с теми, кто самовольничал. Придется, видимо, за самовольство объявить выговор, а за высококачественную обработку — благодарность.

— Ура! — весело крикнул Кузьма. — Соломоново решение! Да здравствует наш «молодежный клин».

— Наш — молодежный клин? — повторила Вера Петровна. — Значит, это вы втихую там орудовали.

— Так точно! — отчеканила Раиса.

Немало в тот вечер смеялись в Долинках. Только Вере Петровне было невесело.

— Не гожусь я больше в председатели. Молодежь дальше меня видит, — говорила она.

— Не ерунди! Председателем тебе быть да быть. Только ты нового не бойся, не всегда надо держаться за старое, проверенное, — ответила Корнева. — А что молодежь вмешивается в жизнь, так это в порядке вещей. Наше дело направлять ее энергию куда следует...

За участком в Поперечной пади с той поры так и утвердилось название «Молодежный клин».

Глава 10

В медпункте шел ремонт. Доктор Климов был уполномоченным крайздравотдела и время от времени наезжал сюда. Иногда задерживался до позднего вечера. Приходила и Надежда Григорьевна. Всегда живая, веселая, она шутливо подзадоривала рабочих, устанавливая атмосферу простоты и сердечности, при которой и работаете легче, и смеется веселее.

От стружек и щепы пахло хвоей. Сергей Михайлович иногда и сам брался за топор или рубанок. Работал он с наслаждением. Как-то поздним вечером они с Надеждой Григорьевной пришли сюда подышать прохладой, посидеть на бревнах. Из палисадника Сережи Пронина доносился запах душистого табака, с полей тянуло горьковатым полынком. Землю окутал тихий летний вечер.

— Хорошо у нас, — сказала Надежда Григорьевна.

— Очень хорошо, — не сразу ответил Климов. — Мне хорошо там, где вы. Я не могу без вас, Надежда Григорьевна, Надя!..

— Я тоже, Сергей Михайлович... — тихо сказала она, прижавшись щекой к его плечу.

С совета МТС Смелик вернулась расстроенная. Несколько комбайнов, готовых к уборке, продолжали стоять на территории станции на приколе: не было запас-

ных частей. Вместо обычных трех машин Воронов обещал «Таежному ключу» всего два комбайна.

Совет проходил бурно. Председатели колхозов требовали от Воронова решительных мер по изысканию запасных частей.

Воронов выслушал всех и сказал:

— Наша МТС не одна в крае, у всех такое положение. Запасные части будут нам отгружаться по мере их поступления. Давайте лучше думать, как убрать урожай тем, что имеем. Сейчас все средства хороши!

С тем и разъехались по домам.

А поздним вечером Вера Петровна рассказывала Корневой о совещании.

— Что будем делать? — качая головой, приговаривала она. — В прошлом году хоть на полмесяца дали третий комбайн, а нынче вовсе не дадут, а ведь зерновых-то нынче больше. Не уберем, Надя, под снег пустим!..

— Ты с ума сошла!.. — резко одернула ее Надежда Григорьевна. — Подожди.. у нас же есть три конные жатки.

— Две. Одна еще не на ходу, МТС медлит с ремонтом, — мрачно заметила Смелик. — Я вчера была в кузнице. Надо достать шинового железа, и жатку наладят. А где его возьмешь?

— Надо искать. Соседей-военных попросим помочь. Всем, кто умеет косить, дадим косы, женщинам серпы.

— Много ли уберем вручную? — покачала головой Смелик.

— Много, если сердца закипят! — Корнева подошла к Вере Петровне и села рядом. — Не понимаю, что с тобой, Вера? Почему теряешься. Ведь прошлый год неплохо хозяйничали, почему же нынче не сможем?

Смелик тяжело вздохнула:

— Потому что не по силам хозяйство размахнули. И сеем больше, и скота развели больше, а людей-то не прибывает!

— Вера, у нас в Орле на заводе один небольшой цех год от года увеличивал выпуск продукции, хотя количество рабочих в нем оставалось прежним. Теперь с первых дней войны этот цех эвакуирован на Урал. Сама понимаешь, работают на новом месте в значительно худших условиях, а выпускают продукции в три раза больше довоенного времени. Вот письмо оттуда, почитай.

В чем дело? Конечно, всю свою волю, все силы в кулак собрали. А у нас? Разве у нас нет таких примеров? Посмотри на Ньюшину бригаду. В прошлом году с весновспашкой только-только сладили. И то не клеилось, и это, и пахали весной девушки неважно, то огрехи, то малая глубина. А как зябь подобрали? Красота! Нынче весной раньше всех отсеялись. Это тебе не пример?.. Иди отдыхай, завтра решим, что делать.

— Страшно мне, Надя. Устала я, что ли? В тоске извелась?.. Сама не пойму, только тяжело, — с горечью проговорила Смелик. — Ну, бывай здорова!

Надежда Григорьевна вышла на крыльцо проводить ее.

Село окутала темная звездная ночь.

Хлеба дозревали. Наступила самая горячая пора.

Утром взяли на учет все, что могло пригодиться на уборке. Кузьма созвал внеочередное комсомольское собрание с участием всей молодежи села. На повестке дня — подготовка к уборке. Задача ясна: кто на тракторе, кто с косой — убрать все до последнего колоса.

Многие косить не умели. Решили учиться косить, и жать, и вязать снопы.

А к вечеру произошел скандал, наделавший шума на все село: Татьяна Жукова избилла своего четырнадцатилетнего сына. Парень явился с собрания, схватил отцовскую косу и начал валить траву в огороде, по межам, у плетня: Зацепился за сучок и порвал пятку у косы.

— Где я теперь косу возьму? Кто мне ее даст? — кричала Татьяна.

Корнева, услышав об этом, пошла к Андронычу.

— Учи-ка молодых, старина. Косцы нам сейчас до крайности нужны.

Несколько дней кряду на лугу за селом продолжались эти необычные занятия. Парни, девушки, женщины, у которых уже серебрились виски, с косами в руках выполняли все указания Андроныча. Каждый понимал: косить траву для своей коровы — одно, а валить с корня хлеб по нитке так, чтобы не перепутались колосья, — другое.

Тем временем Корнева побывала в соседнем гарнизоне. Железо полковник обещал и людей на уборку тоже, но понемногу и в разное время.

— Мы бы всей душой, дорогой товарищ, но обстановка не позволяет, вы должны понять.

— Я понимаю, — отвечала она. — А жены?

— Что жены? — недоуменно спросил полковник.

— Жены офицеров разве не могут пойти в поле поработать? Кто не умеет — научим.

Полковник протянул ей руку.

— Очень правильная мысль, не возражаю. Сейчас познакомлю вас с политработником и женоргом. Действуйте.

Полковник не обманул, железо было доставлено в кузницу.

Настроение Веры Петровны поднималось. На очередной телефонной переключке, которую вел секретарь райкома партии, она уверенно докладывала:

— Принимаем все меры, постараемся убрать хлеб в срок и без потерь.

А Корнева не унималась. Теперь она заставила Кузьму с Андроничем и кузнецом проверить весь транспорт, всех лошадей, мешки — словом, все, что могло быть взято на вооружение в борьбе за хлеб.

— Никаких недоделок, поймите! — говорила она. — И мелочей в этом деле тоже нет.

На очередном бюро райкома Воронов и председатели колхозов докладывали о готовности к уборке. Первым выступил Воронов. От него не ждали ничего нового. Все знали, что часть комбайнов не может выйти с территории станции, но Воронов все же сообщил, что на три комбайна запасные части получены, и машины вошли в строй.

У Смелик забилося сердце — дадут!

— Решайте сами, куда эти комбайны направить, — продолжал Воронов. — Можно, конечно, отдать тем колхозам, у которых машин не хватает, но учтите, по два-три комбайна там есть. В некоторых же артелях, как например, в «Колосе», на ходу всего один комбайн. Я лично считал бы возможным дать двум таким колхозам по комбайну, а третий... — Воронов замаялся.

— А третий? — тревожно спросила Смелик.

— Третий как раз я думал дать «Таежному ключу», но товарищ Курмышов считает, что его надо направить в «Зарю».

В кабинете зашумели.

— Почему именно в «Зарю»? Надо подкрепить колхоз послабее! — раздалось сразу несколько голосов.

— В самом деле, почему в «Зарю», товарищ Курмышов? — спросил Быстров.

— А чего ж вы равняете? Сколько посева у них и сколько у нас?! — крикнул со своего места Гуляйдень.

Курмышов уцепился за эту реплику:

— Им много убирать, Николай Гаврилович. В «Колосе», в «Правде», в «Утре тайги» вполовину меньше.

— Так вы и разделите парк соответственно! — в сердцах бросила Смелик.

— Где там «соответственно», нам один комбайн дали, а второй только обещают, — сказал председатель «Колоса».

— А мне как быть, когда у меня на одной пшенице по двадцати переездов с поля на поле? Массивы-то, сами знаете, все по распадкам да увалам. А комбайн всего один, — в голосе председателя колхоза «Утро тайги» слышалась обида.

Смелик почувствовала, что не имеет права, не может требовать комбайн, но не может и примириться со стремлением Курмышова — создавать условия только одному колхозу. Наклонившись к Корневой, она тихо спросила:

— Как, Надежда Григорьевна, обойдемся?

Та сразу поняла, о чем думает Вера.

— Обойдемся.

— Мы не станем просить комбайн, — громко сказала Вера Петровна, строго глядя на Курмышова. — Мы поставим на уборку в два раза больше жнецов и косцов, чем в прошлом году. На ходу конные жатки. Обещают помощь соседи. Одним словом, думаем справиться. Но, товарищи, я не понимаю, что даст этакая погоня за отдельными рекордами. Я говорю о «Заре», товарищ Курмышов; «Зарю» вы всегда пестуете. Уж как мы весной просили: дайте нам землеустроителей, помогите порядок навести в полях. Так нет, послали специалиста в «Зарю».

Сортовые семена, минеральные удобрения — прежде всего «Заре». Куда едут помогать на прополке или на сенокосе рабочие и служащие из районного центра? В «Зарю». Почему райисполком так ее нянчит? Что у него, других колхозов нет? А теперь посмотрите, какая отдача, — продолжала она. — По хлебу с государством

«Заря» рассчитывается так же, как мы, по мясу за первое полугодие и доселе не рассчиталась. Трудодень какой у них, такой и у нас. Да и по доходам мы нынешний год им на пятки наступаем...

— Что там наступаете. Уже наступили! — зло выкрикнул Гуляйдень.

— Может, и наступили, не видим в том плохого, — спокойно закончила Смелик под бурное одобрение всех председателей.

Слово взяла Корнева. Она рассказала про то, как завоевал Курмышов в Долинках прозвище Жми График, как требовал выдать «Заре» семена картофеля в ущерб «Таежному ключу», как поднимал на смех начинания молодежи, как мешал им работать.

— Какой же это руководитель, если мы его помощи не чувствуем?! — говорила она. — Не хочет он бороться за то, чтобы слабые колхозы по-настоящему крепко встали на ноги. Куда легче помогать тем, кто посильнее!

— Я прошу высказываться по существу, товарищ Корнева, — послышалась реплика Курмышова. Он непрерывно теребил мочку уха. — Мы обсуждаем вопрос о подготовке к уборке урожая, а не работу председателя исполкома.

— О подготовке нашего колхоза к уборке уже докладывала товарищ Смелик, — откликнулась Корнева, — но и работа исполкома связана с нашей работой, товарищ Курмышов. Вы большое дело подменяете администрированием и мелкой опекой, да и то не всех опекаете, а так, через пятого...

Она села.

Быстров встал — ему вдруг отчетливо вспомнилось: «...этот колхозик можно сделать показательным, чтобы не только в Приморье — в Советском Союзе о нем говорили...» — разве не весь Курмышов в этих словах? Что же он тогда не разглядел его? Что помешало? Доверился, не проверил человека в работе, понадеялся на то, что он сам без помощи кого бы то ни было изменит стиль своей работы.

Он пригладил рукой взъерошенные волосы. В том, о чем говорили председатели колхозов и секретари парт-организаций, он чувствовал и свою вину.

— Я считаю, что товарищи правильно критикуют

нас с тобой, Платон Петрович, — сказал Быстров.

Тот, не отнимая руки от мочки уха, сидел бледный, подавленный. Почва опять уходила из-под ног. Он вспомнил, как два года назад на бюро краевого комитета партии критиковали стиль его работы. Он просил тогда членов бюро крайкома дать ему возможность поработать еще, обещал... Но едва очутился в привычном седле, все пошло по-старому. Ему казалось, что он еще может продержаться на поверхности, и вот опять...

— Бюро, видимо, еще придется вернуться к вопросу о стиле работы исполкома. Я не желаю выгораживать товарища Курмышова, но должен сказать, что и мы здесь проявили некоторую терпимость к фактам, о которых говорили товарищи. А теперь — об уборке урожая.

И Быстров стал говорить о задачах, стоящих перед районом.

Глава 11

В эти дни жизнь из Долинок переместилась в поле. Выехала на полевой стан в полном составе Ньюшина бригада. Перекочевали во главе с Надеждой Григорьевной агитаторы-учителя. В школе готовились выходить на уборку старшие классы. И ее, Раисино, место было теперь в поле.

Жатва еще не началась, но ее приближение чувствовалось во всем. Раиса шла по меже, и вдруг у самой дороги возле большого массива увидела застывшую серую громаду комбайна. Возле него трактор. В тальнике, на самом берегу Перекатной, тетка Дарья устроила столовую. Врытые в землю длинные узкие столы, выструганные и промытые, блестели желтизной. Рядом скамьи.

Целый год ждала Раиса поры, когда начнут созревать хлеба. Казалось, вся земля окуталась запахом дозревающего на корню хлеба. От малейшего дуновения ветра хлеба волновались. Звенели в вышине жаворонки, как и всегда, трещали в траве кузнечики, а солнце заливало горячим светом всю степь.

Раисе хочется запеть в полный голос так, чтобы вся степь услышала. Хочется покружить вихрем по этой пыльной дороге и озорно спрятаться в хлебах, чтобы никто не видал.

«Вырастили, вырастили, — радуется она, — теперь взять, собрать все до зернышка!»

Наутро степь ожила. Тишину полей разорвало урчание тракторов, стрекот комбайнов, покрякивание ездовых, говор и смех.

Свои первые замеры на жатве Ранса по совету Веры Петровны начала с тех массивов, где хлеб валили косцы.

В переднем ряду шел Андроныч. Высокий, седой, плечистый, в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, он поражал всех своей богатырской силой. В плотно сжатых губах, в глазах, по-молодому ясных, в каждом повороте его головы отражалось чувство гордости. Андроныч делал саженные взмахи косой. Хлеб клал в нитку. Из прямого, как стрела, скошенного валка не выдвигался ни один колосок.

За Андронычем шел Назар Петрович. Этот косил легко, широко переступая ногами, словно делал заходный шаг русской пляски. Так и кажется, вот сейчас пройдет и пустит такие коленца, от которых ахнут и парни и девки. Война не сломила ни силу, ни ловкость дяди Назара, хоть на левой руке его осталось всего два пальца.

А третьим идет... Кто же это идет третьим? По всему видно, что человек этот на своем веку тоже погулял с косой вдосталь, валок хлеба ничем не уступал андронычевскому, но кто же это?

Ранса подошла близко и услышала разговор:

— Что, товарищ полковник, молодость захотелось вспомнить? — спросил Назар Петрович.

— Не сидится. Жены снопы вязать к вам пошли, ну а мы, кто свободен, — помогать хлеб валить.

— А косить ты хваток. Видать, косил...

— Косил...

Они остановились поточить косы.

— Я вот думаю, — сказал Назар Петрович. — Ежели бы не война, не пришлось бы нам женщины жатвой мучить. Ходили бы по полям всякоразные машины людям на облегчение. Эх, сволочи...

— Помешали, Петрович... Дай-ка мне оселок! — попросил он и, поточив косу, опять принялся косить саженными размахами.

Ранса дошла до межи и, привычным жестом перебрасывая свою «козу», стала измерять выкошенную площадь.

— Гляди-ко, приросла к земле девка, — кивнул в ее сторону Андронич.

— Земля она такая! Пусти хошь маленький корешок — затянет, — в тон ему ответил Назар Петрович. — Вот и ей, видать, с «козой»-то сподручнее ходить, чем где-нибудь в конторе сидеть.

Раиса меряла «козой» стерню и думала о том, что скоро приедет Николай Гаврилович. Первый день жатвы, он не может не приехать.

Володя первый заметил мелькание Раисиной «козы» и остановил машину на противоположном конце большого массива. Быстров пошел по тропке через хлеба. Когда он вышел на стерню, Раиса, закончив обмер, пошла на другой массив. Она уже сделала несколько шагов, но вдруг услышала:

— Раинька!..

— Я знала, что ты приедешь... — говорила она, спрятав у него на груди свое обветренное, загорелое до черноты счастливое лицо.

Убирать начали выборочно, где поспелей, но не прошло и трех дней, как доспела вся рожь, а за ней пшеница. Началась страда. Страда! Как объяснить это слово? Это — когда человек, забывая себя, время, еду, живет одним — убрать, стянуть весь хлеб с полей всем, чем можно. Не хватает машин, в поле идут жнецы, косцы, идут ребята сгребать колосья. И везде, куда бы ни попал в страдную пору — в поле, на ток, на заготовительный пункт или станцию, где грузится хлеб нового урожая, слышится одно стремительное слово — страда!

Целый год идет борьба за урожай, а завершается она в несколько дней. Большое это искусство — убрать все, что дала земля!

Страда — это марево, это пекло, когда в раскаленной степи нечем дышать. Страда — это время, когда люди изнывают от жары и радуются ей.

Но в Приморье бывает и так, что в самый разгар уборки вдруг польют дожди. Тогда люди бросаются спасать хлеб.

В этом крае коротких дождей не бывает. Они могут лить сутками, пугая хлеба, прибывая их к земле. Как рассказать о мытарствах, которые претерпевают люди, убирая такие хлеба? Комбайн не идет на переувлажнен-

ном массиве. Колеса вязнут в почве, выбивая глубокие ухабы. Приходится ставить комбайн на лыжи — специальное устройство из дерева и железа. Одному трактору не под силу тащить по раскисшему полю комбайн. Его тянут два трактора, но и тогда уборка подвигается очень медленно.

А на току другие заботы. Сырое зерно надо пропустить через сушилку, спасти его от гибели.

И всюду нужны руки, руки, руки.

Дожди ударили неожиданно, когда до конца уборки оставалось три-четыре дня. Днем люди работали в сплошном пекле, но как только солнце повернуло к западу, крупные капли упали на землю. Тучи в небе еще не сходились. В потемневшей синеве они еще плыли одна за другой, постепенно заволакивая край горизонта.

Андроныч, Раиса и Сережа Пронин вместе с другими колхозниками были на току. Старик увидел беду раньше всех. Люди бросились пересыпать подсушенное зерно с площадки под навес, укрывать бурты хлеба брезентами.

И вот сплошным потоком хлынул дождь. На полях работа прекратилась, люди укрылись в полевом стане. Надежда Григорьевна была с ними. Еще успели отправить на ток машину и несколько подвод с зерном, но оно было такое сырое, что его нельзя было смешивать с подсушенным. Андроныч решил пропустить через сушилку всю партию. Раиса, Сережа — все, кто был на току, бросились исполнять его указания. Никто не подумал, что примитивная деревянная зерносушилка не выдержит такой нагрузки. Совершенно неожиданно на людей, разгружающих последние подводы с зерном, вдруг посыпался огненный дождь. Каждая искорка потрескивала и сгорала на лету. Густой толстой струей вылетали эти искры из трубы зерносушилки.

— Хлеб горит! — крикнул кто-то, а вслед за этим послышался испуганный женский голос: — Сушилка горит. Ратуйте, люди добрые!..

Из-под крыши сушилки, несмотря на все усиливающийся дождь, выбивались языки пламени.

— Туши! Мокрыми брезентами туши! — крикнул Андроныч, стаскивая с бурта зерна брезент. Раиса с Сережей подхватили его и ринулись на крышу. К ним на помощь подоспело несколько человек. Брезент натя-

нули над очагом пламени, а чтобы он плотнее лег, Раиса навалилась на край ткани всем телом. Сережа рванул ее за руку:

— Сгоришь к черту, что делаешь?

Андроныч хлопотал в самой сушилке. Женщины подавали ему ведра с водой. Огонь начал стихать.

В эти минуты на ток подъехала райкомовская машина. Быстров побежал к сушилке. Наверху люди все еще держали растянутый брезент. Андроныч вышел с обожженными руками, черный от дыма.

— Отстояли, будь ты неладно! Ох и перепугало, — говорил он хриплым голосом. — Зерна-то не так много сгорело, а могло худо кончиться. — У старика тряслась голова.

Дождь не унимался. Люди убирали остатки зерна. Быстров и Володя принялись им помогать.

Подобрали все зерно, и Андроныч отпустил людей.

Дороги уже не было. Во всю ширину улицы метался быстрый мутный поток. Вода шумела в канавах и овражках.

— Не доедем, — сказал Быстров.

— Пойдем пешком, — позвала Раиса и повела его другой улицей повыше, где было меньше воды. Он попытался снять с себя плащ и отдать его Раисе, но она воспротивилась — все равно до нитки мокрая.

Дома он сам растопил плиту, вскипятил чай. Раиса переоделась в сухое и сидела на табуретке.

— Целую неделю не заглядывал. Хорошо, что хоть сегодня приехал, — сказала она.

— Не мог, Раюшка, — уборка ведь.

Она мягко улыбнулась:

— Понимаю.

Он сел у ее ног на маленькую скамеечку.

— Знаешь, Рая, теперь уже наши дороги не разойдутся, — сказал Быстров и совсем так, как делают дети, положил голову к ней на колени...

— Не разойдутся, Коля...

Новый день вошел в маленький домик не шумом непогоды, а тишиной ясного рассвета. Дождь прекратился, из-за сопки вставало солнце.

Раиса проснулась первой, но лежала тихо, боясь помешать его сну. А за чаем сказала:

— Чего ты Володю за собой таскаешь, ездил бы сам! Как часок вырвешь — так и к нам, а то жди твоего шофера.

— А ведь это мысль! — засмеялся Быстров. — Ей-богу, выучусь шоферить и сам тебя увезу отсюда!

За окном послышался гудок автомобиля.

— Легок на помине, — сказала Раиса и вышла в сени проводить Быстрова.

Он обнял ее.

— Знала бы ты, как мне там одному плохо.

— Дай мне хлеб убрать, Коля, ведь это первый мой хлеб, — просто сказала она.

Дожди шли вперемежку с ясными днями, но как ни было трудно, хлеб убрали весь. Убрали и картошку. Вера Петровна не ошиблась. Урожай был отличный.

— Пусть теперь приезжают, не откажем, — сказала она Надежде Григорьевне, вспоминая весеннюю историю с семенным картофелем.

Глава 12

Из поездки по колхозам Быстров возвращался мрачным. Уборка урожая в районе подходила к концу, а зябь пахать не начинали; медленно шла и молотьба.

Через Долинки ехали после полуночи. Володя, как всегда, свернул к домику Корневой.

— Может, не спит, Николай Гаврилович?

— Может.

Но в домике спали. Во всем селе не было ни одного огонька. Быстров представил себе свернувшуюся под одеялом Раису, вспомнил, как она сказала однажды: «Ляжешь, а ноги гудят...»

— Нет, нельзя тревожить; поехали, Володя, — тихо сказал он. — Дай-ка мне руль.

Они обменялись местами. Николай Гаврилович оставил машину только в Чернореченской у своей калитки.

— Ну как?

— Пять, однако, — важно ответил Володя.

...Раиса стала плохо себя чувствовать.

— Расхварываюсь я, что ли, — сказала она Прасковье Науменко. — Ну как придется лечь в больницу!

Та внимательно посмотрела на нее и ответила:

— Может, и придется. — Говорила серьезно, а глаза повеселели. — То-то Николай Гаврилович обрадуется...

Раиса смутилась. А потом прощаясь с ним, шепнула:

— Коля, теперь у нас будет семья.

В первый момент он ошолбенел, от неожиданности замер, а потом с нежностью прижал ее к себе.

По-южному теплые сентябрьские ночи сменяются прохладными росистыми утрами. А дни стоят по-летнему жаркие. Небо безоблачно. В густой зелени деревьев, еще не тронутой красками осени, до вечерней зари слышится разноголосый птичий гомон. По распадкам, по склонам сопок все еще цветут травы. В балочках, в затишье распустились пушистые морозки, а возле корней могучих дубов и даурских берез кустится тоненькая низкорослая живучка. Сентябрь — ее вторая весна. Чудесная это трава! Разгреби снег в январе, пропусти к ней немного солнца, и она зазеленеет на глазах. Ни мороз, ни ветер, ни ливневые дожди — ничего ей не страшно. Одно слово — живучка!

На лугах к сентябрю отрастает отава: высокая, густая, сочная. От второго укуса можно получить немало сена.

Смелик возвращалась из лугов. Где-то пели девочки. Душу разрывала тоска...

«Гриша, Гриша, где же ты?.. Куда только не писала, один ответ: «Не значитя». А сердце, ох это сердце! Бабий вешун стучит: «Жив, жив, жив... Может, попал в окружение, может, у партизан, а только жив!»

Подъехала к конторе, видит: народ собрался. В чем дело?

— Колька Власов воротился! — крикнул кто-то.

Подошла поближе. Стоит он, запыленный, чемодан и шинель бросил на траву, обнимает мать и жену. И плачут все трое, и смеются.

— Вернулся... Родные мои! — говорит Вера Петровна, а сама еле на ногах стоит от волнения. — Про моего-то не слышал ли чего?

— Нет, Вера Петровна, мы с ним на разных фронтах были, — с сожалением отвечает Николай, обнял жену и повел по улице к дому. Чемодан с шинелью несли мальчишки.

Гаврик встретил мать за воротами:

— Я все уже убрал. — Он только недавно начал хорошо говорить «р», гордился этим и старался выбирать слова с этой буквой.

— Как убрал?

— Иди посмотри.

Подошла и всплеснула руками. Калитка распахнулась настежь, куры, воспользовавшись свободой, моментально перекочевали на улицу, а потом в соседний огород и расправлялись там с помидорами. Дворик разметен, мусор и щепки валками лежат по обочине тропинки. Все крыльцо залито водой.

— Что ты, постреленок, натворил? Зачем калитку открыл? Зачем воду налил? — кричала она на Гаврика.

— Я папку зду. Убирался и двор проветривал, — сквозь слезы оправдывался Гаврик. — Сами-то окна в хате открываете, а мне калитку не даете...

Папку ждал, двор проветривал. Она схватила сына на руки. Есть у женщин такая примета: что скажет дитя, то сбудется.

— Гавринька, вернется наш папка?

— Конечно, зачем бы я убирался, — уже без всяких слез, с полным сознанием своей правоты ответил Гаврик.

Глава 13

Зима разметалась по полям. Ударили морозы. Только она уже никого не страшила в Долинках. В амбарах под охраной Андронича лежало чистое зерно. У фермы высились скирды сена и соломы. Жизнь шла размеренно. Колхоз набирался сил к новой весне.

Раз в неделю проходили зоотехнические занятия. Корнеич тоже на них присутствовал. Слушал он очень внимательно, но понимал, однако, не все... Доярки толковали о высоких надоях, о породности телят, о какой-то непонятной Корнеичу элите, о минеральных подкормках и бог весть о чем еще, чего он никогда не видел и не слышал.

Это все Надежда Григорьевна их настраивает. Вот завтра опять кличет всех фермерских на собрание. Черт-те что за женщина! — удивлялся Корнеич.

После Нового года Быстров пригласил председателей колхозов и рядовых коммунистов в райком. Готови-

лись к районному совещанию передовиков сельского хозяйства. Разговор зашел о «Таежном ключе».

— Небольшой рядовой колхоз, — говорил Быстров. — Весь его актив ушел на фронт. Скажу откровенно, мы тут подумывали: не захиреет ли артель. Только плохо мы, оказывается, знали людей этого колхоза. Героических дел они вроде не совершали, но сделали все для того, чтобы в тяжелые годы войны по-хозяйски вести дело. Они не дали пошатнуться артели. Наоборот, колхоз «Таежный ключ» идет в гору. Вот посмотрите, например, как у них дело с семенами? В нынешнюю весну большую площадь они засеют сортовым зерном. Есть что посмотреть и на ферме. С нынешнего года колхоз «Таежный ключ» станет семеноводческим хозяйством, а молочнотоварная ферма — племенной. В чем же дело, товарищи? Чем объясняются успехи колхоза «Таежный ключ»? — Он оглядел собравшихся и тут же сам объяснил: — В том, что они в каждом деле, пусть самом маленьком, видят государственный смысл своей работы...»

Вера Петровна сидела бледная, расстроганная. Она смотрела на Надежду Григорьевну и хорошо понимала, что и она чувствует то же самое.

Гуляйдень, улучив минуту, подсел к Вере Петровне.

— Ну, а сё лето мы с тобой сгукнемся, чи ни?

— Сгукнемся, Гордей Никонович. Малую толику дадим вам нашей районированной.

— Так то картошки...

— А еще чего?

— А машинами, тамотко, або лисом?!

— Э ни, — переходя на украинский язык, отвечала Вера Петровна. — Чего нема, того нема.

Был уже поздний вечер, когда долиньцы уезжали домой. Раиса ехать ночью не хотела, осталась в Чернореченской.

Когда они с Быстровым шли по улице, он показал ей небольшой домик с садом. При свете луны Раиса увидела доски, бревна, разобранную крышу.

— Кто-то строится, — кивнула она мужу.

Он засмеялся и крепко прижал ее к себе.

— Раюшка, это же райкомовский домик. Нам с тобой в нем жить.

Он остановился, обнял и поцеловал горячо, как тогда на юге, в их первые дни.

— Жить тут будем с Андриюшкой, Раюшка!
— А если с Аннушкой?!
— Пусть так!.. Вот мы и пришли, — сказал он, когда они подошли к его квартире.

Раиса увидела стол, заваленный книгами. С краю на газете черствый хлеб и недопитый стакан застывшего чая, узкая койка с жесткой постелью, чемодан в углу, а на нем тоже книги. Ей стало жаль Николая. Неуютно и холодно показалось ей.

— Я сейчас, Раюша, чай поставлю.

— Нет уж, я сама, — возразила Раиса и принялась хозяйничать.

Все были на совещании в Чернореченской, когда Юрке вручили письмо от отца. Маленький Гаврик видел, как через минуту брат стал белее стены. Гаврик испугался, крикнул Аннушку, та побежала за соседкой. Прибежала Прасковья Ивановна. Она застала Юрку плачущим.

— Папаня наш родненький без ноги, без руки, потому и не писал, — шептал он посиневшими губами.

К вечеру вернулась Вера Петровна. Схватив письмо, она тут же разрыдалась и сквозь слезы читала строки, написанные Григорием.

«...Писать вам не мог. Правая рука хоть и осталась, но тоже долго не действовала. Спервоначально решил не возвращаться к вам, а сейчас казню себя за те мысли. Я коммунист, хоть и на одной ноге с одной рукой, все равно я жить и работать сумею. Домой приеду...»

Она не могла читать дальше, села на кровать, обняла Аннушку и Гаврика.

— Как мог подумать такое, чтобы не вернуться, — сквозь слезы говорила она. — Живой был бы только, а жизнь наладим... Гришенька, солнышко ты мое!

Глава 14

К половине февраля 1945 года Красная Армия полностью освободила Польшу, большую часть Чехословакии, заняла Будапешт. Советские войска овладели значительной частью Восточной Пруссии и Немецкой Силезии. Красная Армия с боями двигалась на Берлин.

На этой дороге у немецкого городка Кюстрина погиб смертью храбрых простой русский человек, житель далекого приморского села Долинки — Василий Кузьмич Еремин. Счет, который Еремин вел с фашистами за убитого сына, был не малый.

Об этом писал в Долинки командир части...

Анастасия Демьяновна не завывала по-бабьи, не разразилась причитаниями. Она выслушала страшную весть молча, подошла к Никифору Спиридоновичу Малышко, хотела сказать ему что-то и не смогла. Опустилась на табуретку, закрыв лицо руками, затихла, словно окаменела.

Люди боялись за ее рассудок. Но Анастасия Демьяновна выдержала и этот удар. Не скоро смогла она, однако, поднять на руки внука, который так и не увидел ни отца, ни деда.

В эти же дни в одном из госпиталей, расположенных в Польше, выздоравливал верный друг Василия Кузьмича — Савелий Никитович Богдушенко. Ему предстоял долгий, трудный, но радостный путь возвращения домой.

Приехал он ранней весной. На Чернореченской поюношески спрыгнул на перрон, не дожидаясь остановки поезда. В Долинки добирался на попутной машине. Шел по родной улице, высокий, плечистый, только поседел еще больше.

С германской войны Савелий Никитович вернулся с медалями, с Великой Отечественной — с орденами, заглявшими половину богатырской груди.

— Как генерал! — воскликнула Анна Петровна, приходя в себя от радости.

— Генерал, мать, и есть. Только мне звание старшего сержанта дороже любого другого. Ну как ты, здорова? Дети-то не оставляют? Ходят к тебе?

— Не забывают нас дети, отец, хоть у каждого своя семья, — ответила жена и принялась хлопотать у стола.

Савелий Никитович ходил по хате, смотрел, не изменилось ли что, расспрашивал о колхозных делах.

— Так, — сказал он, когда покончил с едой. — Дома все по-старому, а в колхозе, видать, много нового. Говоришь, партийный секретарь есть? Добро! Сходим и к нему. Я, мать, на фронте в партию вступил.

— Уже уходишь, теперь до ночи? — спросила Анна Петровна.

— Да нет, — улыбнулся он, — скоро приду.

Вышел из сеней, потом вернулся к жене, взял огромными ладонями ее седую голову и еще раз крепко поцеловал:

— Счастливым я нынче, мать. Ах, не дожил до этого дня Василий.

И вот сидят они в конторе колхоза. В боковушке Веры Петровны Савелий Никитович едва помещается. Напротив его Надежда Григорьевна. Вера Петровна, как всегда, на своем месте. За последние дни она словно помолодела: изнутри вся светится.

— Так вот, дорогие товарищи, живой, здоровый, к работе готовый. Свой партийный билет пронес через Белоруссию, Польшу, через немецкие земли. Малость не дошел до Берлина, царпануло. Ну, что пройдено, то пройдено. Теперь поступил в ваше распоряжение, — говорил Савелий Никитович, заражая собеседниц своим веселым настроением.

— Отдыхать-то с дороги не думаешь? — спросила Вера Петровна.

— Я больше полгода отдыхал в госпиталях, Вера Петровна, хватит.

— А чем заняться думаешь? Может, возьмешь председательство, а я опять на бригаду. Кузьма учиться просится, — заикнулась было Вера Петровна, но Богдушенко замотал головой.

— Нет, Вера Петровна, это дело мне уже не по годам. Пятьдесят пять годков как-никак! Я уж опять за свое, за овощи. Нагляделся я в Польше, как за ними ходят. Ты бы мне людей постоянных выделила, да землицу поудобнее. А то ведь что у нас получается? Только слава, что овощеводы, а людей всегда от овощей на любую работу дергали. По-настоящему мы ни овощами, ни бахчами не занимались. А я это дело люблю всей душой. В окопах летом лежу, слышу, как земля свежая пахнет. Глаза закрою и кажется мне, будто все поле арбузами усыпано, а подальше хлеба виднеются. Думал, не доживу. А вот вернулся. Правда, во мне где-то кусок немецкого металлу бродит, ну и черт с ним! Придет время, и его врачи выковыряют. А пока я еще могу вожжи и лопату в руках держать.

— Тогда так и решили, Савелий Никитович, возьметесь за бахчи и овощи.

— Ну, Надежда Григорьевна, теперь в колхозе дохода прибавит, — сказала Смелик. — Он на этих овощах собаку съел. Помочь, конечно, придется. Звено ему надо подобрать покрепче и насчет земли подумаем.

Но сколько ни прикидывали, выделить под бахчи один общий участок, как просил Богдушенко, не смогли. Тогда Кузьма подал мысль:

— А что, если в Молодежном клину?

Богдушенко недоуменно посмотрел на него:

— Это еще где, я что-то не припомню?

Когда ему рассказали историю этого клина, он долго смеялся:

— Молодцы, спартизанили! Ей-богу, молодцы!

В тот же день верхами съездили на Молодежный клин. Богдушенко нашел место очень подходящим: хороший склон, рядом река, но смущало самое главное — выработанная почва.

— Удобрять, говоришь, — вслух раздумывал Богдушенко, — черт его знает, давай рискнем! Навозим еще удобрений. Первый год, может, и не удастся, а потом почву сами сделаем.

Николай Гаврилович получил телеграмму от главного врача военного госпиталя.

«Отправляем домой трижды орденосца гвардии капитана Григория Андреевича Смелик. Встречайте, окажите всякое содействие». Дальше следовали подпись, номер поезда и дата выезда из Москвы.

— Отправляем, — перечитал Быстров и почувствовал, как сухой комок застревает в горле. — Видно, привезут...

Получила телеграмму и Вера Петровна. Муж писал коротко: «Возвращаюсь домой. Целую. Григорий».

В Чернореченской Григория Андреевича встречала Вера Петровна с Юркой и Аннушкой, Савелий Никитович с Назаром Петровичем, Корнева и Быстров.

Бледная, с плотно сжатыми губами, опираясь на плечи детей, стояла Вера Петровна на перроне. Ей казалось, что когда дети вот так близко от нее, ей легче будет перенести радостную и страшную минуту встречи. Она призывала на помощь всю свою волю, все силы, чтобы не упасть, когда увидит в узком проеме вагонных дверей носилки, на которых его будут выносить...

Вот он, поезд, все ближе и ближе. Веру Петровну била нервная дрожь.

— Маманя, не волнуйся, — тихо просил Юрка. Аннушка еще ближе прижалась к матери. Паровоз прогремел мимо. Николай Гаврилович отсчитывал вагоны: третий, четвертый, пятый. Шестой остановился против них. И сразу перрон огласили два радостных детских возгласа:

— Папаня!

— Сам идет, сам!

Юрка и Аннушка, увидев отца, бросились к нему. Проводить его вышло несколько человек. Какие-то офицеры помогли Смелику выйти на перрон. Кто-то подал чемодан, который принял Богдушенко.

— Прибыли, товарищ гвардии капитан! — громко сказал лейтенант.

— Прибыл, — ответил Смелик, и только тогда при звуках этого родного голоса Вера Петровна кинулась к мужу, который уже обнимал детей.

— Гришенька!

— Сам, Вера, сам иду. — Он целовал ее волосы, лицо. Непрестанно повторял: — Вера! Вера! Вот и вместе. Тут он увидел Николая Гавриловича, Богдушенко, Назара Петровича.

— Здравствуйте, дорогие мои! Батюшки, радости-то сколько, сердце колотится!

Солнце заливало перрон. Поезд пошел дальше во Владивосток. Григорий Андреевич долго махал рукой товарищам, с которыми сдружился за долгий путь. Пошли к подводам. Только тут все увидели, что Григорий идет тяжело, опираясь на палку, припадая на правую ногу.

— Протез у меня, мать. Не совсем еще к нему привык, — сказал он. — Ну да ничего, могу и двигаться, и работать, а это главное.

Однажды Быстров приехал в Долинки вместе с Климовым. Надежды Григорьевны не было. Раиса что-то шила.

— Батюшки, чего это ты сегодня при параде? — воскликнула она, глядя на Быстрова.

— Нравится мой новый костюм?

— Ничего, — уклончиво сказала Раиса, оглядывая

со всех сторон китель полувоенного покроя. — Вот только рукав сильно морщит и воротник перекошен, а в остальном хорошо.

Климов расхохотался:

— Вот так похвастался! Влип, Николай Гаврилович.

Николай Гаврилович был раздосадован. Раиса упрекала его в невнимании к своей одежде; он хотел доказать обратное, а вот не получилось.

— Да ты не огорчайся, я переделаю, — сказала Раиса, увидев его смущение.

— Ну, это потом, — заговорил он. — А сейчас мы с доктором пойдем по делам. Вернемся скоро, а ты изволь к нашему приходу одеться. — Он сделал паузу. — Получше одеться!

— Это зачем?

— Нужно.

Смелик они застали у амбаров. Веселая, энергичная, она была переполнена радостью.

Быстров подробно расспросил ее о готовности к севу.

— Да, — спохватился он, — а где Надежда Григорьевна?

— Поехала с Кузьмой на полевой стан.

— А Малышко у себя?

— А где ж ему быть?

— Так пойдем? Взглянем, Вера Петровна, — предложил Климов.

— Ну а я к Раисе вернусь, — сказал Быстров.

— Ты готова? — с порога спросил он. — Ну пойдем пройдемся.

Только возле сельского Совета она поняла, что задумал Быстров, и рассмеялась.

Малышко, глядя через двое очков, внимательно вписывал в книгу сведения о женихе и невесте, и ему хотелось как можно красивее выписать слова на таком важном документе, как брачное свидетельство. Потом он долго тряс руки Николаю Гавриловичу и Раисе.

— А здорово у тебя получилось, что называется с ходу! — хохотала Раиса, когда они возвращались домой.

— Я же говорил, что тебя и в Чернореченскую увезу, — посулил Быстров.

Лицо Раисы стало серьезным.

— Нет, Коля, — тихо проговорила она. — Родить мне надо здесь. Ну как я без Надежды Григорьевны, без

Веры Петровны. Да я и ухаживать за маленьким не сумею. Тут тетя Паша Науменко вон ждет не дождется. Хоть первое время, Коля, мне надо тут пожить.

Вечером, когда Раиса рассказала о натиске Быстрова, Вера Петровна заметила:

— Не хочешь уезжать от нас — и хорошо. За лето построили бы домик, и живите в Долинках. Подумаешь, тридцать пять километров для легковой машины! Двадцать минут — и там...

Надежда Григорьевна засмеялась:

— Нет, мои дорогие, Николаю Гавриловичу из Чернореченской уезжать нельзя, и Раисе без него тоже теперь не жизнь. Придется нам ее провожать.

Глава 15

Апрель был на исходе. От земли поднимался легкий пар. Уже несколько дней трактора и сеялки стояли в поле наготове. Машины были тщательно отремонтированы, тем не менее долинскую бригаду снабдили запасными частями.

— Чтобы никаких простоев, — говорил он Нюше.

Накануне назначенного дня Андронич отправил в поле семена. Все было готово, чтобы отсеяться в самый короткий срок. Грустно было Раисе оставаться дома в эти дни. Она уже не ходила на колхозную работу, учетчиком теперь стал Сережа Пронин. Надежду Григорьевну она видела только ранним утром да поздним вечером. Ноги Раисы распухли еще больше, она с трудом передвигалась. В ней все больше крепла мысль стать агрономом. «Только бы все обошлось благополучно», — думала она, стараясь прогнать страх.

Однажды, вернувшись домой поздним вечером, Надежда Григорьевна сказала:

— Знаешь новость?

— Что такое?

— Курмышов освобожден от работы.

— Вот здорово?! — всплеснула руками Раиса. — Недаром я его терпеть не могла. Даже не подлый, а просто подленький человек. Кто вместо него остался?

— Пока его заместитель.

Над полями плывет теплый весенний день. Склоны

сопок покрылись молодой зеленой травой. Первыми крохотными, словно пуховыми листочками оделась тайга. В лугах, на полях, по обочинам дорог, в распадках заpestрели цветы. Все такое же, как каждый год, а воспринимается как что-то неповторимое.

— Смотри, что делается! — говорила Смелик Савелию Богдушенко. — Недели не прошло, как выехали сеять, а скоро кончим. Ну, Савелий Никитович, на чье вышло? Зря боялись мужики за наш колхоз, когда шли на фронт. Дело-то идет!

— Идет, — отозвался Богдушенко. — Не может оно не идти. Потому время такое — историческое. Каждому свою долю в победу хочется вложить. А вот погоди, закончится война, так не только пойдет, побегит дело вперед! Кое-кто еще и вдогонку за ним помчится да, пожалуй, и не догонит, — философски закончил он свою мысль.

Трактористы Ньюшиной бригады опять соревновались с механизаторами из колхоза «Колос». Опять писала об этом районная газета «Путь Ильича». Ньюша не давала покоя ребятам.

— Смотри, Ньюша, как бы у тебя «жми график» не получился, — подшучивали над ней комсомольцы.

— А чего вам график? График — это вчерашний день. Я из вас сегодня два графика выжму.

Сев заканчивали. Прямо в поле у бригадного стана в обеденный перерыв Григорий Андреевич Смелик, окруженный колхозниками, читал вслух свежую газету. Он работал теперь избачом вместо Корневой, которая заменила заболевшего Никифора Спиридоновича Малышко. Как ни доказывали Григорию дома и в правлении, что нужен длительный отдых, он настоял:

— Давайте-ка я приму избу-читальню, а там видно будет...

— «Дни гитлеровской Германии сочтены, идет последний штурм вражеского логова...» — Люди заволновались. Поле огласилось рукоплесканиями.

— Ну вот, друже! — громко говорил Григорий Андреевич. — Сами понимаете, что сейчас нужно завершить сев в короткие сроки. Без этого не вырастить высокого урожая. И еще одно, мы с вами сегодня сев закончим, а в соседнем колхозе «Колос» нашего же сельского Совета не засеяно и половины. Поля пересыхают. Что же, хладнокровно смотреть на это? Как же быть?

— Помочь бы надо...

— А они нам помогали?

— На буксир их! — раздавались голоса.

— Раз с нами соревнуются, нехай тягаются, а этак-то что не соревноваться, когда и помощь и буксир рядом! — Бойкая бабенка пронзительно выкрикивала эти слова. Она даже протиснулась вперед и буквально наседавала на Григория Андреевича. — На черта в чужое село лезть — своих дырьев хватает. Лучше вон солдаткам хаты покрыть, чем их поля уболагодворять! Мы тоже невесть какие богачи!..

Григорий Андреевич спокойно ее выслушал, оглядел всех и сказал:

— Свои дырья... А как думаете: если бы на фронте командиры частей рассуждали так, могли бы мы с вами нынче в газете прочесть такое сообщение: «...идет последний штурм вражеского логова»?

— Да чего ты ее слушаешь, Григорий Андреевич?

— Конечно, поможем. Нельзя без выручки! — ответило сразу несколько голосов.

— Надо выручить обязательно, — продолжал Григорий Андреевич. — Иначе какое же это соревнование, если мы будем пользоваться их слабостью. Что же касается ремонта хат солдаткам — то и это правильно. Я полагаю, мы его проведем. Так говорю?

— Верно, Григорий Андреевич, — отозвался Кузьма, выходя на середину круга.

— Правильно, — подхватили другие.

Ночью Быстрова разбудил резкий звонок. Вызывала Корнева. В первый раз она говорила ему «ты»:

— Приезжай немедленно вместе с доктором, — и повесила трубку.

Он понял. Оделся, позвонил в больницу — Климова не было. С Быстрым поехала молодой врач-девушка, незадолго до этого прибывшая в Чернореченскую на свое первое место назначения.

Корнева встретила их у крыльца.

— А почему не Сергей Михайлович? — спросила она Быстрова, улучив минуту, когда врач отошла от них.

— Он в другом селе, — сказал Быстров.

— Роды очень тяжелые, Николай Гаврилович, но в больницу уже не успеем, — сказала она.

В комнату его не пустили. Он присел на табуретке на кухне.

Но что было потом, он плохо помнит.

Страшные, нечеловеческие крики, команда врача, хлопанье дверей, воплески воды на плите и снова крики. Были моменты, когда ему хотелось ворваться в комнату и разметать всех, кто ее мучает. Но он брал себя в руки, выходил на улицу, курил и снова возвращался в кухню. Потом все стихло, и он услышал громкий крик ребенка — своего ребенка.

Быстрова еще долго не впускали в комнату. Раисе делали уколы, приводили в чувство. Наконец все успокоилось. Он вошел и увидел бледное лицо жены, лежащей с закрытыми глазами. Рядом с кроватью на сдвинутых стульях на подушке лежал небольшой белый сверток. Его сын...

Прасковья Ивановна, укрывая Раису одеялом, тихонько приговаривала:

— Узнала, сердешная, за что маму мамой зовут...

Быстров хотел подойти к жене, но врач остановила его.

— Потом, — шепотом произнесла она, — сон сейчас важнее всего...

Однажды ранним утром Корнева выехала в Чернореченскую.

Всю дорогу мысли ее снова и снова возвращались к Сергею Михайловичу. Перед глазами стояло его лицо, всегда немного грустное. Она уже привыкла часто и подолгу мысленно разговаривать с ним. Вспомнилось, как Марийка однажды сказала:

— Какая вы у нас красивая, Надежда Григорьевна, какая-то светлая. Почему?

У Корневой перехватило дыхание.

— Жизнь меня захватила, девушка! Вынесла на самую быстрину.

Она остановила машину и пошла в райком пешком. На улице было необычно оживленно. Люди смеялись, поздравляли друг друга с великим днем. Какая-то пожилая женщина обняла ее и крепко поцеловала. Со всех сторон слышались возгласы приветствия. Откуда-то доносились крики «Ура!»

— Да в чем дело? — спросила она и вдруг услышала

из репродуктора, установленного на улице, голос Левитана:

— ...Фашистская Германия капитулировала!..

Не помня себя, она побежала вместе со всеми на площадь и почти столкнулась с Климовым и Николаем Гавриловичем.

— Война кончилась, дорогие мои!..

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Часть первая
7

Часть вторая
165

Аглая Михайловна Чернеева

Когда пламенеют листья

Художник **Е. Есипов**
Художественный редактор
О. Чернаков

Технический редактор **В. Мошкина**
Корректоры **Э. Вайнштейн**
и **Л. Кондратюк**

ВД 02079. Сдано в набор 12/III-75 г. Подписано к печати 4/V-75 г. Формат 84×108₃₂. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,37. Тираж 15 000 экз. Бумага тип. № 1.
Цена 53 коп. Заказ 10121

Дальневосточное книжное издательство
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Владивосток, Ленинская, 43
Полиграфический комбинат управления издательств, полиграфии и книжной торговли Приморского крайисполкома.
Владивосток, Океанский пр., 69

58 коп.

14231000172716